Альманах «Солнце Севера»

Выпуск: Цельность русского бытия

Санкт-Петербург
2019

ББК 70
УДК 130.2

Главный редактор: Н. В. Арутюнов
Редакционный совет: Ж. А. Волохвин, К. М. Новиков, В. А. Юртаев
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Оформление обложки: художественный проект Veneden
Оформление иллюстраций: О. А. Петрова
Вёрстка: М. С. Сеурко

Альманах «Солнце Севера». Выпуск: Цельность русского бытия. – Санкт-Петербург: изд-во «Северная Евразия», 2019. – 158 стр.

АСБН 978-5-9216-2206-7

Творческое объединение «Солнце Севера» представляет альманах, первый выпуск которого посвящен проблематике цельности русского бытия и целостности русской истории. В декабре 2018 года на базе интеллектуальных клубов Москвы, Санкт-Петербурга, Белгорода, Нижнего Новгорода, Иркутска состоялись круглые столы, темой которых стала выработка общих подходов к пониманию русской истории как целостности, лишенной мнимых разрывов и искусственного дробления на части. Результатом работы явился сборник статей, дополненный и расширенный авторским коллективом альманаха.

Россия – страна, очередной раз вступившая в эпоху удельной раздробленности. Разделительные линии пролегли через политическое тело государства и историческое самосознание народа. Анализ причин распада последнего предпринят на страницах альманаха, имеющего целью врачевание исторической памяти русского народа и восстановление субъектности русского (в цивилизационном смысле) человека. Выпуск будет интересен историкам, культурологам, политологам, философам, а также людям, обладающим способностью к критическому мышлению.

Альманах выпущен при поддержке АНО «Общество «Китеж».
https://solsevera.ru, https://vk.com/solsevera, aspoet@mail.ru

©Творческое объединение «Солнце Севера», Санкт-Петербург, 2019
©Авторы текстов докладов и статей

СОДЕРЖАНИЕ

ОГЛАС 5
Осколки целого *(В. Юртаев)* 8
Введение в проблематику целостности русской истории (тезисы) *(Г. Зазулин)* 31
ГЛАВА ПЕРВАЯ. НЕБЕСНЫЙ КУПОЛ 38
Церковный раскол и церковное примирение: от XXI-го века к XVII-му *(М. Сеурко)* 40
Православная вера и воинство – константы русской истории *(С. Саенко)* 46
Языческий вопрос русского патриотизма *(Е. Нечкасов)* 55
Следы ко Христу *(В. Юртаев, Ж. Волохвин, К. Новиков)* 64
ГЛАВА ВТОРАЯ. ЗЕМНАЯ ОБИТЕЛЬ 78
Единство русской истории: предпосылки, мечта, реализация *(М. Медоваров)* 80
Трансформация понимания права частной собственности на землю в русской традиции и ее влияние на социальные изменения русского общества *(А. Пересветов)* 92
Когда краснеет земля *(Философский контур «Солнце Севера»)* 100
Язык как ключ к русской идее (Ж. Волохвин) 107
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ТАИНСТВО ДЕЛАНИЯ 117
«Декрет» *(стихотворение Б. Самая)* 129
Белые против красных: битва идеологий или политическая имитация? *(А. Песоцкий)* 131
Точки соприкосновения различных политических сил после февраля 1917 года. Вопросы и перспективы современного объединения *(Н. Гудков)* 136
Преодоление гражданской войны *(К. Новиков)* 140
СССР как красный Катехон в свете Четвертой политической теории (4ПТ) *(Н. Арутюнов)* 146
ВЫВОДЫ 153
Мне не надо планеты всей *(Б. Самай)* 157

ОГЛАС «СОЛНЦА СЕВЕРА»

Мы — сообщество традиционалистов, видящих в России, в русском мире живой свет, противостоящий наступающей тьме мирового Вавилона. Мы стремимся к возрождению нашего Отечества. Мы любим нашу Родину-Мать во всем её величии и противоречивости. Мы объединяем людей разных взглядов, для которых истинна цельность и преемственность русской истории.

Нашему поколению либо суждено воплотить русскую идею в жизнь, либо быть перемолотым глобалистским проектом, который жадно пожирает самобытные культуры по всему миру.

Историю двигают единицы, воспламенённые Духом. Сегодня мы призываем под наш стяг каждого неравнодушного русского человека. С нами тот, кто умер и воскрес русским.

Наша цель: создание русского братства.

Наши средства: творческое волевое действие.

Сверхзадача: восстановление традиционного уклада русской жизни во всех её проявлениях.

Наши задачи:

Дух

1. Выразить в мысли и слове необъятность русской идеи. Корни её отчасти видны: антиномичность, загоризонтность (нацеленность на решение сверхзадач), отсутствие законченности (рожденное ощущением вечности), всеединство, одухотворение материи.

2. Рассмотреть русское философское наследие как ключ к построению Русского Царства Земли и Неба. Преобразовать Землю во славу Неба — значит обуздать грех и установить меру страстям.

Плоть

1. Расширение и утверждение нашего сообщества в интеллектуальном поле за счёт организации дискуссионного

клуба, творческих вечеров, создания тематических альманахов. Сердцем данных зачинаний являются вопросы низовой самоорганизации, русской общины и артели, политическая философия, отечественная конфликтология, военная теория, русская философия и русская наука.

Мы призываем единомышленников, готовых присылать нам свежие материалы, предлагать новые идейные ветки для разработки, участвовать в очных встречах наших соратников в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Иркутске, организовывать мероприятия академического и неакадемического форматов, распространять нашу деятельность в городах Северной Евразии.

2. Организация и проведение курсов лекций по обозначенным и другим важным темам для создания единого видеолектория русского традиционалиста.

Мы призываем единомышленников, готовых работать над созданием видеолектория. Для этого требуется: согласовать предварительно выбор специалиста и круг тем лекций, оговорить организационные моменты (требования к аппаратуре и проведению съемки — окажем посильную помощь), выступить интервьюером специалиста под аудио/видеозапись, прислать нам материал для размещения на сайте.

3. Организация и проведение спортивных мероприятий для поддержания хорошей физической формы.

Мы призываем единомышленников, готовых организовывать и проводить мероприятия для поддержания здоровья тела и бодрости духа.

Мы свято верим, что каждый из вас носит в сердце искру небесного огня — но этого мало. Чудовищно легко угаснуть в ледяной ночи одиночества. Пройти через неё невредимыми и преображёнными получится лишь всем вместе. И тогда крохотная искра станет великой лучезарной звездою. Придите — и станьте. Станьте солнцем — и вас увидят.

Структурный фундамент целостности

Целостность – главная ценность человечества. Тезис, имеющий мало общего с современной раздробленной действительностью. Мир крайне хрупок, но человек стал забывать данное обстоятельство. Люди перестали дорожить целостностью, в результате чего многочисленные трещины испещрили человеческие сердца (ломая семейные устои), народное сознание (противопоставляя индивидуальность коллективности) и даже земную географию (разрушая гармонию человеческих взаимоотношений с природой). Человек, лишаясь целостного восприятия окружающей действительности в настоящем, невольно переносит сие обстоятельство и на прошлое, ярким примером чего служит российская история, изобилующая смысловыми разрывами и противоречиями, подчас проявляющими себя в виде довольно курьезных аномалий. Коммунисты, неожиданно ставшие православными верующими и прихожанами церквей, что едва уцелели в огне «мирового социалистического пожара». Монархисты, размахивающие имперскими флагами под националистические лозунги, но не имеющие даже толики представления о сути понятия «империя». Государственные мужи, громогласно заявляющие о необходимости сохранения и преумножения давних традиций, параллельно претворяющие в жизнь капиталистические социально-экономические аспекты, вовсе не свойственные России и ее народам. Все вышеперечисленное обессмысливает попытки государства «нащупать» свой путь, породить идею, способную увлечь массы. Ибо коммунист, одновременно почитающий Христа и Ленина, монархист, кричащий о «России для русских», капиталист, рассуждающий о высших духовных ценностях есть люди конъюнктуры, что во все времена способствовали государственному упадку

и общественной деградации лишь только. Максимум их национальной идеи – бессмысленные лозунги и участие в политических ток-шоу, которые к политике имеют такое же отношение, какое пивной ларек к Большому театру.

Единственный элемент целостности, которым в настоящее время оперируют верхи – это патриотизм. Однако, даже сие понятие, смысл которого, казалось бы, легко уловим широкими народными массами, употребляется столь часто и поверхностно, что давно превратилось в нечто бесформенное и воспринимаемое лишь в виде праздничного шоу. Всевозможные патриотические акции, демонстрации, проходящие под простенькие музыкальные мотивы, ярко окрашенные и задорные, больше походят на бразильский карнавал и современной молодежью воспринимаются исключительно как досуг, лишний повод отдохнуть и развлечься. Но разве глубокое и искреннее чувство любви к Родине может быть тождественно забаве? Увы, может – когда подобные мероприятия являются порождениями человека конъюнктуры, не способного и не желающего мыслить глубоко в силу внутреннего скепсиса относительно незыблемости окружающего ландшафта. Постоянство есть иллюзия и недостижимая мечта, это правда. Однако, человек героического склада характера становится во главе изменений, руководит ими с целью не пасть жертвой времени самому и смягчить последствия его бега для народа. Такой человек есть тигр, которому полосы нужны лишь для того, чтобы обмануть время и совершить успешный бросок в будущее. Человек конъюнктуры по своей внутренней организации есть торговец, готовый за приемлемую цену продать нечто, под коим может подразумеваться все, что угодно, включая интересы государства и народа. Он, своего рода, хамелеон, готовый мгновенно и не задумываясь поменять собственный идейный окрас при возникновении малейшей опасности. Современный глобальный мир, излучающий все цвета свободы (мнимой по большей части) – есть тот самый хамелеон. И сегодняшний патриотизм, увы, является лишь одним из его многочисленных цветов, призванных не допустить разрушения иллюзии выбора у потребителя.

Таким образом, апеллирование к патриотическим чувствам не только не решает проблемы потери целостного мировосприятия русским человеком, но лишь еще пуще усугубляет ее. Поэтому, во имя мировоззренческого собирания России нужен качественно иной подход, содержащий в себе в том числе патриотическую топику, но лишенную цветовой гаммы до тех пор, пока обломки русских грез не соединятся в единое гармоничное целое. И путь русского человека к целостному себе начинается с осколков его собственной истории, подчас далеко выходящей за пределы классической истории государства Российского.

Демонстрация целостного восприятия русской истории невозможна без обращения к геометрии. Геометрический функционал по праву может считаться основой как визуального, так и подразумеваемого мироздания. Любой образ, конструируемый глубинами человеческого воображения, есть, прежде всего, фигура, бережно закутанная в смысловые одеяния. Касается данное правило в том числе и явлений обезличенных, таких как природа, государство, сновидение. Упоминая о любом из них, человек мысленно представляет ряд символов, в той или иной мере олицетворяющих безликое множество. Так, государство, предстает в виде символической атрибутики – флага и герба, призванных, в том числе, придавать «лицо» посредством геометрии образов. Гимн, имея несколько отличную природу – звуковую, на письме, тем не менее, также предстает в геометрической форме – в виде нот. Поэтому, обращение к геометрии в нашем случае вовсе не вынужденное, а необходимое и безальтернативное действо.

Взятое само по себе понятие «целостность» означает законченность, завершенность. Важно понимать – чтобы иметь возможность говорить о чем-либо целом, мы должны видеть контуры, очертания предмета нашего рассуждения. В противном случае о целостности говорить не приходится. Однако, геометрия не является выражением целостности по умолчанию. Вселенная, хотя и способна быть выражена визуальным языком, не является и никогда не будет являться целостной в представлении человека, ибо сопряжена с вечностью.

Обнаружив фрагмент древнего храма, археолог может лишь дофантазировать его целостный облик, однако фантазия его, не имеющая под собой фактического основания, не будет иметь никакого значения, кроме художественного. Ибо наше воображение, являясь порождением вечности, бесконечности, также не целостно. **Чтобы осознавать целостность русской истории, даже просто оперировать сим понятием, нам необходимо заключить ее в четкие рамки определенности,** в противном случае возобладают суждения о частном. Наука, оперирующая четкими, определенными величинами – это математика, однако, **в нашем случае, определенность должна выражаться образностью, поэтому на помощь приходит геометрия. И из всех геометрических фигур наиболее емко и лаконично способна охарактеризовать русскую историю с позиции целостного восприятия фигура ромба.**

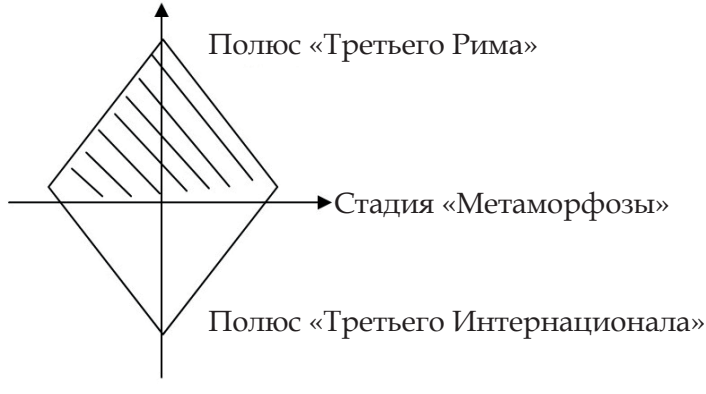


Рис. 1. Структура целостного восприятия истории России («Большого Проекта»)

Сам ромб, вытянутый вдоль вертикали условной системы координат, рассекается горизонтальной осью на два равных треугольника, что олицетворяют собой соответствующие грандиозные проекты, некогда воплощавшиеся на просторах евразийского севера. Противоположно направленные вершины обоих треугольников символизируют собой устремленность

русского смыслового созидания. Это, своего рода, северный и южный полюса утопий, к которым осуществлял движение русский человек, и, одновременно, одна утопия в рамках двуединого Большого Проекта. Россия – это территория искривленного смыслового пространства, где единство и множество при абсолютной своей противоположности, в конечном счете выступают как строго тождественные величины. И геометрия ромба, что распадается на два треугольника, идеально, с точки зрения схематичной образности, иллюстрирует смысловую антиномию. *Треугольник, указывающий на север (в рамках вертикальной топики – на высоту небес), олицетворяет проект «Третьего Рима», что имел целью поставить Россию в авангарде Царства Божия для борьбы с грядущим антихристом. Противоположная ему фигура, направленная в южную сторону (во тьму недр), есть проект «Третьего Интернационала» (Рима Четвертого), предполагавший превращение России в очаг мировой социалистической революции и главное (если не единственное) воплощение материализма на земле.* **Оба проекта достижения утопии, взятые сами по себе, являют примеры целостного восприятия русской истории.** Однако, по-настоящему целостной последняя предстает лишь при их полном совмещении в рамках одного «Большого Проекта», реализация которого и была смыслом существования русского государства на протяжении многих веков.

Какие же общие моменты позволяют говорить о смысловом единстве российской истории? Идеология «Москва - Третий Рим» предполагала созидать Россию как военно-церковное царство, близкое к божественному идеалу настолько же, насколько человек является подобием Божьим. *Будучи коллективной человеческой проекцией, государство обречено совершать грехи, и противоречивая сущность главного выразителя московской эпохи – Иоанна Грозного, который соединял в себе обе крайности – греха и покаяния – наглядно демонстрирует сей непреложный факт.* Однако, суть не в том, к какому идеалу и насколько усердно стремились идейные верхи, а в функциях, которые брало на себя государство в более широком смысле слова, что непременно включает в себя народ и масштаб его деятельности.

Россия представлялась как последний оплот борьбы с темными силами, после падения которого наступит конец света и Второе Пришествие. При этом наступление последних времен мыслилось как само собой разумеющееся явление, наподобие летней грозы или зимнего снегопада. Таким образом, Россия вступала в борьбу с антихристом на стороне Бога, заранее зная о неминуемом своем поражении. Главным лейтмотивом для нее служила возможность продления времени существования сего мироздания, чтобы дать праведным людям успеть замолить грехи человечества. Другими словами, Россия добровольно приносила себя в жертву ради высших идеалов, ради духовного спасения. Жертвенность сия воспроизводила библейский сюжет Голгофы, вследствие чего Русь нарекалась Святой в прямом значении слова, стараясь уподобиться тем самым Христу. Так народ в ипостаси государства приближался к божественному идеалу, происходило таинство массового обожения.

Но если с периодом существования Московского царства и его стремлениями быть на страже божественного порядка подспудно все более или менее ясно, то как быть с советским периодом истории? Почему же мы рискуем объединять в единое целое, казалось бы, столь противоположные устремления? Действительно, на первый взгляд вроде бы очевидно, что *Советский Союз рождался из мертвой плоти Российской империи, оживленной большевиками при помощи марксистских заговоров*. Успех в этом мероприятии в конечном итоге придал им уверенности в собственных силах и правоте. Большевизм стал выглядеть идеальным инструментом в деле борьбы с божественным измерением и провозглашения абсолютного величия материализма. Главной целью мировой социалистической революции являлось отнюдь не создание всемирного коммунистического государства, как это провозглашалось в программе партии большевиков. Нет, цель ставилась куда более фантастическая – ликвидация Царства Божьего вследствие планомерного вытеснения духа материей. Однако, **сами того не осознавая, большевики воспроизводили все тот же Проект ровно по тому же сценарию. «Россия есть**

хворост для разжигания мирового революционного пожара». В данной цитате умещается весь первоначальный замысел Октябрьской революции. Россия вновь выступала в роли жертвы, приносимой ради воцарения справедливости на грешной земле. Только отныне главный грех человечества представал в строго экономическом обличии – в форме капиталистических отношений. Собственник нарушал все основные заповеди большевистской Библии, основывавшейся на «Капитале» Маркса. И вновь воспылали средневековые костры инквизиции, грозившие сжечь уже не отдельных еретиков, но весь мир, превратившийся в сплошное пространство греха. Однако для сжигания ада необходим благодатный огонь, которого у большевиков, провозгласивших Бога едва ли не главным грешником, не могло оказаться в руках. Адский пожар они «тушили» революционным огнем Преисподней, тем самым лишь увеличивая площадь возгорания. Примечательно и то, что основоположник коммунистической теории – Карл Маркс – считал, что само по себе развитие и процветание капитализма играет на руку сторонникам коммунизма, ибо без первого не может быть второго. Таким образом, с религиозных позиций, (а коммунизм следует признать пусть искаженной, но все-таки религией) основой грядущего нового мира служило сползание человека во грех, тождественный капиталистическим отношениям. С одной стороны, большевики, воплотившие теорию на практике, искренне жаждали справедливости, всеобщего равенства, ликвидации господства одного человека над другим. С другой стороны, они воспроизводили библейскую историю нравственного падения Адама в иных декорациях. **Подобно первочеловеку, пред лицом Бога перекладывавшего всю ответственность за собственные проступки на впавшую во грех Еву, большевики оправдывали все свои действия (в том числе и самые дурные) необходимостью борьбы с ненавистным капитализмом.** Тот факт, что использовавшиеся методы порой были ничуть не справедливее, чем у противника, никого не смущал. В лучшем случае подобные меры признавались вынужденными и носящими временный характер.

Тем не менее, **несмотря на разную смысловую составляющую, конечная цель ранних большевиков полностью совпадала с целью первых русских царей – создание справедливого общества как предтечи второму обретению Рая**. Ради этого исконного, изначального человеческого желания и Третий Рим, и Третий Интернационал готовы были пожертвовать самым ценным, что у них было – Россией, гибель которой подразумевала и их собственную смерть, принимаемую или нет. Конечно, путь к Раю, как и само понимание Рая, у каждого из проектов был свой. И если Россия царя Иоанна приносила себя в жертву добровольно и с осознанием собственной сопричастности божественному промыслу, то Советы официально Бога отвергли и выступили как сила не сопричастная, а соравная, предполагавшая вымещение Бога и занятие Его престола по меньшей мере на земле. Однако, суть от различия интерпретаций все равно не меняется **– наступлению нового «золотого века» предшествует гибель России, её готовность и способность жертвовать собой**. Из бездыханного русского тела должен был рождаться новый мир и в данном случае *большевики выступали в роли творящей космогонической силы, а Россия в роли первозданной жертвенной материи*. Сей сюжет перекликается с мифологическими представлениями о сотворении мира, бытовавшими у различных народов древности. Так, в вавилонском эпосе повествуется о схватке бога-громовержца Мардука с Тиамат – первородной хаотической сущностью. Победив последнюю, вавилонский бог тут же приступает к созданию земли, неба, звезд и пр. из тела поверженного противника, упорядочивая тем самым хаос Вселенной. Схожие представления о сотворении мира можно найти и у скандинавских народов, согласно мифологии которых мир был сотворен богами-асами из частей тела ледяного гиганта Имира, поверженного ими. Переплетение мифа с историей на заре XX столетия порождало в умах революционных масс сюжет, в котором царь и монархический строй являлись лишь персонифицированным русским хаосом, а императорская Россия выступала в роли повергаемой первоначальной сущности,

из частей тела которой должен был возникнуть миропорядок. **Таким образом, и в XVI и в XX веках русский народ проделывал путь к Голгофе ради своеобразно понятой справедливости. В первый раз он это сделал, неся на себе святой крест, а в последующий – знамя, на котором Богу места уже не нашлось.**

Предвосхищая суждения о добровольности выбора пути к эшафоту, нужно отметить, что власть и властные решения неотделимы от государства и народа, их истории. Власть есть олицетворение государства на данном конкретном временном промежутке. При этом, власть не тождественна народу и уж тем более не подменяет его. Народ же – это всегда нечто большее, чем власть, государство и даже земная география вместе взятые. Народ вмещает в себя все перечисленное, а значит, также способен выступать в качестве государственного олицетворения. Таким образом, *государство находится между властью и народом, словно между молотом и наковальней*. И когда властный молот находится в руках талантливого кузнеца, а народная наковальня крепка, государство превращается в отменное произведение кузнечного искусства. Т.е. власть и народ, невзирая на наличие противоречий между ними и даже открытого мятежа, выступают в роли ваятелей и выразителей государственной воли. Поэтому, говорить о решениях власти как о чужеродных, антигосударственных все равно, что рассуждать о несправедливости решения, принимаемого человеческим мозгом в том случае, когда человек совершил преступление. Винить в этом собственный мозг крайне любопытное и пустое занятие, ибо мозг и тело представляют части единого целого. Точно также *говоря о России, следует учитывать, что власть, государство и народ едины, при этом государство подразумевает всегда нечто большее, нежели власть, а народ – большее, чем государство. По аналогии с человеческим организмом – власть является мозгом, государство – телом, а народ душой*. **И отношение к российской истории должно быть соответствующим – как к жизни единого организма, включающего в себя власть, народ и все сферы государственной жизни.** Стремление отдельных интеллектуалов представлять в качестве полной истории

государства отдельный его элемент наносит огромный ущерб единству и целостности всей русской истории. Как неправильно и контрпродуктивно производить описание человека по одной лишь его части тела, так бессмысленно говорить и об истории государства, заменяя ее историей только народа или только власти. Ведь в таком случае мы навсегда рискуем утратить способность созерцать целостную композицию.

Невозможно обойти стороной еще один аспект двуединства русской истории, органично вписывающийся в наш структурный образ. Речь идет о причинах противоборства капиталистической и социалистической систем. Мы уже упоминали о том, что советский строй рассматривал царизм как нечто чужеродное, империалистическое. Особенно ярко подобное отношение проявилось в довоенный период. Да, уже во время войны произошло «воскрешение» ряда героических моментов прошлого, впервые с окончания революции наметилась некоторая историческая преемственность. Однако, в целом, отношение советской власти к царскому (особенно к имперскому) периоду российской истории оставалось скорее негативным, отчужденным. Большевики интуитивно видели в царизме своего врага и отчасти были правы. Начиная с эпохи правления Петра Великого, и даже несколько ранее, русское смысловое пространство подвергалось активной экспансии западных идейных догм. И хотя последние смогли «покорить» лишь самую верхушку общества – его властную элиту, почти не затронув народ, ушедший в глубокую пассивную оборону с редкими партизанскими вылазками (староверы, Разин, Пугачев), этого оказалось вполне достаточно, чтобы разномастные революционные силы увидели в царизме петровского образца непримиримого врага. **Царизм, что выбрал западный путь развития (несколько позже включивший в себя и капитализм), не мог служить выразителем народных интересов** и уж точно не был способен пребывать в режиме созидания утопии, столь типичном для русского мечтателя. Капитализм – это антиутопия, враг утопии любого рода, ибо последняя рождается из человеческого энтузиазма, сокровенного духовного

порыва, т.е. из категорий, что абсолютно противоположны и непонятны капиталистическим элементам, среди которых выгода занимает лидирующее положение. Большевики обвинили царскую власть во всех бедах, хотя становление России на капиталистические рельсы оказалось главной бедой для самих царей. Чем менее Россия становилась общинной, социальной, чем глубже увязала в либеральной трясине капиталистических взаимоотношений, тем более походила (в глазах революционно настроенных людей) на мерзкое болотное чудище (кикимору или водяного), уродство которого вызывало неимоверное желание поскорее с ним расправиться.

Таким образом, старая утопия Третьего Рима себя фактически изживала (хотя отдельные ее элементы еще продолжали парить в пустоте, поддерживаемые мыслителями-энтузиастами), тогда как новая утопия Третьего Интернационала еще только становилась на крыло, добивая остатки своего прародителя и готовясь дать решительный отпор либерально-капиталистическому нашествию. Этот период русской истории, официальной исторической наукой именуемый императорским, есть довольно значительная по времени и масштабу метаморфоза, что заполняет пространство между вершинами русских устремлений, столь различных и в то же время тождественных.

Географический фундамент целостности

Говоря о целостности исторического бытия России, особое внимание следует уделить географическому аспекту, ибо география как наука о земле является основой чувственного восприятия действительности. Любые проявления человеческой мысли осуществляются во времени и пространстве. А что такое время и пространство без твердой материальной основы? Абстракция бесконечности, что опустошает любую смысловую составляющую. В этой связи география пространства крайне важна для целостного восприятия настоящего и прошлого. Однако, для этого целостной должна быть сама география. С рациональной точки зрения так оно и есть – земля наиболее полно

из всех стихий отражает сущность материального мира. Она и есть материя, матерь, что порождает сущее. Являясь материальной основой мироздания, земля порождает материальные же блага, которые можно увидеть, потрогать, применить. Сюда относится и все то, что произведено человеком, поскольку вещи этого мира состоят из элементов, порожденных землей. Человек же предстает в образе земного скульптора, что созидает новые формы путем превращения бесформенной массы в произведение искусства.

России как ряд последовательно сменяющих друг друга этапов, характеризующихся борьбой природных ландшафтов, выразителями воли которых являются те или иные народы. На первом этапе славянские племена, собравшиеся впоследствии в Древнерусское государство, служили олицетворением Леса. При этом нужно уточнить, что под лесом Вернадский подразумевает не банально лесной ландшафт, а цельную географическую зону с умеренным климатом, в которой помимо собственно лесов есть и реки, и болота, и луга… Лесное царство столетиями сдерживало натиск различных кочевых племен с юга и востока, являвших собой безграничную азиатскую Степь. Временами Лес сам переходил в наступление, проникая глубоко в степную зону (походы Святослава против Хазарии, Ярослава Мудрого против печенегов, Владимира Мономаха против половцев), но гораздо чаще находился в состоянии обороны. На закате своего существования Древняя Русь впала в смуту и разобщенность, в результате чего изрядно поредевший Лес оказался практически полностью покорен Степью (нашествие Батыя и ордынское иго). Следующий этап, таким образом, есть время доминирования Степи над Лесом. Далее разворачиваются обратные процессы. Лес постепенно реорганизуется, набирает силу, тогда как Степь приходит в упадок. Впоследствии Лес не просто освобождается из-под власти Степи, но и начинает планомерно включать ее в собственное новообразованное царство. Завершается сие противоборство тотальным проникновением Леса во все, за небольшим исключением (Монголия и Манчжурия), азиатские степные зоны. Однако, лесное царство, проникнув в степные просторы,

само проникло ими и, как результат, произошло гармоничное объединение евразийского континента, выразителем интересов и синонимом которого де-факто стала Россия.

Что можно увидеть в данном представлении русской истории, помимо красочного художественного оформления научной картины мира? И Лес, и Степь – явления чисто географические, как и континент Евразия. Вернадский выразил русскую историю искусным и в то же время простым языком географии. Русский человек есть человек географический, пространственный, человек земли, ее верхнего плодородного слоя, человек-ландшафт. Он подобен семени, что брошено в холодную северную почву. Долго всходит во враждебной обстановке, но если взойдет, то цветет обильным пышным цветом, бросающим вызов суровому окружению. В первые века своего существования русский ландшафт был представлен довольно скудно, однообразно, зоной лесов и болот преимущественно, но с поглощением степи произошло то, что К. Н. Леонтьев впоследствии назовет «цветущей сложностью». Правда, применять он будет данный термин в отношении культурных проявлений различных народов России, но справедливости ради стоит отметить, что культура любого народа напрямую зависит от земной географии, от ландшафта, в котором сей народ обитает. Поэтому, **«цветущая сложность» – термин столь же географический, сколь и социологический, что еще раз наводит на размышления о русском человеке как человеке земного ландшафта, не уничтожающего чуждые экосистемы, но бережно вбирающего их в свое природное лоно**.

Переводя пусть и яркий, образный, но все-таки рационалистический язык Вернадского в плоскость религиозного, сакрального мировосприятия, невозможно не заметить их блестящего сочетания. Дело в том, что во всех религиозных языческих культах древности существовали пантеоны богов, олицетворявших собой те или иные природные стихии. Боги рек и озер, лесов и полей, дождя и грома населяли земной мир вместе с людьми, даровали свою милость, либо жестоко карали за отступничество. Пантеон восточных славян

в этом плане ничем не отличался от пантеонов прочих народов. Вернадский предложил модель мировосприятия (исторического в его случае), в глубине души близкую и понятную каждому. В религиозном прочтении противоборство Леса и Степи превращается в битву языческих богов, на стороне одного из которых выступают славяне, Русь. Суть же финала битвы не в том, что победило конкретное божество, но в рождении нового мира – России-Евразии. **Фактическую победу одержал Лес, но одновременно оба бога «погибли» во имя рождения иного. Ибо что означает победа Леса в то время, как Лес и Степь сливаются воедино?** Это сродни легендарному поединку Пересвета и Челубея, когда оба богатыря пали наземь, напитав кровью своей почву. Ключевое значение здесь имеют отнюдь не бездыханные тела, но их кровь, которую с одинаковой любовью вобрала в себя земля-матушка. **В момент, когда умирали двое богатырей, двое выразителей Леса и Степи, и зародилась Евразийская Русь. Кровь стала той объединительной скрепой, что породила сверхгеографию.**

Небесная ось

Несмотря на всю свою оригинальность, теория Вернадского представляет собой одну лишь горизонталь, плоский мир, в котором разворачивается бесконечная борьба ландшафтов. Но целостность не может быть только горизонтальной, она есть объем, система координат. Поэтому, в качестве дополнения к географии горизонтали, тщательно проработанной и законченной, *мы рассмотрим географию вертикали, созидание которой только начинается.* Если географию горизонтали мы окрестили как географию земного ландшафта, то география вертикали – это география небес и недр, т.е. полюсов русской утопии. Вертикальную структуру возможно представить и описать только в планетарном масштабе, подразумевая подземлей не плоскую поверхность, а объемную геометрическую фигуру, парящую в космическом пространстве. Каждый элемент среза наделяется, как и в случае горизонтального мира, определенной

образностью, передающей ход русской истории. Без рассмотрения земной вертикали не представляется возможным объяснить неуемное стремление России к впечатляющим проектам, как и беспрецедентную тягу к земле русского человека (в прямом и переносном значениях). Двуединый проект Третьего Рима-Интернационала обязан своим появлением именно вертикальной топике человеческого мышления, в плоском мире горизонтали подобные вещи не возникают.

История России, рассмотренная строго в вертикальной топике, есть чистая эсхатология. Это история нисхождения русского социального ландшафта под толщу земной тверди, уходящая корнями в глубь веков и принимающая явственные формы со времен петровских преобразований, когда русскому человеку насильно стали прививать чуждые ему ценности. Иными словами, возникновение иной, потусторонней (лежащей по ту сторону земной плоскости) России было предопределено за многие столетия до революций и прихода к власти большевиков – и отнюдь не коммунистическими постулатами (хотя они и сыграли определенную роль), а обывательским, мещанскими настроением: верным спутником либеральной идеологии. Провозвестником грядущей русской раздвоенности стал спор иосифлян и нестяжателей, привнесший в рассветную палитру Московской Руси первые темные краски. Эта, казалось бы, сугубо внутрицерковная размолвка на самом деле предопределила вековой философский дискурс русского народа в различных его слоях. Явственное могущество материи или сокрытая ночными грезами благодать духа? Четкие линии обыденности или абстрактные контуры неизвестности? Пожалуй, именно на просторах России антагонизм двух этих явлений достиг своей кульминации и перешел из области теоретических баталий в роковое столкновение на практике. Последнее выразилось церковным расколом семнадцатого века, разбудившим дремавшие доселе народные тени. Последовавшая за этим имперская эпоха представляла собой ни что иное, как грандиозное поле битвы русского диурна с русским же ноктюрном, света и тьмы в русской душе. При этом, мы

сознательно уходим от нравственных оценок, подчеркивая тем самым лишь тот факт, что пробудилось нечто иное, отличное от всего, что было до – и одновременно антагонистически с ним сосуществующее. Так, с одной стороны, мы видим сохранившуюся в практически неизменном состоянии народную стихию, словно несущую на себе печать Вечности, с другой стороны – быстро меняющуюся верхушку в лице власти (неистовый царь-реформатор Петр I; Екатерина II, придавшая реформам Петра законченный, упорядоченный вид), интеллигенции (Золотой век, не только явивший миру феномен русской культуры на европейский лад, но и запустивший широкий интеллектуальный дискурс, вскрыв тем самым болезненную раздвоенность России) и части религиозных кругов (реформы патриарха Никона, по сути спустившие православную церковь с небес на землю). Статика вечного, относительно постоянного сошлась в поединке с динамикой временного, относительно переменчивого – такова краткая характеристика исторического периода существования России в образе империи.

Примечательно, что именно элита в большинстве своем тянула страну и народ во мрак капиталистических «воззрений». Не случайно мы берем термин «воззрение» в кавычки, ибо капитализм представляет собой отнюдь не земную поверхность, но глубины подземного мрака, где зрение любого рода (чувственное или мыслимое) не представляет никакой ценности. Что можно увидеть во мраке физически? Ничто. Что можно помыслить в пространстве, где смыслы отсутствуют напрочь? Ничто. Ничто – вот истинное название мира, в котором безраздельно господствуют капиталистические взаимоотношения. Капитализм призван плодить пустоту, пожирая любые ценности. Жажда прибыли, звона монет в кошельке – все это цифровые проявления, а цифра вне словесного контекста есть та же пустота. Повторимся, что капитализм можно характеризовать как антиутопию, призванную разлагать, осмеивать и даже отрицать собственную противоположность, параллельно пожирая ее мертвую плоть. Таким образом, живой общинный ландшафт русского человека был насильно

перемещен в цифровое подземелье, где стал на глазах умирать. Р**усский народ оказался не в силах выбраться на поверхность, но поступил так, как поступал всегда в трудные моменты истории – решил в целях обороны окопаться, зарыться еще глубже в объятия матери-земли.** Он опускался все ниже и ниже (радикальные старообрядцы, бунтари XVII-XVIII столетий, социалисты-утописты, народники, марксисты), порою находя во мраке глубин чуждые смысловые минералы и пытаясь гармонично сочетать их с собственной хаотичной текстурой. В какой-то момент народное сознание даже решило, что отныне мрачные глубины станут ему новым домом (Февральская революция). Но сделав еще одно усилие, русский человек прорвал толщу земной коры и достиг огненной земли (Октябрьская революция). И из того, что от него осталось, в пламени бездны был выкован советский человек, человек подземного огня – явилась раскаленная магма, что абсолютно противоположна подземному мраку, но является порождением земных глубин в той же степени.

Советский мир был построен русским человеком, утратившим духовные крылья (в поисках крыльев железных) – что, впрочем, поначалу не помешало многим деятелям Серебряного века, таким как Александр Блок или Сергей Есенин, лицезреть в первых кровавых сполохах Октября знамение скорого восхода Святой Руси. Революция ассоциировалась с утренней зарей, что была призвана рассеять полночный мрак царизма.

Старый мир, полный несовершенства, несправедливости, должен был вот-вот кануть в Лету, а из-под священных вод уже, казалось, просматриваются вершины куполов града Китежа. Поверил в это и народ, поддержка которого в конечном итоге позволила большевикам выиграть в гражданской войне. Центральную роль в народном доверии в очередной раз сыграла земля. Земля вообще является краеугольным камнем всей российской истории. **Тематика общины и земли, пожалуй, нигде более не звучала столь пронзительно и не являлась центральной осью истории, как на просторах Российского государства.** Все основные исторические повороты Отечественной истории были продиктованы «властью земли».

Самые крупные бунты, будь то восстание Степана Разина или Емельяна Пугачева, были спровоцированы крестьянскими земельными вопросами, центральной темой всех без исключения революций в России была тема земли и ее справедливого раздела. Даже на интеллектуальном поле земля фигурировала в том или ином, но зачастую ключевом значении. Взять хотя бы движение почвенников, за которых говорит одно только название. Да и в художественном смысле нет, пожалуй, ни одного значительного русского литературного произведения, в котором не упоминались бы в философском ключе таинственные и тоскливые русские равнины, крестьянский быт и привязанность русского человека к земле, почитаемую им словно родную мать. В сугубо материалистическом плане земле отводилось центральное место и в «философии» большевиков.

Приняв земельный декрет, даровавший право владения землей крестьянам, т.е. большинству простого люда, **прозаики-большевики обрели в глазах народа священный ореол царской державности.** Простой русский Иван испокон веков почитал царя в качестве законного держателя и распорядителя земли русской, а себя в качестве ее верного стража и возделывателя. Законом в данном случае выступали не обязывающие к чему-либо юридические документы, а Божий Промысел, по доброй воле сторон обеспечивавший взаимный союз царя и народа, что скреплялся благоговейным отношением к земле того и другого. Многочисленное чиновничество всегда оставалось за бортом этой схемы, воспринималось как некий чуждый элемент. С подобного ракурса можно рассмотреть преимущественно враждебное отношение народа к боярам, часто сопровождавшееся восстаниями и обращениями к царю-батюшке как к своему (события, непосредственно предшествовавшие Кровавому воскресенью). С другой стороны, можно говорить и о дополнительных причинах царя стремиться к абсолютной власти (недоверие собственному окружению Петра Великого, предательство ближайшими соратниками, в том числе родственниками, Николая II), к желанию единоличного принятия решений и управления землей без

посредников, доверие к которым находилось на весьма низком уровне. Положение церкви в допетровский период говорит о том, что царь мог положиться только на Бога, посредничество с которым церковь осуществляла. **Искусственное низведение роли церкви до очередного министерства означало не столько подчинение ее государству, сколько отделение от Бога.** *Породив внутри себя раскол и пойдя по пути земных распрей, официальная церковь утеряла священный ореол доверия как для царя, так и для значительной части народа* (староверы, в числе которых многочисленные сектантские направления).

Что же касается имевшего место быть крепостного гнета крестьян, то учитывая отношение к царю, гнет этот воспринимался скорее как служба Богу при царском посредничестве, как монашеское подвижничество. Непродуманная и скоротечная отмена крепостного права внесла полную неразбериху в сознание масс, которой тут же воспользовались революционеры всех мастей. Русскому человеку было сказано, что отныне подвизаться нет необходимости. Аналогично звучал бы приказ в армии о добровольности принятии решения относительно участия в ведущихся боевых действиях. Крах иерархической системы, воспринимавшейся как священная и незыблемая, привел в конечном счете к краху империи. Чиновничья элита поспешила навязать русскому человеку взаимоотношения с землей, основанные на рационализме и капиталистическом мировоззрении. Элита революционная – на рационализме и социалистическом мировоззрении. Но после того, как был низложен царь, в понимании народа земля потеряла хозяина, а значит и связь с Богом. Остался лишь он – крестьянин, человек земли, что призван за ней присматривать. Большевики уловили эти мотивы и во всеуслышание провозгласили признание сего принципа. Т.е. крестьянское мировоззрение не просто принималось в расчет, но становилось жизненным лейтмотивом молодого советского государства. Потому скорое возникновение явления коллективизации было закономерным. Имевшая множество схожих черт с крепостничеством, коллективизация воспринималась народом как возможность

возвращения к обязательному подвижническому деланию после десятилетий дезориентации и хаоса в головах. Большевики впервые за долгие годы задали вектор движения, ощутимо знакомый народному самосознанию, и это не могло не вызвать массового народного энтузиазма.

Кроме того, была у ранних большевиков великая, дерзновенная идея – стереть границы между сном и явью. **Само по себе данное обстоятельство показывает, что большевики существовали в режиме утопии, а значит при всем своем показном, поверхностном материализме и апеллировании к Марксу являлись проводниками духа,** пусть и искаженного красной «философией». Русский человек действительно спустился с небес, проломив толщу земной коры, только вот **в движении к центру земли большевики увидели кратчайший путь в небеса. Так земной русский человек воплощал свой максимализм в полном объеме. Советского гражданина смело можно назвать русским максималистом, отринувшим плоский мир и мыслящим категориями земной вертикали, потому как став планетой, более не нужно тянуться к небесам – планетарная ипостась уже предполагает нахождение в небесном пространстве Вселенной.**

Рассматривая географию вертикали с религиозных позиций, можно обнаружить любопытные параллели революционного нисхождения. Разве не является своего рода революцией сошествие Христа во ад? А ведь подобные мотивы можно обнаружить и в более ранние политеистические времена (Дионис в Тартаре). Всякая монотеистическая религия линейно однонаправленна – от райского прошлого к разверзающейся бездне будущего. Подобное обстоятельство позволяет говорить о христианстве (и о православии в частности) как о религии смерти и конца истории. **Веками впитывавший в себя православное вероучение, русский человек, даже провозглашая себя атеистом, остается верен традиции, остается человеком конца, ищущим справедливости в будущем и готовым ради этого жертвовать прошлым и настоящим, а подчас и собственным существованием.** Для русского человека гораздо важнее

соучастие в сотворении нового мира, нежели пребывание в его райских садах. Истинно христианская философия. *Языческая Русь плоского, горизонтального мира с принятием христианства открывает в себе вертикальную топику, а вместе с ней и географию смерти.* При этом, само православие вобрало в себя определенные черты язычества, т.е. священного восприятия ландшафта. Традиции и обычаи языческой эпохи прочно утвердились в православном мировоззрении русского человека. Не случайно столь почитаемым образом у нас является образ Божьей Матери, что воплощает собой Мать-Сыру-Землю. Казанская, Смоленская, Тихвинская, Владимирская… названия икон, посвященных Пречистой Деве, и их привязка к конкретному географическому месту представляют собой отголосок традиции наделения окружающего пространства священными смыслами. Для русского человека земля, Богородица и родная матерь сливаются воедино, поэтому русского солдата практически невозможно победить на его территории. Ибо **русский солдат защищает нечто гораздо большее, нежели кусок земли или собственную жизнь. Он сражается за смыслы, неимоверно далекие от утилитарного мировосприятия.**

Именно православная христианская вера открыла для Руси вертикальную географию, связанную не только со смертью и концом истории, но и с последующим воскресением. Без оного русский человек предстал бы в образе безумного фаталиста. **Лишь вера в воскресение дает возможность созидать утопию, выстраивать смысловую структуру жертвенности. «Тело нисходит под землю, душа воспаряет в небеса» – таково краткое описание не только русского человека, но и русской утопии в целом! Если отбросить временные рамки, то Московское царство представляет собой душу, а Советский Союз тело одного и того же живого организма.**

И одновременно обе части единого целого идейно самодостаточны – царство Иоанна стремилось сгинуть на земле в битве с антихристом, чтобы душою воспарить в небеса; царство Иосифа прорывалось к земному ядру, дабы оказаться на небесах физически. Россия воплотила обе крайности,

что сродни образам, запечатленным литературным гением Достоевского. Герои его романов – люди до глубины души русские – есть различные грани самой России. И все они, так или иначе, стремятся к Богу, подчас сами того не подозревая, и даже отрицая его существование, как, например, Дмитрий Карамазов.

Итак, для целостного восприятия географического фундамента русской истории необходимо рассматривать как горизонтальную, так и вертикальную топики, при том с позиций научных, рационалистических, гармонично дополняемых эмоциональными, религиозными аспектами. Однако, для полноты мировоззренческой картины крайне важно, чтобы горизонталь и вертикаль образовывали единую взаимосвязанную систему координат. Нулевой координатой в данном случае может выступать почтительное отношение русского человека к земле, выражающееся в упорном труде, который только и мог обеспечить всем необходимым для выживания в столь суровых условиях существования. **Русскому народу в целом присуще выживание, но не жизнь.** Когда русский человек выживает, он чувствует себя в своей стихии, когда же просто живет, ему скучно, сердце требует великих свершений, неподъемных задач, чтобы можно было пасть замертво в объятия родной землицы – но с чувством выполненного долга. Жизнь для русского человека – это пустая трата времени, выживание – предел мечтаний, возможность прочувствовать саму вечность. Бросить вызов суровому климату, покорить и освоить Сибирь, сойтись в неравном бою с превосходящими силами противника, вырваться в космос, мечтать о невозможном – все это сопряжено с выживанием и именно в такие мгновения русские улыбаются. Именно в такие моменты истории пространство России наполняется смыслами. И наоборот, постановка мелких, повседневных целей, ведет к деградации русского человека, к его обмельчанию и оскотиниванию. Постановка великих задач требует великого напряжения сил, когда пот орошает землю, придавая обычной, физической географии некие духовные черты. Земля, на которой трудились поколения предков, воспринимается русским человеком по-другому, она начинает мерцать

таинственным светом и шептать голосами ушедших поколений, служа своеобразным мостом между миром мертвых и живых.

Еще более проявляются подобные явления во времена великих войн, которые в народе принято называть Отечественными. Кровь защитников земли, что впитывает в себя последняя – это священная влага тружеников и пахарей, превратившихся в воинов. В подобные моменты шепот земли превращается в оглушительный рев, сеющий панику в стане неприятеля, а мерцание становится столь ярким, что воспринимается как вспышки молний, сопровождающих великий грозовой фронт. *Веками защитники и созидатели государства Российского смешивали собственные кровь и пот с землей, тем самым еще более упрочивая родственные с ней узы.* А учитывая священное для русского человека значение земли, сие действо превращается в самое масштабное таинство. Таким образом, **русская земля, политая кровью и потом, есть единый храм, куполами которому служат величественные в своем драматизме монументы, возведенные в честь трудовых и воинских подвигов «сынов Отечества».** В печальном одиночестве стоят они, разбросанные по бескрайним русским равнинам, напоминая ныне живущим поколениям о цене их относительного благополучия. **Героически пролитые кровь и пот созидателей остаются в пределах земного ландшафта и одновременно впитываются землей, наделяя ее высокими смыслами, духовно достающими до небес. Это и есть та самая точка, что скрепляет вертикальный и горизонтальный миры, обеспечивая целостность, преемственность географического основания русской истории.** Перефразируя теорию ноосферы В. И. Вернадского, можно заключить, что если разум обеспечивает единство всего человечества в сфере рацио (рассудка), то кровь обеспечивает единство географии, понятой как священной, в сфере чувств и эмоций. Как известно, «умом Россию не понять», так почему бы не попытаться понять ее сердцем?

Владимир Александрович Юртаев

Введение в проблематику целостности русской истории

(ТЕЗИСЫ)

1. Стратегия национальной безопасности РФ (Указ №683 от 31.12.2015), защищая основы российского общества и формируя единое культурное пространство нашей странны в XXI веке, выделяет в системе единых духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей такую ценность как **«преемственность истории нашей Родины»**.

2. Размышляя над смыслом данной ценности (а то, что это важнейшая ценность никаких сомнений у меня не вызывает), начну с ответа на вопрос: *«Что для меня – человека, рожденного в далеком 1954 году – означает слово Родина»?* Наиболее глубоко смысл слова «Родина» для меня раскрывает следующее определение: *«Родина – это определенный Мір, в котором нас не только родили, но и воспитали и которому мы, став личностью, принадлежим, взяв на себя ответственность за его судьбу (безопасность)»*.

3. Что для меня, человека, чья «Советская Родина» реально исчезла с распадом СССР в холодной войне с США, означает слово «наша Родина», точнее *«моя Родина»*? Погибла, исчезла «моя Родина» с разрушением государства или «моя Родина» существует и требует от меня нести ответственность за её судьбу и наполнять свою жизнь смыслом? Отвечая на этот вопрос, прихожу к выводу, что в 1991 году «моя Родина» одновременно и исчезла, и не исчезла. Исчезла она как «советское государство», а сохранилась как **«Русский мир»** или как русская **«локальная человеческая цивилизация»** (ЛЧЦ), если говорить в терминах геополитики.

4. Но даже сейчас, после уточнения представлений о смысле слов «наша Родина», вынужден признать, что термин «преемственность *истории* нашей Родины» не приобрел для меня понятного и однозначного смысла, и только потому, что он

содержит в себе слово **«история»**. Ведь человечество *не выработало единую непротиворечивую область знания*, а пользуется тремя не сводимыми друг к другу областями знаний: **религиозными, эзотерическими и научными** (Л. Г. Ивашов. Геополитика русской цивилизации. М. 2015, с. 8 - 9). Разве современное человечество, наши соотечественники или мы с Вами уже договорилось о том, *что такое история и как мы понимаем её смысл?* Разве не должен этот вопрос волновать нас раньше, чем мы приступим к обсуждению проблематики целостности русской истории, как отдельного вопроса и проблемы целостности мировой истории всего человечества?

5. Даже беглое знакомство со специальной литературой по истории требует положительного ответа на данный вопрос потому, что кроме «истории» как науки уже давно разработано такое направление общественной мысли как **«историософия»** (греч. istoria – история, sophia – мудрость) – с**овокупность философских истолкований исторического процесса,** *каждое из которых усматривает в ходе истории* воплощение тех или иных аксиологических принципов: органичности (Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Д. Тойнби); воли к жизни (В. Дильтей, Ф. В. Ницше); всеединства и богочеловечества (В. С. Соловьев и русская религиозная философия XX в.); эстетического начала (К. Н. Леонтьев); стремления к утверждению духовной свободы (Н. А. Бердяев) и др. (подробнее смотреть на http://sr.artap.ru/istoriasophia.html).

6. **Итак, что же такое история?** Это вопрос далеко не праздный, потому что **для одних** история есть «*твердая опора и неколебимая почва для национального сознания и самопознания*» (А. Нечволодов, 1913), **для других** история – это «*политика, опрокинутая в прошлое*» (М. Н. Покровский, 1928), а **третьи считают**, что «*"истории" в таком понимании, в каком о ней говорит большинство людей, просто не существует*» и утверждают, что «*она не имеет смысла*» (К. Р. Поппер, 1992).

7. Такое разномыслие могло бы нас смутить, если бы мы не знали о том, что для правильного ориентирования в Мире и, особенно в Мире терминов, есть необходимость использовать

предложенный А. Г. Дугиным **парадигмальный анализ**, т.е. понимать, что при переходе от традиции к модерну *смысл одного и того же слова (термина) изменяется на противоположный*, а при переходе к постмодерну *смысл этого же слова может стать каким угодно*, т.к. в постмодерне он полностью зависит только от того субъективного, которое доминирует в "постмодернисте", использовавшем данное слово в своей речи или тексте. Значит, по А. Г. Дугину, **слово «история» одно, а смысла у него три**: два имеют противоположные значения, а третий может быть каким угодно, вплоть до отрицания его вообще (как это делает современный западный философ К. Р. Поппер, принадлежащий новоевропейской цивилизации, написавшей на своем знамени уничтожение тайны).

8. **Что такое история как целое?** *Доступна ли история пониманию и осмыслению во всем своем временном измерении и в планетарном масштабе?* По мнению д.и.н., профессора Н. И. Смоленского, на сегодняшней момент существует два противоположных подхода к её решению. Согласно *первому подходу* **история представляет собой единое целое**. Этот подход характерен для представителей гуманизма, историков и философов европейского Просвещения, утопического социализма, позитивизма, марксизма, философии истории экзистенциализма (различные варианты её периодизации предложили К. А. Сен-Симон, О. Конт, Г. В. Ф. Гегель, К. Г. Маркс; а наиболее известными сторонниками единства мировой истории стали французский историк Ф. Бродель и немецкий философ К. Т. Ясперс). Согласно **второму подходу** *история понимается как сумма локальных культур, стран, этносов, континентов, цивилизаций* (Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, П. А. Сорокин, Н. А. Бердяев, А. Д. Тойнби). По мнению Н. И. Смоленского *«оба подхода ко всемирной истории не приближают нас к истине»*. Однако, русский геополитик должен думать не только как историк, потому что в условиях глобализации кроме Истины его не меньше волнует сохранение народом России своей цивилизационный идентичности, являющейся основой безопасности страны. Ведь с точки зрения борьбы государств друг с другом, которая

проходила через всю историю человечества и привела к тому, что современный Мір не только разделился на три сферы (центр, полупериферию и периферию), но и «обзавёлся» надстоящими и над американскими, и над европейскими структурами глобального управления. Последние продвигают во всем Міре *первый подход*, согласно которому исторически существовали различные модификации только **западного цивилизационного проекта** *(католический проект, просветительский проект, англосаксонский проект, фашистский проект, американский проект)*, что и обеспечило целостность мирового исторического процесса (от дикости через варварство к цивилизации, которая должна быть основана на демократических американских ценностях, позиционируемых в качестве общечеловеческих).

9. **Что же такое русская история как целое?**

«У Н. М. Карамзина одна версия русской истории, у С. М. Соловьева – другая, у В. О. Ключевского – третья, и все они во многом противоречат друг другу. Кому верить?» – утверждает и задает вопрос современный русский ученый, философ и писатель В. Н. Тростников (1928 - 2017), автор книги «Бог в русской истории» (2008). Рассматривая историю России как *промысел Божий о человечестве*, автор подводит читателя к мысли о существовании исторической роли России и аргументировано подтверждает то, что давно открыто соборному сознанию нашей Русской церкви и народной мудрости – *святость и богохранимость России*. Тростников под Россией понимает не просто какую-то материальную данность – государство или нацию, – а *данность духовную, Русскую Православную цивилизацию.* А на вопрос, который мы уже рассматривали (п. 6) «Что такое история?» он даёт такой ответ: «**История есть замысел Бога о человечестве**».

10. Целостность русской истории можно понять, а значит и признать, если ответить на вопрос: «**Зачем на Земле существует Россия?**». Убежден, что на этот вопрос блестяще ответил современный русский историк, д.и.н. С. В. Перевезенцев в книге «Смысл русской истории. М. Вече. 2004». Он доказал, что Россия имеет особую судьбу *в истории человечества*, потому что она обладает только ей присущей особостью, которая обусловлена

следующими тремя факторами. *Во-первых*, **геополитический фактор**. Россия находилась и находится на границе двух великих цивилизаций, образно называемых Востоком (цивилизация «мудрецов») и Западом (цивилизация «героев»). *Во-вторых*, **этнополитический фактор**. Русский народ формировался на базе славянских племен, которые по своим обычаям, по своей хозяйственной жизни, по духовному складу отличались и от соседних с ними племен Западной Европы, и от народов Востока. Будучи изначально рожденным на полиэтнической основе русский народ в процессе своего формирования сумел «переварить», ассимилировать другие, в том числе неславянские этнические группы, что свидетельствует о его необычайной жизнеспособности. *В-третьих*, **религиозный фактор.** Отличие России от Запада выражалось в том, что на Руси издревле, с X века, сложилась особая форма христианства, получившая наименование русского православия. С течением времени, само православие стало связываться в народном сознании с идеей национальной независимости, ибо оно олицетворяло собой борьбу с иноземными захватчиками, **доказывало**, *что русский народ, сохранив свою религию, не канет в Лету истории, а сохранит себя и свою культуру*.

11. С. В. Перевезенцев считает, что п**ознать русский смысл бытия** должна помочь **наука история**. Вот как он определяет это понятие: «История – это наука, раскрывающая смысл исторического бытия, а значит, наука о том, как устроить жизнь настоящую и будущую через знание прошлого». И добавляет, что «…понимание смысла истории зависит не столько от знаний или научно-теоретических представлений самого ученого или любого человека, стремящегося познать историю, сколько от его религиозно-философского мировоззрения, а точнее – от его веры. Поэтому **наука история** теснейшим образом связана и **с философией**, и **с религией**». Именно поэтому, по мнению Перевезенцева, познанием смысла истории занимается не просто наука история, а **историософия –** научная дисциплина, познающая Премудрость Божию в истории.

12. **В чем же состоит смысл русской истории**, автоматически обеспечивающий ей историческую целостность, понимаемую как верность только одной, единственной цели?

С. В. Перевезенцев: «*Если внимательно проанализировать отечественную историю, историю русского духа, то окажется, что на протяжении тысячи лет Россия как особая цивилизация готовилась только к одному, но самому важному деянию – к битве с антихристом. Более того, русские православные люди стремились побороть антихриста еще до его прихода на Землю, а если не побороть, то максимально ослабить его воинство. В этом состояло и состоит* **главное предназначение России на Земле – удержание мира в Истине**, *спасение мира от антихриста*» (с.451). Дополнением прозвучит утверждение немецкого философа В. Шубарта о том, что «*русские имеют самую глубокую, по сути, и всеобъемлющую национальную идею – идею спасения человечества*». Верующий человек согласится с Перевезенцевым, марксист – с Шубартом, поняв под спасением человечества, спасение от капитализма, но суть останется неизменной. В этом **русская история всегда была и есть сама целостность**.

13. **Что делать русским, чтобы выполнить историческое предназначение?** Русская душа ищет возможности спасения – не себя, а всего мира. Русский (его советское издание) народ обманули, представляющее его население пошло по ложному пути. Поэтому в начале XXI века мы вынуждены вновь искать духовную опору, возрождать вековые истины, вновь обретать Веру, вновь искать Высший смысл бытия.

И, конечно, помнить самим и передавать новым поколениям смысл понятия **«преемственность истории нашей Родины»**:

- бережное отношение к отечественному прошлому, историческая преемственность в развитии страны, представление событий прошлого и настоящего как звеньев единой цепи;

- идеал, стремление к которому обеспечивает защиту исторической памяти от разрушения, а реализация, которого создаёт духовную основу для нашей победы в информационной и других войнах, ведущихся против России;

- передача от уходящих поколений приходящим поколениям таких знаний, которые образуют в своей совокупности национально-историческую память народа;

- формирование исторического сознания посредством обучения и воспитания (просвещения) населения, в основе которых лежат наши ключевые ценности и идеи (например, «русская идея»);

- запрет на произвольное обращение с историческим прошлым, зачеркивание и переписывание его «страниц».

Георгий Васильевич Зазулин

Глава первая.

Небесный купол

ЦЕРКОВНЫЙ РАСКОЛ И ЦЕРКОВНОЕ ПРИМИРЕНИЕ

ОТ XXI-ГО ВЕКА – К XVII-МУ

Прошедший 2018 год войдёт в историю Церкви как год начала очередного раскола православного мира. Война против России и Русского мира обернулась войной против Православной Вселенской Церкви и принципов, на которых она зиждется. Главною причиною этому послужила политическая нечистоплотность Константинопольского патриархата и то настойчивое требование признания за Фанаром вместе с первенством по чести и особых прав перед другими поместными церквями, которое откровенно нарушает сами принципы соборности.

Политический посыл этого события, состоящий в том, что Константинополь, даруя канонический статус раскольникам, якобы освобождает тем самым православных Украины от необходимости подчиняться Московской патриархии и даёт им возможность более успешно интегрироваться таким образом в благословенный и райский сад европейских государств, является не более чем лицемерием. Именно желание дать всевозможные свободы и остановило некогда Архиерейский собор РПЦ от предоставления автокефалии Украинской православной церкви. Именно архиереи УПЦ, находящиеся под постоянным давлением Киева и митрополита Филарета, протестовали в 1992 году против автокефалии: протекторат Московской патриархии для православных Украины оставался (и остаётся) единственной защитой от произвола властей.

Нужно понимать, что Русская православная церковь в своём желании предоставить автокефалию УПЦ не подорвала бы ни своего авторитета, ни ухудшила бы взаимоотношения между народами. **Автокефалия не препятствует** ни Сербской

православной церкви, ни Антиохийский, ни какой-либо другой **в сознании церковного единства в любви Христовой с другими церквями**, а через них – и народами и государствами. Только поправ сам принцип единства соборных церквей, можно было благословить такое чудовищное образование, как «Православная церковь Украины», основанное на гордыне и ненависти.

Томос об автокефалии, выданный Константинополем в преддверии Рождества Христова новообразованной «Православной церкви Украины», стал окончательным закреплением свершившегося: **точка невозврата была пройдена**, *и восстановления отношения между Фанаром и РПЦ уже можно не ожидать*, по крайней мере, пока не изменится политическая ориентация Константинополя.

Нетрудно заметить, что Варфоломей, действуя в общем атлантическом ключе, оказался в абсолютном меньшинстве: ни одна из поместных церквей не поддержала решение Фанара по приданию канонического статуса настолько мутной, политизированной и склочной организации, какой является «Православная церковь Украины» (далее – ПЦУ), образованная из двух раскольничьих сект[1].

Смысл произошедшего вполне ясен. Американские think tankужедавнообеспокоенывлияниемправославиявсовременном мире[2]. По сути, **православные в отсутствии идеологической альтернативы либерализму стали одним из самых ярких заслонов глобализации**. Кроме того, что они не приемлют «европейских ценностей», укоренены в национальной истории своих государств и имеют чётко выраженную идентичность,

1 Константинопольский патриарх связан с Госдепом США и ЦРУ – эксперты [Электронный ресурс] / Телеканал «Царьград». – 16.10.2018. – Режим доступа: https://tsargrad.tv/news/konstantinopolskij-patriarh-svjazan-s-gosdepom-ssha-i-cru-jekspert_163891

2 Pew Research Center: Русское Православие остановило наступление наших «ценностей» [Электронный ресурс] / РИА «Катюша». – 21.06.2017. – Режим доступа: http://katyusha.org/view?id=6621 дата обращения к ресурсу.

они в целом ещё, как правило, имеют и ярко выраженную пророссийскую ориентацию.

Поэтому создание ПЦУ является закономерным шагом – однимизмногочисленных–противмировогоправославиявцелом и в частности операцией по дальнейшему переформатированию Украины в русофобский форпост на границах России. Русская православная церковь была и остаётся наиболее действенным институтом по укреплению связей с Украиной. Искоренить симпатии православных верующих к России Киеву оказалось непосильной задачей. С этим теперь должно справиться, очевидно, уничтожение православия на Украине. Если только это посильная задача. Тем не менее, под прикрытием «каноничности» ПЦУ власти Украины теперь могут увереннее решать «споры» о принадлежности того или иного храма или монастыря в пользу новообразованной секты и выдавливать православных с территории страны.

Кроме очевидных негативных последствий раскол имеет ещё и более существенные, долговременные последствия, оценивать которые будет история. Начатки их, однако, можно найти уже теперь. Во-первых, Р*ПЦ, отдалившись от Фанара, во многом оградилась и от криптокатолических и экуменических влияний*, проводником которых является последний.

Само требование Константинополем особых прав перед другими поместными церквями уже напоминает о католическом церковном устройстве, где неограниченными полномочиями обладает Папа Римский. Более того, за признанием таких прав неизбежно последовало было бы и принятие католических представлений о Церкви как о некоем интернациональном и вненациональном сообществе верующих. *Православная Вселенская Церковь тем и отличается, что составлена соборным единством множества поместных православных церквей*, каждая из которых обладает своими чертами и дарованиями и ими самими восполняет другие церкви[3].

3 Карсавин Л.П. Церковь, личность, государство.

Во-вторых, сегодняшнее вероломное вторжение на каноническую территорию РПЦ может напомнить нам о причинах раскола XVII века, обусловленных опять же вмешательством в дела Русской церкви Константинополя. Как и сейчас, в семнадцатом столетии это движение проходило во многом через украинское священство.

Очередное **вмешательство Фанара в дела Русской церкви, смеем надеяться, станет катализатором процесса возвращения к причинам раскола XVII века и его уврачеванию**. Останавливаться на них подробно в этой статье нет возможности, однако можно сказать точно, что, если православные в России встанут на путь, противоположный обмирщению, то есть на путь святости, то поводы для разногласия со временем будут устранены сами собой.

На Россию, в которой в настоящее время относительно сильны позиции РПЦ, уповает множество православных народов. Твёрдая позиция в отстаивании свободы от неправомерных притязаний Фанара серьёзно усилит их. Только укрепив собственное самосознание, РПЦ сможет подтвердить свои лидерские позиции и объединить вокруг себя другие автокефальные церкви. Это тем более важно, что раскол ещё не был формализован и многие поместные церкви не заявили своей окончательной позиции[4]. В конце концов, *одиночество Константинополя в православном мире может подвигнуть его к осознанию своей неправоты*.

Понимая под поместною церковью соборную личность – часть единой Богочеловеческой Личности, составленной из других поместных церквей – можно говорить о её особых качествах и дарованиях. Утверждение Москвы Третьим Римом, противостоящим миру Катехоном, началось с разрыва с отпавшим от Церкви Константинополем. И Русская православная церковь – очевидная её мессианская задача среди

4 Раскол в православном мире: быть или не быть [Электронный ресурс] / РИА Новости. – 30.10.2018. – Режим доступа: https://ria.ru/20181030/1531802877.html

других церквей – быть опорой Катехону – удерживающему, т.е. государству, препятствующему окончательному торжеству мира сего. В этой задаче наиболее полно и раскрывается лицо Русской церкви. Именно в связи с этой задачей на неё с упованием смотрят православные братья по всему миру.

Движение к святости Русской церкви, неотделимое от движения к святости каждого её члена, связано, таким образом, с отрицанием мира. Вообще личность и святость – нерасторжимые понятия в православном мировоззрении, так как бытие личности утверждается непосредственно через бытие в Боге и диалог с Предвечным Логосом, через обожение.

Путь к своей самости для РПЦ, к полному раскрытию своего лица лежит через воссоединение со старообрядческими церквями, сохранившими аутентичную обрядовость – лествицу, возводящую к святости. Это ключевой вопрос и для целостности всей России-Евразии, симфоническая личность которой онтологически укоренена и развивается только в Церкви.

Дело уврачевания раскола, которое многим может казаться почти невероятным, чуть не совершилось в начале XX века, когда 13 епископов РПСЦ (Белокриницкой старообрядческой иерархии) были совершенно готовы начать примирение. И хотя это никому не казалось простым начинанием, которое совершится в один миг, об этом они явно заявили на соборе 31 мая на Рогожском кладбище в ответ на предложение православных епископов Андрея Уфимского, Сергия Угличского и протоиерея Симеона Шлеева (ныне прославленного в лике святых)[5].

Так же и сегодня дело церковного единения заключено, прежде всего, в возрождении обоюдного горячего стремления к миру, которое некогда возгоралось уже среди пастырей обеих церквей. Только теперь в этом движении нужно и участие Русской древлеправославной церкви. Возжечь же эту искру может,

5 Жизнеописание священномученика Симона епископа Охтенского / сост. Е. Саранча, под ред. С. Баженова. – М.: Попечительский совет единоверческого храма Архангела Михаила села Михайловская Слобода, 2011. – 72 с.

кажется, только свободное принятие на себя РПЦ всей вины за совершённые некогда гонения. Схиархимандрит Софроний Сахаров (к слову, бывший служителем Константинопольской православной церкви), вспоминая об отречении Адама от вины за первородный грех перед Богом, учил, что «всякий раз, когда мы отрекаемся от несения вины за общее зло, за дела ближних своих, мы повторяем тот же грех и также разбиваем единство Человека»[6]. *Поэтому и подлинное восстановление симфонической личности России-Евразии лежит через осознание общей вины и покаяние.*

Надо заметить, что **практический путь к воссоединению лежит так же, как и тогда, через единоверие –** примерённое уже с Русской и Вселенской церковью старообрядчество. Началом же этого движения и настоящим свидетельством доверия к старообрядчеству и уважения к нему может стать учреждение единоверческой иерархии и постепенное возвращение РПЦ к полноте богослужебного уклада. Мостом же, могущим преодолеть пропасть разногласий и исторических обид, может стать восстановление евхаристического общения.

Михаил Сергеевич Сеурко

---

6 Сахаров Софроний, схиархимандрит Преподобный Силуан Афонский / С. Сахаров. – 3-е изд. – М.: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2011. – 528 с.

ПРАВОСЛАВНАЯ ВЕРА И ВОИНСТВО – КОНСТАНТЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ

«Константа – постоянная величина в ряду изменяющихся»
(из словаря Д. Н. Ушакова).

Вызовы современности все чаще ставят перед нашим народом и государством вопросы о том, как сохранить свою идентичность, свою ценность, неповторимость перед лицом глобализации и «усреднения» мира?

Ответ, на наш взгляд, следует искать в глубинных, сокровенных и, вместе с тем, вековых, даже тысячелетних, традициях нашего народа.

Православная вера и русское воинство, составляя ядро русской традиции, всегда неразрывно шли вместе в нашей истории.

Так, киевский князь Святослав (942 - 972 годы), будучи еще язычником, прославился своими походами на Волжскую Булгарию и Хазарский каганат и был убит на днепровских порогах печенегами. «Повесть временных лет» объясняет гибель Святослава его отказом матери княгине Ольге, которая хотела крестить его: «Он же не послушался матери, продолжая жить по языческим обычаям. Если кто матери не послушает – в беду впадет, как сказано: «Если кто отца или матери не послушает, то смерть примет».

Сын Святослава – князь Владимир, как известно, крестился сам в крымском Херсонесе и крестил Русь в 988 году, и с тех пор русское воинство постепенно стало постигать главные христианские заповеди и зримо видеть в сражениях с врагами силу Бога.

Святые благоверные князья-страстотерпцы Борис и Глеб (в святом Крещении – Роман и Давид) – первые русские святые, канонизированные Русской Православной церковью за подвиг

любви: «Кто говорит: «Я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец». Святые братья сделали то, что было еще ново и непонятно для языческой Руси, привыкшей к кровной мести – они показали, что за зло нельзя воздавать злом, даже под угрозой смерти. «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить» *(Евангелие от Матфея, глава 10, стих 28)*.

Внук Ярослава Мудрого и правнук Владимира Красное Солнышко – Владимир Мономах за свою долгую и полную тревог и военных походов жизнь пришел к истинной христианской вере и в своем знаменитом «Поучении детям» писал: «Прежде всего, Бога ради и души своей, страх имейте Божий в сердце своем и милостыню подавайте нескудную… Постарайтесь на всякие добрые дела, славя Бога со святыми его. **Смерти ведь, дети, не боясь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам Бог пошлет.** Ибо, если я от войны, и от зверя, и от воды, и от падения с коня уберегся, то никто из вас не может повредить себя или быть убитым, пока не будет от Бога повелено. А если случится от Бога смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут вас отнять от нее, но если и хорошее дело – остерегаться самому, то Божие сбережение лучше человеческого».

Поход новгород-северского князя Игоря Святославича, воспетый в легендарном «Слове о полку Игореве», начался 23 апреля 1185 года «во вторник Святой Седмицы», то есть на третий день Пасхи. Русское воинство идет в степь как православное против «поганых» – иноверцев половцев. Идет, с одной стороны, по православному закону – после Пасхи, но, с другой стороны, с целью славы и наживы, а, значит, нарушая православные традиции. В окружении и жестокой трехдневной сечи князя Игоря с половцами вновь проступает православный закон: «Сам погибай, а товарища выручай» – не желая оставить пешее войско «ковуев», Игорь приказывает всадникам сойти с коней и сражаться в общем строю. Последующее пленение и чудесное спасение князя Игоря являют собой его покаяние и прощение Богом. Приехав в Киев, Игорь идет к «Пирогощей Богородице» для того, чтобы вознести молитвы о погибших товарищах, своем

спасении и, через боль потерь и позор поражения, стать духовно сильнее, смирившись с Божественным промыслом.

Вот, на наш взгляд, «вечный закон» великих побед и горьких поражений нашего воинства, а по большому счету, и всей русской истории: «Русь Святая, храни веру Православную, в ней же тебе утверждение!»

Показал нам этот краеугольный камень православной веры и русского воинства человек, чье имя было названо «Именем России» в 2008 году – святой благоверный князь Александр Невский! Его первая победа над шведами на реке Неве 15 июля 1240 года явила его современникам и нам образец того, как нужно встречать беду. По принятому обычаю воины собрались у собора Святой Софии и получили благословение от архиепископа Спиридона. Александр воодушевил дружину речью, фраза которой дошла до наших дней и стала крылатой: «Братья! Не в силе Бог, а в правде! Вспомним слова псалмопевца: сии в оружии, и сии на конех, мы же во имя Господа Бога нашего призовем... Не убоимся множества ратных, яко с нами Бог».

Невская битва и Ледовое побоище (5 апреля 1242 года) стали поистине великими победами для Руси, уже попавшей под владычество монголо-татар, но не они только снискали славу Александру Невскому. Защищая православную веру от крестоносцев – католиков, он неоднократно совершал поездки в Золотую Орду, поднося ее ханам дорогие подарки, переступая через свою гордость, уничижая себя – и все это с одной только целью – сохранить наш народ от набегов ордынцев и сохранить нашу православную веру, так как последние, в отличии от крестоносцев, не требовали отречения от нее.

Почти 250-летнее владычество монголо-татар (1237 - 1480 годы) – это и есть наше наказание за разобщенность и княжеские междоусобицы, за нарушение братской любви русских воинов-христиан.

А вот Куликовская битва (1380 год) в этом историческом ряду – это начало нашего искупления и прощения Богом! И вновь мы видим, что христианская жизнь московского князя Димитрия, оставшегося без отца в 9-летнем возрасте

и фактически воспитанного митрополитом Московским Алексием, стала одной из главных причин победы русского воинства над Золотой Ордой. Согласно летописи, Димитрий собрал войско в 400 тысяч воинов – огромная армия по тому времени. Пока шли военные приготовления, Димитрий поехал «к Троице» – в Троице-Сергиев монастырь, просить молитв и благословения святого Сергия Радонежского. Святой Сергий предсказал Димитрию победу и дал ему двух иноков: Пересвета и Ослябю, в знак благословения своей обители (оба инока погибли в битве с татарами и были похоронены впоследствии в Москве в Симоновом монастыре).

Куликовская битва произошла 8 (21) сентября 1380 года в праздник Рождества Пресвятой Богородицы и по свидетельству современников сама Богоматерь с сонмом русских святых явилась в небе русскому войску, воодушевляя их на битву. Победа на Куликовом поле стала примером исполнения еще одной важнейшей христианской заповеди: «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя». После Куликовской битвы русские воины похоронили своих товарищей на поле боя, оставив последующим поколениям нравственный пример сохранения памяти о павших. Именно так христиане должны понимать слова: «Вечная память!»

На рубеже XV - XVI веков, вместе с завершением владычества монголо-татар, Русь, приняв под свое покровительство соседние народы, превратилась в Империю.

Правление первого русского царя Ивана IV (1530 - 1584 годы), впоследствии названного «Грозным» было удачным с военной и государственной стороны до тех пор, пока он исполнял заповеди Божии и относился к народу, как отец (успешное присоединение Казанского (1552 года) и Астраханского (1556 года) ханств. Вторая половина его правления, связанная с неудачной 25-ти летней Ливонской войной и печально известной опричниной (1565 - 1572 годы) – это отказ от христианских принципов народосбережения, а значит его личная и государственная неудача во всех делах.

«Смутное время» (1598 - 1613 годы) стало поистине тяжелейшим испытанием для нашего народа и государства: разорение страны внутреннее и внешнее, «разруха в умах», попрание христианских заповедей любви к Богу и своему ближнему – это и многое другое показывало глубину нашего нравственного падения. Тем более ценно знать, видеть и понимать: кто и как спас Россию?

Патриарх Московский и всея Руси Гермоген (1606 - 1612 годы) оставил значительный вклад в русской истории. Он известен, во-первых, тем, что в 1579 году, будучи приходским священником в г. Казани, стал свидетелем явления чудотворной иконы Казанской Божией Матери – впоследствии, будучи уже митрополитом, он составил сказание о явлении этой иконы и совершившихся от нее чудесах. Во-вторых, тем, что в 1610 году, под угрозой смерти отказался подписать грамоту о призвании на московский престол польского королевича Владислава и призвал русский народ «служить России и души положить за веру православную». В 1913 году, в годовщину 300-летия дома Романовых, патриарх Гермоген был причислен Русской Православной церковью к лику святых.

Второе народное ополчение под предводительством князя Дмитрия Пожарского и земского старосты Кузьмы Минина начало свое движение из Нижнего Новгорода к Москве с чудотворной Казанской иконой Божией Матери. 22 октября 1612 года Москва была освобождена от поляков – сегодня мы называем этот праздник Днём народного единства и отмечаем 4 ноября.

XVIII век в военной истории России и в истории Русской Православной церкви связан прежде всего с именем Петра Первого – основателя Санкт-Петербурга (1703 год), считавшего святого апостола Андрея Первозванного своим небесным покровителем. Еще в 1698 году Петром I был учреждён первый в России орден – орден Святого апостола Андрея Первозванного – для награждения за воинские подвиги и государственную службу, а в ходе Северной войны (1700-1721 годы) военно-морским флагом России стал Андреевский флаг. Петр Первый стал

основателем Александро-Невской лавры, куда 30 августа 1724 года из Владимира были перенесены мощи святого благоверного князя Александра Невского в ознаменование благодарности Богу за победы над шведами, дарованные молитвами святого Александра Невского, и за славный Ништадтский мир.

Говоря о XVIII веке, мы должны назвать имена двух величайших русских полководцев, принесших Российской армии и флоту множество блестящих побед, не проигравших ни одного сражения, но признававших себя не достойными их славы, так как во всех своих победах они видели прежде всего силу и славу Божью. Таковы генералиссимус Александр Васильевич Суворов (1730 - 1800 годы) и адмирал Федор Федорович Ушаков (1745 - 1817 годы), который не потерял в боях ни одного корабля, и ни один его подчинённый не попал в плен. В 2001 году Русской Православной церковью он был причислен к лику святых как праведный воин Феодор Ушаков.

Особняком в истории России стоит Отечественная война 1812 года. Вот где неразрывно соединились православная вера и русское воинство!

Все без исключения современники Отечественной войны и их потомки считали и считают ее Провидением, посланным России Богом. Знаменитые слова Михаила Юрьевича Лермонтова из поэмы «Бородино»: «Скажи-ка, дядя, ведь не даром Москва, спаленная пожаром, французу отдана?.. Не будь на то Господня воля, не отдали б Москвы!». Это слова не участника битвы, а его потомка, для которого она не менее важна, потому что Бородинское сражение показало непобедимость нашей армии и народа, ведомых Богом. Известно, что Михаил Илларионович Кутузов молился иконе Казанской Божьей Матери сразу после назначения его главнокомандующим, а 22 октября, в день празднования дня Казанской иконы Божьей Матери, русские войска одержали первую победу над французами.

Чудесное спасение России от нашествия Наполеона и то, что французы были изгнаны из России 25 декабря 1812 года (в великий праздник Рождества Христова – всё это заставило императора Александра Первого дать обет: построить

в Москве Храм Христа Спасителя. Храм строился на народные пожертвования 44 года (с 1839 по 1883 годы) фактически при четырех российских императорах: Александре I, Николае I, Александре II и Александре III.

Храм Христа Спасителя стал обетным храмом – памятником, традиция возведения которых существовала ещё в домонгольский период: по преданию Ярослав Мудрый построил в Киеве Софийский собор на месте битвы с печенегами, а после Куликовской битвы строились храмы во имя Рождества Пресвятой Богородицы.

Значение Храма Христа Спасителя заключалось в том, что он сооружался как православный храм и место поминовения убитых воинов в войне 1812 года. Тем более печально осознавать, что этот величественный храм – памятник русским воинам был взорван по приказу Советской власти 5 декабря 1931 года… Большевики взорвали не только православный храм – они пытались взорвать народную память, связь времен, веру русских людей в Бога!

«Мне отмщение, и Аз воздам», – говорится в Священном Писании и это отмщение и воздаяние от Господа Бога наш народ, увлеченный советской идеологией, получил в первые годы Великой Отечественной войны.

Война советского народа с фашистской Германией (1941 - 1945 годы) стала Второй Отечественной войной, с первых дней которой стали явно и зримо выступать черты христианской веры русского народа. Уже в первой речи 22 июня 1941 года нарком иностранных дел СССР Вячеслав Михайлович Молотов произнес знаменитые слова: «**Наше дело правое.** Враг будет разбит. Победа будет за нами» – сравним их с исторической фразой Александра Невского «Не в силе Бог, а в правде». В речи 3 июля 1941 года Иосиф Виссарионович Сталин вынужден был обратиться к советским гражданам с христианским приветствием: «Товарищи! Граждане! **Братья и сестры!**». Тяжелое положение на фронте заставило Советское правительство учредить в 1942 году ордена Суворова (I, II и III степени), Кутузова (I, II и III степени – в 1943 году) и Александра Невского. В апреле

1943 года к ним добавился орден Богдана Хмельницкого трех степеней, а в начале марта 1944 года – ордена Ушакова и Нахимова. Но не только этими христианскими именами жила в те военные годы наша армия и страна – солдаты и офицеры, встречающиеся каждый день со смертью, снова стали искать Божьей помощи в бою, как говорится: «На войне неверующих не бывает». Тетрадные листочки с написанной карандашом или чернилами молитвой «Живые помощи» (Псалом 50-й «Живый в помощи Вышняго») солдаты проносили всю войну в карманах гимнастерок на груди, у сердца… Христианские образы и мотивы Великой Отечественной войны мы начинаем осознавать только сейчас, например, Третьим Ратным полем России (вместе с Куликовым и Бородино) стало Прохоровское поле, где 12 июля 1943 года, в день святых первоверховных апостолов Петра и Павла, был сломан хребет танковым частям вермахта, и где сегодня горит рукотворной свечой Звонница с образом Покрова Пресвятой Богородицы – защитницы России.

9 мая 1945 года на Светлой Седмице (Пасха пришлась на 6 мая – день Георгия Победоносца!) весь наш народ «со слезами на глазах» праздновал День Победы, а 24 июня в Москве на Красной площади прошел Парад Победы. Маршал Георгий Константинович Жуков на белом коне принимал Парад Победы, и многие христиане увидели в этом иконописный образ святого Георгия Победоносца, который на белом коне поражает змея (фашистскую Германию).

И сегодня мы с радостью видим, что православная вера и русское воинство снова соединились вместе – Министерство Обороны Российской Федерации в 2018 году объявило о строительстве в парке «Патриот» в подмосковной Кубинке к 75-летнему юбилею Победы в Великой Отечественной войне (2020 год) главного храма Вооруженных Сил России – собора Воскресения Христова. Согласно плану, высота храма составит 95 метров, а вместимость – до 6 тысяч человек. Храм возводится на народные пожертвования. В музее «Дорога памяти», который станет частью главного военного храма России, разместят около

33 миллионов фотографий участников Великой Отечественной войны.

Таким образом, даже краткий, беглый взгляд на историю нашей Родины позволяет нам сказать: константами русской истории несомненно являются Православная Вера и Русское Воинство. Во всех исторических событиях, где наше Воинство соблюдало и сохраняло Православную веру и православные традиции, мы всегда побеждали врага.

В заключение хочется еще раз повторить великие слова: «Русь Святая, храни веру Православную, в ней же тебе утверждение!»

Сергей Владимирович Саенко

Языческий вопрос русского патриотизма (тезисы)

Вопрос религиозной принадлежности и идентичности является одним из острых в патриотическом движении, понимаемом в самом широком смысле.

В рамках нашего выступления мы более детально рассмотрим **проблему взаимоотношений «православие vs. язычество»**, выразив её в серии тезисов и возможных сценариев решения

Экспозиция

I. *После развала СССР русские лишились своей «большой идентичности»*, независимо от позитивных или негативных оценок советского периода. Новая Россия отказалась от идеологического компонента и не смогла предложить большую повестку, сделав ставку на формирование «гражданского общества» и «российской нации», то есть речь идет о симулякрах. В этих условиях русские люди *начали искать корни своей идентичности в разных идеологиях: ностальгический коммунизм, православный монархизм, национализм различных видов, либеральное западничество и, наконец, часть населения обратило свой взор к архаическим пластам русской истории – к языческой традиции как форме религиозной идентичности*.

II. Де-факто зарождение этого движения начинается в позднесоветский период. Спекуляции о «проекте КГБ» являются наивной конспирологией, которая в 1990-е и 2000-е годы трансформировалась в «проект ЦРУ»[1]. Корни такого

1 За десятилетие активной жизни, работы и изучения внутри русскоязычного язычества нам неизвестны факты прямого финансирования языческих организаций правительствами иных стран.

заблуждения лежат в том, что КГБ, как и положено этой структуре, держало руку на пульсе общественных движений и имело свою агентуру. Но это не является основанием для утверждений о кабинетной креатуре. Здесь же можно вспомнить о «сергианстве» и выдвинуть встречный тезис о том, что вся история Церкви с XX века по сей день – это проект НКВД/КГБ, лишенный благодати и чистой апостольской преемственности. Но этот разговор будет априори контрпродуктивным. На самом же деле, для православия сам факт того, что *язычество является привлекательным для русских людей*, болезнен, из-за чего появляются попытки его демонизировать или списать на чужую злую волю.

III. По данным исследовательской службы «Среда», причисляющих себя к «язычеству» в России – от 1,2% населения[2], это примерно 1 734 000 человек, при населении России в 144 500 000 человек. По другим данным язычников ещё больше, особенно в крупных городах. Проблема заключается в том, что в России нет беспристрастной и объективной религиозной статистики, поэтому любые цифры всегда можно поставить под вопрос. По данным той же «Среды», воцерковленных православных в России не более 41%, что в два раза ниже озвучиваемых РПЦ цифр. Язычники представлены практически во всех сферах общества: молодежь, студенты, учителя, врачи, сотрудники органов, армия, образование, сфера культуры, рабочие профессии, бизнес и т. д. и т. п.

IV. Помимо русских людей, которые выбирают язычество как свою религиозную идентичность, в России проживает множество народов, для которых их аутентичные (языческие) традиции являются основными и единственными. Это Удмуртия, Карелия, Кавказ (осетины), народы Сибири (шаманизм на Алтае, в Туве, Бурятии), народы Севера и Дальнего Востока. Вопрос язычества затрагивает и их в том числе, как основу их самобытности и уникальности. Речь идет о плюральности

2 Атлас религий и национальностей России. Исследовательская служба «Среда». Код доступа: http://sreda.org/arena?mapcode=code13355

культур, логосов, о «цветущей сложности» применительно к этнорелигиозным сообществам, проживавшим на территориях России до прихода сюда русских людей, и в соседстве с ними. Вопрос об их соучастии, сохранении и защиты ими своих традиций не должен пролегать через колониальную формулу «сначала крещение, потом – разговоры».

V. Шире, речь идет о том, что перед православными верующими, перед Церковью, со всей серьезностью встает вопрос о Другом, об отношениях с Другими. В социологическом, политическом, культурном и общественном измерениях вопроса.

VI. Далее, **принципиальным врагом сегодня является глобализация, распространение Запада в планетарном масштабе и все более укореняющийся Постмодерн. В противостоянии этому врагу язычество – как набор традиций, связанных с этносом, месторазвитием и культурой (локальность против глобальности) – является естественным союзником и подспорьем.** Противостояние глобализации, прогрессу и Постмодерну – это та потенциальная общая платформа для взаимодействия. В своей книге «Четвертый Путь. Введение в Четвертую политическую теорию» Александр Дугин признает легитимность обращения к дохристианским традициям в поисках идентичности и ресурсов противостояния глобализму и либерализму.

Проблемные вопросы

В адрес язычников у христиан есть ряд вопросов, некоторые из которых действительно правомерны, но большинство из них – это наши, сугубо внутренние проблемы и внутритрадиционные дискуссии.

I. **Проблема преемственности, трансляции традиции.** Вопрос, давно закрытый в языческом сообществе. Христианизация никогда и нигде не означала одномоментного и поголовного крещения и смены веры, процесс проникновения новой религии в широкие народные массы, включая и коренную перестройку мышления на основе другой онтологии

и аксиологии, занимает многие века. *В разных вариантах традиция дошла до наших дней подпольно в фольклоре, в виде двоеверия или т. н. «народного православия» оно сохранилось практически до наших дней.* Как отмечает в своем эссе «Первобытное мышление» традиционалист и ученик Р. Генона – А. Кумарасвами: «Пока фольклорный материал передается, он способен стать основой, на которой может быть сделана надстройка полного инициатического понимания». В виде философского двоеверия языческая мудрость инкорпорирована во все тело христианства с самого его догматического оформления на Вселенских соборах, но и без этого языческие структуры мышления прошли сквозь истории в виде наследия платонизма/неоплатонизма. Обращение к язычеству и мифам в культуре Европы и России известно повсеместно. Возрождение язычества предпринималось в эпоху Ренессанса (Г. Плифон), встречается в романтизме, немецком движении фёлькише (с оговорками). В русской культуре народническими (= языческими) мотивами пропитана значительная часть поэзии (Н. Клюев, С. Есенин, В. Хлебников) и философии (Г. Иванов, Д. Мережковский) Серебряного века. **С опорой на философию традиционализма Ю. Эволы, А. Кумарасвами, М. Элиаде, А. де Бенуа и К. Клири задача адекватного возрождения язычества имеет все шансы и перспективы на самый благополучный исход. Де-факто, это уже свершается на наших глазах последние десятилетия.**

II. *В истории православной церкви также есть моменты, которые ставят под сомнение всю полноту преемственности и наличие в ней инициатического измерения (благодати):* церковный раскол на никониан и старообрядцев в XVII веке; синодальный период 1700-1917 годов; разгром Церкви после Революции и период атеизма; сергианская Церковь; возрожденная Русская Православная Церковь в 1990-е годы. Целостность, непротиворечивость и транслируемость Церкви между этими периодами вызывает сомнения. Всё это подводит к тому, что вопрос о передаче, об аутентичности структур – тупиковый и непродуктивный, он имеет смысл лишь как факультативный историографический диалог.

III. Ортодоксия и гетеродоксия. Христианство обладает своей догматикой, корпусом священных писаний и преданий, каноном. Отступления от него ведут к маргиналиям, внутрицерковным течениям и сектам, в крайнем случае приводящим к ересям и оформлению сект-раскольников. **Христианство выражает идею централизованной ортодоксальности** – стремление к унификации и универсальности. **Язычество выражает гетеродоксальность.** Та или иная языческая традиция не всегда имеет конкретную «Библию», но всегда имеет мифы, культурное наследие и т. д. В рамках одной традиции возможны в разной степени обособленные (родом деятельности, например) культы различных Богов или духовные практики. Это подводит нас к тому, что частая критика язычества аргументами «покажите ваши священные книги» или «где ваша унифицированная структура-церковь» нелегитимны в силу различных природ организационного устройства наших религий. Гетеродоксальное устройство языческих традиций не лучше, не хуже, не более отсталое и менее прогрессивное, чем христианское – оно просто Другое. Но, все же, мы упомянули «доксу», и гетеродоксия не означает повального синкретизма и легитимности New-Age симулякров, псевдоязыческих спекуляций или креатур в духе «макаронного монстра». Если в авраамических религиях границы канона и ортодоксии обозначены жестко, то в язычестве они, хоть и более подвижны и шире в целом, тоже присутствуют. Проблема четкого разграничения язычества от псевдо-язычества (science freaks, псевдонаучные спекуляции на почве хронологии, истории, лингвистики, мифологии и т.д.) решается как раз с опорой на языческий традиционализм. Этому посвящено уже несколько аналитических работ [3], в самом языческом сообществе ведется работа по очистке рядов от лжеученых и их последователей; необходимость разграничения (нео) язычества от псевдоязычества кулуарно признают и религиоведы. Идеи о создании «языческой церкви», т.е. централизованной

3 Askr Svarte «Polemos: Языческий традиционализм» в двух томах, 2016.

унифицированной официальной организации в языческой среде идут давно, но пока это не представляется столь необходимым проектом.

IV. *Проблема влияния Модерна и Постмодерна на общество, на религиозные доктрины и общины – она общая для всех, здесь и христиане, и мусульмане, и буддисты, и язычники (как русские, так и представители коренных народов) – все в одних неблагоприятных условиях.* Каждый решает свои внутренние проблемы.

V. В беседе с настоятелем Софрониевой пустыни о. Владимиром Цветковым летом 2018 года мы затронули проблемную тему: как могут православные на богослужениях поминать и молиться за своих предков или близких, которые когда-то являлись или являются прямо сейчас язычниками (шире – инославными)? Позиция «не поминать тех, кто не во Христе», то есть резать свой род (шире – историю России), априори должна быть неприемлемой. Но, тем не менее, вопрос открыт. В целом среди рядовых язычников, самых обычных людей, высок потенциал религиозной терпимости.

VI. *Язычники по своей сути – акценты на род, семью, место проживания/Родину, культуру, сакральное и миф – склонны к консерватизму и антиглобализму, антиурбанизму.* Либеральные тенденции, «культурный марксизм» – это грубые и очевидные инфильтрации Постмодерна в языческие сообщества и их разложение. Подробный анализ этому явлению дан в двухтомнике «Polemos»[4]. К тому же, проведенный летом 2018 года опрос среди язычников-родителей о воспитании согласно традиции в условиях современности выявил, что до половины родителей крайне негативно оценивают влияние массовой западной поп-культуры, гаджетов, интернета на воспитание

4 См. также статью Askr Svarte «Идентичность язычника в XXI веке», где описывается три магистральных течения в современном язычестве на Западе (актуально и для РФ): универсализм/постмодернизм — folkish/этноцентризм и консерватизм — трайбализм/малый этнизм. Альманах «Warha #5», 2018.

детей[5]. Здесь мы вновь сталкиваемся с проблемой влияния западной леволиберальной культуры на общество и религии. Так, известно, что в протестантских приходах уже служат представители ЛГБТ-сообщества (пасторы-геи), но это не повод говорить, что христианство – это религия для ЛГБТ. Аналогичная ситуация и с язычеством, где некоторые организации вероломно идут против прямых табу, изложенных в мифах и закрепленных в культуре и истории. Но они не выражают позицию и доктрину всего язычества, а являются просто ренегатами.

VII. Более того, *ведущие идеологи и крупные объединения языческого возрождения на Западе тоже опираются на традиционализм Ю. Эволы, поддерживают контакты с Новыми Правыми (А. де Бенуа, GRECE), средой Alt-Right, идентаристами и консерваторами. То есть, являются сознательными антиглобалистами, антимодернистами и потенциальными союзниками*.

VIII. *Начиная с 2014 года очень много язычников (самых разных толков) с первых дней участвовало и участвует в события в Крыму и на Донбассе.* Люди воевали, работали, перечисляли деньги, погибали и т.д. – люди приняли идею «Русского мира» и пошли за нее воевать, при этом будучи язычниками. То есть, люди внесли свой вклад кровью, а в России их демонизируют и вычеркивают из участников только по религиозному вопросу. По обе стороны конфликта на юго-востоке Украины сражаются люди самых разных конфессий, поэтому нельзя утверждать, что религиозный фактор является ведущим в конфликте. Эта позиция выборочной героизации обнажает лицемерие и тоже является проблемой.

IX. В ходе личных бесед с верующими и духовенством, на вопрос «Что опаснее для России: радикальный исламизм или язычество?» многие отвечали – «язычество». Здесь стоит заметить, что такого явления как международный языческий терроризм не существует в природе, в отличие от запрещенного в РФ «Исламского Государства».

---

5 См. «Воспитание в традиции и влияние современности», альманах «Warha №5», 2018.

X. **Тематика русских ценностей также не чужда язычеству.** *Почитание родителей, старших предков, опека и правильное воспитание детей, многодетность и шире – культ рода, является одной из фундаментальных частей славяно-русского язычества,* которая наследуется и проявляется во всей истории и культуре России. Также, язычники интерпретируют акцию «Бессмертный полк» как современное проявление культа предков и участвуют в нем. Если обратить внимание на недавний социальный опрос «Воспитание в традиции и влияние современности», то мы увидим что в числе наиболее опасных и вредных для воспитания и образования детей факторов, родители-язычники называют влияние массовой западной поп-культуры, гаджетов и интернета[6] – вещи и явления, которые справедливо критикуются консерваторами самых разных идеологических оттенков.

XI. **Для современного русского язычества (думаем, мы вправе сказать и за коренные народы в том числе) программа оптимум – это свобода жить и исповедовать свою традицию, принимать деятельное конструктивное участие в жизни общества, в социальных проектах и патриотическом движении.** *Признание в правах, реабилитация и легализация язычества как одной из традиций, которую исповедуют в России (и русские, и коренные народы) по факту является залогом и гарантом большей стабильности в обществе.* Упразднение социально-уголовного прессинга выводит из тени потенциальных маргиналов и устраняет условия для возможных преступлений.

Движение к этому можно начать с инициации общественной дискуссии, проведении круглых столов и в целом через налаживание диалога в формате «без предварительных условий». Как ни крути, но и православным, и язычникам – жить в одной стране. Поставить 1,7 миллиона человек за пределами

6 Воспитание традиции и современность. Результаты опроса язычников. Код доступа: http://askrsvarte.org/pub/downloads/rus_pagan_families_research_2018.pdf

правового поля и систематически их демонизировать[7] – это закладывать мину замедленного действия в обществе. Всё это – трудные и долгие процессы, требующие больших усилий ото всех сторон. Надо быть готовым, что в этом диалоге – и в жизни в целом – не будет сплошных совпадений «ста из ста», согласия по всем пунктам. Это надо понимать, быть готовым и принять.

Пока же раздаются только редкие голоса и происходят эпизодические конструктивные беседы.

Евгений Алексеевич Нечкасов

7 Яркий пример безнаказанного языка вражды, попадающий под все существующие уголовные статьи об экстремизме, демонстрирует протоиерей Дмитрий Смирнов.

В начале пути

Шел 988-й год от Рождества Христова. Русь приходила в себя после жестокой междоусобной войны. Стонала земля от тяжких грехов, что потоками братской крови оросили её пределы. И стон тот был столь пронзителен, что не спасали от звука сего и стены града стольного Киева, где восседал князь Владимир, одержавший верх в междоусобной распре. Крепко задумался князь о том, каким же способом привнести покой и благодать в русскую отчину, как собрать страну воедино не только политически, но и духовно. Ибо не всякой силе покорится дух человеческий, но лишь той, что опирается на священный закон.

Первоначально взор Владимира, как истинного главы восточнославянских племен, обратился к силам, что преобладали на просторах древнего мира, частью которого являлась тогда Русь. Языческие божества – олицетворение стихийного бытия, оживлённого яростью и пытливостью человеческого воображения – превратились в нити, что были призваны сшить лоскуты древнерусского мира в единое духовное полотно. Так рождалась на свет языческая реформа. Принято считать, что целью её было объединить пантеоны славянских племен под началом верховного бога Перуна. Однако вернее будет понять эту реформу как попытку Владимира закрепить своё превосходство над другими князьями, ибо по меньшей мере два божества – иранские (Даждьбог, Стрибог), и в то же время не учтён главный бог славян-земледельцев и скотоводов – Велес. Поэтому наделение Перуна исключительными религиозными полномочиями привело лишь к новым распрям между племенами, каждое из которых хотело видеть на месте главного божества собственного ставленника. Но думается, что провал реформы связан не только с этим. Почему же первые религиозные

«выборы» в нашей истории чуть было не закончились кровавой гражданской войной?

Дело, конечно же, не в имени бога и не в его функциях: окажись на месте Перуна любое другое божество, и его неминуемо ожидал бы подобный провал. Можно ли вообще вести речь о единстве пантеона как такового? Для ответа на этот вопрос нужно понять сущностное отличие язычества от христианства.

Забвение об Откровении

Язычество заключается в обожествлении материи и стихийного бытия как такового. Здесь немыслим бог, который полностью отрешён от материального мира, «трансцендентен» ему. Мир в язычестве понимается как излияние божества – и между божеством и миром нет никакой разницы. В христианстве дело обстоит иначе. Бог выступает по отношению к миру как Творец, поэтому между Ним и миром есть сущностная разница. Вместе с тем, такой мир не способен существовать самостоятельно, без Бога – следовательно, между ними сохраняется определённая связь. Мир существует за счёт божественных энергий, но при этом не равен ему. Конечно, возникает соблазн увидеть в таких взаимоотношениях непреодолимый разрыв между Богом и миром. В некоторых религиозных течениях, например в иудаизме и исламе крайнего толка, такое понимание преобладает. Однако Православие находит в себе силы преодолеть этот разрыв: оно заключает в себе и языческую древность («религию естественную») и более поздний «авраамизм». Православие, не допуская как полного обожествления материи, так и полной отчуждённости Бога от мира, преодолевает крайности и снимает противостояние этих двух мировоззрений. Православное учение приносит в языческий мир весть о едином «неведомом боге», которого оно некогда забыло: язычество здесь понимается как отход от первоначальной традиции, как забвение о всеедином и всеблагом Боге. С ним на смену «религии естественной» приходит «религия Откровения»: Бог открывает лежащему в языческом забвении миру истину о себе.

Таким образом, только православное христианство являет собой подлинное единство. Любой языческий пантеон противоположен понятию единства в той же степени, в какой куски льда бурному речному потоку. Язычество и христианство, рассматриваемые как частности, есть вода в различном физическом состоянии. Но, застывшая в виде кристаллов льда жидкость хрупка, неоднородна, мертва, тогда как жидкая вода текуча, едина, жива.

Тропою Судьбы

История знает величайшие цивилизации древности, в основе которых лежало языческое мировосприятие. Вряд ли у кого-то повернётся язык назвать народы Древнего Египта, Междуречья или Греции «ледяными». Все они являются основанием для мира настоящего – мертвенной плотью, что, разлагаясь, питает саму жизнь. Каждый прошёл свой исторический путь, оставив отчётливые следы на песках времени. Народы Месопотамии так и не смогли объединиться в единое государство, взамен породив целую плеяду своеобразных империй. Египтянам, напротив, удалось создать могучую целостность. Поэтому утверждать о пагубном влиянии язычества на единство государственного организма бессмысленно. Все зависит от конкретных исторических обстоятельств. Потому можно сделать вывод о некоем «провидении», подталкивающем народы в ту или иную сторону. Судьбоносный шаг Владимира в христианскую обитель был предопределен самими законами бытия, что позволило князю быстро отказаться от «языческого пути» и утвердить христианство на Руси.

В качестве отступления можно обратиться к истории XX века. Само собою напрашивается сопоставление деятельности князя Владимира с действиями большевиков. Если сопоставить эти далёкие друг от друга точки русской истории в духе поэтической метафоры (признавая, вместе с тем, её условность), то можно сказать так: большевики совершили исторический «прыжок» через ступень «полноценного» капитализма, подобно

тому, как равноапостольный князь «перешагнул» через ступень язычества. В свое время Бердяев задал историософский тон сравнивать социализм, построенный большевиками в России, с искаженной формой христианства. Детали такого анализа являются предметом для споров, однако мы считаем, что великий русский философ даже на уровне интуиции верно определил основные векторы духовной истории страны.

Мёртвая голова тельца

Сравнивая язычество и капитализм, вполне возможно прийти к выводам об их некоторой схожести. Скорее не исторически, но метафорически, капитализм может быть понят как «выхолощенное язычество» – то есть язычество без священного измерения (если, конечно, под таковым не понимать безудержную жажду наживы). Займём (на время) эту точку зрения. Получится, что в обоих случаях мы имеем дело с агрессивной конкуренцией. Чем являются жестокие битвы, обманы и интриги между богами, как не олицетворением законов дикой природы, перенесенных в социальную плоскость? А последнее есть один из ключевых постулатов капиталистической системы. Так же, как и наличие частной собственности, преломляющееся в свете (понятого превратным образом) язычества в «монополизацию» определенных стихийных сил (огонь, вода, ветер…), в покровительство конкретной социальной категории (воины, мудрецы, калеки…), в обладание определенными атрибутами, обнажающими низменную привязанность к материальным вещам (молот Тора, трезубец Посейдона…). И, если размышлять в духе Бердяева, социалистическое мировосприятие (по крайней мере, обитающее в русских пространствах) окажется гораздо ближе к христианству. Тогда отчаянная попытка построения коммунистического рая на земле предстанет не бесплодной утопией, а зрелой необходимостью человека, победившего «язычество» внутреннего мира и капитализм мира внешнего.

Добавим также, что почти все страны Европы встречали рассвет Средневековья, будучи христианизированными,

но впоследствии лишь только Россия смогла разорвать (пусть и на время) цепкие путы «капиталистического язычества» – так же, как ранее смогла совершить «прыжок» через настоящее язычество к подлинному христианству.

Православие: оберег язычества?

Выбор князем Владимиром единобожия можно считать и чисто прагматическим шагом, что, однако же, не отменяет вышеизложенного. Но напрашивается еще один вопрос – почему в качестве стержня для построения будущего было выбрано христианство в его изначальной, восточной форме? Конечно, желание иметь в союзниках все ещё довольно могучее и богатое Византийское царство объясняет многое, как и длительное культурное влияние со стороны греков на Русь. Думается, однако, что существовали и гораздо более глубинные причины. Русский человек, как известно, человек широкой души, который если и соглашается носить оковы, то лишь всем миром – и совместно с тем, кто несет бразды правления священными пространствами. Другими словами, все вместе русские склонны подчиняться сильному вождю, тогда как на личностном уровне требуют невероятной свободы. А ведь именно вера – самое сокровенное, что есть у человека, его тайная сторона жизни, и потому должна она являться неохватным фиалом, способным выдерживать сильнейшее духовное давление без опасения разлететься на мелкие осколки.

Веру можно сравнить с забегом, позволяющим поддерживать в здоровом состоянии духовное тело. Душа верующего человека бежит марафон длиною в жизнь, и догмы зачастую превращаются в препятствия на этом пути. Русский человек сделал выбор в пользу восточного христианства дабы развязать себе ноги на историческом старте, ибо Православие содержит не только догмы, но и дух чистой философии, навеки склонный ускользать от формализации, находиться в состоянии всевозможности. Русские, географически зажатые между лесом и степью, так и не смогли определиться, вобрав в себя оба

ландшафта – и вера православная, сочетающая в себе жёсткость христианской осанки (на государственном, верхнем уровне) и вольность языческого мироощущения (на уровне народном) стала идеальным сосудом для русского духа.

Западная форма христианства в лице папства никогда не смогла бы занять господствующего положения на просторах русского континента как раз-таки по причине «неверной расстановки ударений»: рыхлость церковных догматов (выраженная позднее, например, в понятиях «чистилище» и «индульгенция») сочеталась в ней с требовательностью и жёсткостью в повседневной жизни (что выразилось в гонениях на народные культуры). Добавим, что серьёзные гонения на скоморохов в Православии начинаются при патриархе Никоне (по другим сведениям – при Иване Грозном), как раз-таки под влиянием западнохристианских течений.

Причём есть основания полагать, что догматы в западном христианстве проросли вместе с языческими семенами, посеянными разномастными «германскими» племенами во времена Великого переселения народов. Достаточно обратиться к скандинавской средневековой мифологии, несущей в себе глубинные духовные пласты тех самых великих переселенцев. Так, все божества скандинавы делили на две большие группы – асов (перенесённых в мифическую плоскость собственно «германцев») и ванов (в последних легко узнаются черты оседлых славянских племен). Первые – инициативны и агрессивны, вторые – пассивны и созерцательны. Асы есть боги, управляющие мирами и распространяющие собственные постулаты в окружающем пространстве. Они – создатели миров, они их главные управители, а косвенно и разрушители. И, хотя конец света (Рагнарёк) не зависит напрямую от воли асов, а предстаёт этаким неминуемым драматическим событием, зерна собственной погибели также были взращены богами. Таким образом, *мы имеем дело с полным циклом ручного управления, тотальным предопределением. Западное христианство вобрало в себя древние языческие установки, и потому римские папы средневековья и последующих времен предстают в образе асов*, уцелевших в битве

с хтоническими чудовищами, и запустивших очередной цикл божественной гибели, на сей раз в христианском оформлении.

Славянское язычество, разумеется, так же оказало влияние на христианство. На его восточную ветвь. И здесь обнаруживается коренное отличие славянского язычества от язычества «германского» (которое стоит понимать как собирательное понятие, заключающее в себе многочисленные и разнородные этносы Северной Европы, Скандинавии и Прибалтики). Краеугольным камнем «германского» язычества является понятие «фатум» (неизбежный и немилосердный Рок), а славянского – «фортуна» (изменчивая Судьба, с которой можно договориться). Отсюда проистекает и различное толкование учения Христа в западной и восточной традициях. Славяне, уверенные в возможности умилостивить Судьбу, не смогли бы принять католичество с присущей ему «германской» предопределённостью. Добавим, что эта «роковая» особенность католичества выразилась во всеобщей латинизации, а позднее в искоренении народных обычаев – через католический этнос (по Л. Гумилёву). Восточное же христианство, отозвавшееся на духовные потребности славян, не просто вытеснило язычество, а, словно губка воду, вобрало в себя многие его элементы, бережно сохранив их от влияния времени. Поэтому будет справедливо сказать, что настоящий православный верующий в деле преемства традиции, уважения и почитания далёких предков – во многом есть единственно истинный язычник. А посему все доводы современного «неоязычества» о необходимости отвращения от учения Христа являются умозрительными, оторванными от действительности.

Современное «неоязычество» лишено преемственности с язычеством подлинным уже потому, что отделено от него почти тысячелетней эпохой Православия, живо и глубоко вошедшим в народную жизнь. Поэтому в наиболее полном и достоверном виде языческие течения сохранились, как раз-таки, в Православии. Так что, если и говорить об изучении язычества, искать основания всё равно придется в православной форме христианства как в наиболее древнем и достоверном источнике

сведений о языческих временах. Невероятно, но именно Православие несет в себе языческую традицию в наиболее истинном свете. Вобрав в себя их жизненную силу, *Православие поступило с язычниками куда милосерднее, чем даже со своей собственной половиной в лице староверия* в более поздние времена.

Народное Православие: приют ушедших богов

Итак, говорить о преемственности языческой традиции можно лишь в русле Православия. Зачастую, в попытках придать «живучести» древу без корней, славянское язычество сравнивают с христианством, «выдумывают» некий «общенародный пантеон» – что не удалось, напомним, даже самому князю Владимиру. Язычество древних славян, как известно, не было приведено в единую стройную систему – в отличие, например, от древнегреческого (которое смогло оформить таковой лишь в эпоху позднего эллинизма).

Кроме того, языческие верования, сознательно или неосознанно, пытаются полностью отождествить с фольклором, народными приметами (житейской мудростью) и даже повседневным бытом. Но это не совсем верно – скорее, *можно говорить о «народном Православии» как о своеобразном толковании «Православия церковного»*. Да и само язычество частью своею было уничтожено с установлением христианства, частью же слилось с Православием. Так, языческие праздники переосмысливались и получали христианское содержание, например: Рождество Христово, Сырная Седмица, Рождество Иоанна Предтечи, Преображение Господне и многие другие; сюда же относится почитание святых угодников... На Руси Православие не разрушало исконную русскую культуру (одежду, бытовые обычаи), но способствовало её сохранению, преображению и обновлению содержания. Это можно сказать о солярных орнаментах на одежде, до этого имевших языческий смысл – они встречаются даже на одеждах самих священнослужителей.

В Японии существует предание, согласно которому местные боги, столкнувшись с буддизмом, сами обратились

в него, чтобы сохраниться и продолжить существование. Убеждены: такую судьбу избрали не только божества страны восходящего Солнца…

Вечность меняет лица

При этом, *Православие в своей «высокой» (церковной) форме претерпевало ряд метаморфоз, но все же не угасало полностью и всякий раз вновь усиливалось в трудные периоды истории*. Примером этого является установление патриаршества на Руси при Фёдоре Иоанновиче, отмена его Петром I и восстановление в 1917 году. Преемственность же Православия «народного» вовсе не вызывает никаких сомнений, потому как, даже в виде осколков себя прежнего, оно продолжало олицетворять русскую душу, нести семена русской культуры. Преодоление трудных времен с именем Бога и во имя Его – вот самый яркий пример православной преемственности в данном ключе. Ибо народ шёл в бой с определёнными молитвами, иконами, стягами и хоругвями, с именем Христа и Богородицы. То же будет справедливо сказать и о Советском периоде – внешне атеистическом, при этом глубоко духовном в основе своей. С красным знаменем (использовавшимся, кстати, на Руси задолго до большевиков), с портретом Вождя (в котором без труда узнаётся икона) шли советские люди в горнило Войны, отдавая, как и встарь, жизнь за Родину: Богородицу, Мать Сыру-Землю (пусть и обновлённую). Умирая со всем известным именем на устах. Отметим, что такое отношение к имени также религиозно, поскольку отправной точкой христианства является как раз Слово.

Конечно, есть существенная разница между именем человеческим и именем Божиим, утверждать их тождество мы не хотим – но хотим лишь подчеркнуть ту чернозёмную народную глубину, на которую пустило корни христианство (пусть даже и в искажённом, «советском» виде). Да, религиозный сосуд однажды оказался разбит, но каким-то мистическим образом живая вода Православия не растворилась в песках истории.

Да, со времён Раскола Россия не являет более изысканный фиал, наполненный божественной благодатью – она предстает то осколком, разрывающим небеса в клочья, то бестелесною вспышкой, стремительно заполняющей бесконечность (и оттого кажущейся недвижимой). Однако, именно Православие подарило русскому человеку стремление к невозможному, к Риму Третьему, к Четвертому…

Враг в отражении

Современность же, с её железными тисками «машинности» и не менее плотоядными челюстями «виртуальности» (и вот именно это нам предлагают «неоязычники» понимать под «альтернативой» христианству!) душит подлинный русский дух. Сегодня главная проблема православного христианства заключается в повсеместной сдаче позиций прозаике и формализму, ещё более обостряющаяся на фоне вызова со стороны глобальных элит – а вовсе не в мнимом противоборстве с «языческими» культами. Испокон веков Церковь небесная вынуждена была проявлять себя как земной институт ради взаимодействия с государством и обществом – но мир медленно сходит с ума, и всё переворачивается вверх дном. Церковь забывает о своей роли посредника между Богом и человеком и все более обмирщается. Многие нынешние церковные иерархи мнят себя продолжателями земли, но не неба – от того тучнеют, матéрятся; врастают в грунт, лишаясь и духовной подвижности. Православному миру необходимо оглянуться в прошлое и подобрать жертвенную ношу, которую он оставил в погоне за земными благами. Вспомнить, что великой жертвой и великим подвигом является само нахождение церкви на грешной земле – и вынужденны её «институализация» и «формализация», а святость и духовная философия непреложны.

При этом отделение церкви от государства столь же глупо, как отделение души от тела, сие неминуемо обернётся гибелью народного организма. Церковь, конечно, не должна перерастать в государство, но государство должно перерасти в церковь

(то есть одухотвориться). Вообще церковь невозможно отделить от государства, потому как государство формируется обществом, а ради спасения последнего церковь и совершает жертвенный подвиг пребывания на земле. На фоне глобалистского вызова, выражаемого, в том числе, провоцированием искусственного раскола среди православных, необходимо осознание самой церковью собственного значения, и не только исторического. *Язык глобализма – это язык материи, отвечать же следует языком духа.*

Однако, здесь стоит оглянуться вокруг. Если Русская Православная Церковь – не только юридическая организация, но и *духовный* оплот, то почему смолкает звон колоколов всякий раз, когда власть несправедлива по отношению к собственному народу? Отчего громогласная молитва превращается в едва уловимый шепот, когда льётся поток грязи из бюрократических громкоговорителей? По какой причине кресты на куполах храмов превращаются во флюгеры на время бесовских уличных вакханалий?

Пламенный взгляд назад

Чтобы разрешить эти наболевшие вопросы, необходимо обратиться к опыту прошлого. И речь не только о том, что в прошлом нужно увидеть вечные русские идеалы – соборность, справедливость, государственность (и многие другие). Необходимо также учесть опыт, положительный и отрицательный, приобретённый в попытках воплотить эти идеалы в жизнь. Нужно вдохновиться мощным, пламенным образцом, способным пробудить нас от будничной «теплохладности». Ближайшим же образцом из русской истории станут как раз-таки большевики. И здесь перед духовенством встаёт настоящая сверхзадача – преодолеть самих себя, перестав клеймить красных и даровав им Христово прощение, а после принять за образец большевистскую силу веры в идею. Во многом, конечно, они заблуждались, *много зла пришло в мир через них – но в этом следует видеть руку Провидения: не наказание,*

но испытание, урок. Главным же в этом уроке является попытка построения более справедливого миропорядка как внутри России (что должно являться первоцелью), так и за ее пределами (что станет необходимым следствием). Таким образом, дело большевиков должно быть очищено от «безбожной» составляющей (хотя можно ли представить что-то без Бога?) – а их пламенная вера в идею (не мирского, но воистину религиозного уровня) взята на вооружение. Здесь большевики достойны подражания – и те силы, что первыми осознают это, однажды станут управлять будущим. Хорошо, если бы таковыми оказались воины Христа…

Заключение: единые во Христе

Русский человек – человек православный. Это данность. Неизбежность. Судьба. Разумеется, можно проявить своеволие, бросить ей вызов – и это также будет очень по-русски. Однако, наш народ и государство наше уже находились на этом распутье, уже отвергали дары Провидения. Советская Россия заплатила за это дорогую, кровавую цену – и сейчас мы не можем позволить себе так расщедриться вновь.

Если для нас ценна судьба России, если первейшей истиной для нас являются её величие и нерушимость, то мы должны сделать выбор в пользу Православия, и сделать его осознанно. Только оно способно вместить в себя и суровую осанку Церкви, и самозабвенную ярость большевиков – и вольную удаль язычества. Взаимную вражду между наследниками большевиков и Церковью необходимо прекратить, уврачевать раскол: и первый шаг в эту сторону должна сделать именно Церковь, на правах победителя. «Теплохладных» и обмирщённых из неё самой также необходимо изгнать. Мнимое же противоборство между истинными язычниками и православными следует и вовсе изжить: обращение к «народному Православию» станет точкой в этом вопросе.

Ибо не существует истинного славянского язычества отдельного от веры православной. С тех самых пор, как богатырь Святогор – олицетворение первозданной стихийной мощи,

передал свой меч и часть жизненной силы Илье Муромцу. Осознав, что Илья является достойным продолжателем его славных ратных дел: а стало быть, самой богатырской природы Святогора.

Владимир Александрович Юртаев
Жар Андреевич Волохвин
Кирилл Михайлович Новиков

Глава вторая.

Земная обитель

Единство русской истории: предпосылки, мечта, реализация

За последние две сотни лет, а тем более за новейший период истории России не было недостатка в разговорах и рассуждениях о «русской идее» или «русской мечте». Во многом эти разговоры вращаются вокруг одних и тех же тезисов, как будто спор не сдвигается с мертвой точки. Конечно, тут необходимо иметь в виду, что размышления об особом пути и особых задачах Руси начались уже со святого князя Владимира и киевского митрополита Илариона. Оба они в своих речах достаточно жестко отделили русскую парадигму рассуждений от византийской. Православная мысль Византии мыслила себя прямой продолжательницей Рима и не испытывала и десятой доли тех угрызений по поводу собственной молодости и неполноценности, которые будут характерны для Руси. Кроме того, византийское чувство историзма имело мало общего с русским как по уровню сформированности некоего образцового идеала «страны святых», так и по эсхатологической напряженности. Русская мысль пробудилась несравненно позже мысли всех великих культур Востока и Запада, русская философия по своему возрасту – ребенок по сравнению с их философиями. Но ребенок рос чрезвычайно быстро и к XX столетию обогнал своих древних и дряхлых учителей.

Как известно, есть цивилизации с обостренным чувством историзма (Древний Египет, Китай, Запад) и с практически полным его отсутствием (Индия, Древняя Греция). Русской культуре свойственна некоторая промежуточная, нестандартная версия исторического чувства. В отличие от эллинов и индийцев, русские не забывали своего прошлого и не превращали его во вневременную мифологию; но, в отличие от европейцев и китайцев, русские не воспитали в себе чувство строгой линейной последовательности и неумолимой логичности

собственной истории. Именно это имел в виду Чаадаев, когда сетовал на отсутствие в России «истории». Пушкин возразил ему: как же так, если у нас были Петр Великий и другие замечательные события? Но Чаадаев вовсе не утверждал, что в России не происходило никаких событий – он лишь подчеркивал, что они не выстраивались в единую логическую линию, в то время как история Западной Европы, говоря словами славянофила Киреева, был одним сплошным «чудовищным силлогизмом», в котором каждая следующая эпоха вытекала из предыдущей. В России же эпохи сменялись самым непредсказуемым образом, как в калейдоскопе: сразу после катастрофы мог последовать небывалый взлет, сразу после триумфа – обвал, и внятной логики в этом увидеть никак не удавалось.

Однако в начале XXI века уже нельзя повторять буквально рассуждения славянофилов, русских религиозных философов классического периода или запоздалых эмигрантских мыслителей минувшего столетия. По сравнению со временем до 1917 года мы прожили на полтора периода больше: советский и частично постсоветский. Этого уже немало, чтобы попытаться сделать выводы о том общем, что связывает воедино все эпохи русской истории. Можно ли выделить некое ядро «русской идеи», объединяющей их? Или «русской мечты», проходящей сквозной нитью через последние двенадцать веков (считая от первых князей «русов»)? Может быть, обратиться к интуициям Юрия Мамлеева с его концепцией «России Вечной» как некоего архетипа, платоновской идеи, проекциями которой во времени выступают отдельные эпохи?

В своих художественных повестях «Наедине с Россией» (2009) и «Империя духа» (2011) он попытался нарисовать более живой, яркий образ чаемого исподволь всеми русскими людьми будущего, а в трудах «Россия Вечная» (2006) и «Метафизический образ России» (2009) дал ему и теоретическое обоснование. Мамлеев верил, что в некоем параллельном измерении существует Вечная Россия, причем не как один-единственный образ, а как несколько слегка различающихся друг от друга и от земной России образов, объединенных, тем не менее, в главных чертах

единым духом. В реальной, земной истории и современности России эта Россия Вечная прорывалась не всегда, а только в некоторые ключевые моменты. Поэтому сейчас для русского человека важно ориентироваться на них и восстановить в самом себе смысловую структуру России Вечной, понять, что к чему. Разумеется, подчеркивал Мамлеев, речь идет об открытом проекте – под «русским» понимается любой, кто пожелает сам осознать себя русским в данном смысле слова.

По сути, речь идет о том, что в духе христианского неоплатонизма русский народ должен осуществить задание – реально и исторически достичь того состояния Русской мечты, которое логически и метафизически предшествовало истории России и всегда оставалось как бы «над» ней. Именно так сейчас можно раскрыть смысл фраз «Россия как проект», «Россия как задание», «Россия как мечта о будущем». Легко заметить, что подобные призывы за последние годы звучали уже не раз. Неудивительно, что мыслители XIX – первой половины XX века (князь Владимир Одоевский и Петр Чаадаев, Освальд Шпенглер и Мартин Хайдеггер) мнили Россию «молодой страной», страной будущего. Удивительнее, что такие проекты появлялись и в начале XXI столетия («Россия как задание» Александра Бовдунова, «Пятая Империя» Александра Проханова, «Третья Империя» Михаила Юрьева).

Некоторые тезисы русских геополитиков рубежа XIX – XX веков и их преемников-евразийцев, связанные с определением констант всех эпох русской истории, все-таки уже можно считать проясненными и общепризнанными. Рассмотрим их подробнее.

Физико-географическое месторазвитие и его культурное единство

Это то, что можно определить как внутренние области Евразийского материка, «третий мир» между собственно Европой и собственно Азией (по терминологии Владимира Ламанского), как «континент-океан» (по Петру Савицкому). Народы и культуры Внутренней Евразии имели целый ряд

общих черт и до становления Русского государства, в составе же России они были закреплены более твердо и сознательно. «И то, что было в ней лишь чувством и преданьем, / Как кованой броней, закреплено сознаньем», – писал о России Аполлон Майков. Базой для единства послужила широтная зональность ландшафтов (арктическая пустыня – тундра – тайга – лиственные леса – степи – пустыни), отграниченность от соседних регионов не столько горами, сколько нулевой изотермой января и т.д.

Всё это, по мысли ранних евразийцев, повлекло за собой сближение народов разного происхождения, попадавших в евразийский «котёл». Николай Трубецкой в статье «Общеевразийский национализм» подчеркивал, что русские имеют больше общего с другими народами Внутренней Евразии, чем с зарубежными славянами; татары, якуты, казахи и др. – больше общего с русскими, чем с зарубежными тюрками и т.д. Русские, финно-угры, тюрки, тунгусо-маньчжурские, палеосибирские этносы, сами того не зная, веками демонстрировали не только контакты друг с другом на уровне языка и технических заимствований, но и сходства на бессознательном уровне в построении музыкальных гамм, в нефилософском, «бытовом» восприятии импортированных извне мировых религий (православия у русских, ислама у татар, буддизм у бурят). Новейшие исследования позволяют дополнить эту картину выводами генетики о сходстве ДНК, особенно митохондриальной (по женской линии), у большинства народов России-Евразии, а также углубить наши представления об отдаленном языковом родстве. От достаточно уверенной реконструкции ностратического праязыка современная лингвистика уже перешла к выяснению вопроса о более древнем праязыке времен конца ледникового периода (условно называемом «бореальным» или «евразийским» праязыком).

Сама физическая география, даровавшая народам Евразии обширные равнины с легкой коммуникацией по рекам и степям, стала их судьбой, создала предпосылки для экономического и политического единства, хотя до смены кочевых ханств оседлым Русским государством данное единство

было скорее потенциальным и зачаточным, чем актуальным и свершившимся. Таким образом, сформировавшееся за века единство и общение (пусть даже подчас в формате конфликтов и войн) всех евразийских народов упрочилось не только в советское, но и в постсоветское время, причем благодаря наличию великорусского стержня и особенно Москвы и Петербурга, как магнит притягивающих к себе все этносы Внутренней Евразии.

Характер евразийских государств

Другая константа отечественной истории – связанный с описанным выше месторазвитием характер государства, достаточно отчужденного от пестрого населения наших пространств (в этом существенное отличие от большинства государств Европы и Азии, часто не менее жестких и авторитарных, но густонаселенных и плотно контактирующих со своими подданными). Именно такая отчужденность позволяла русским крестьянам, казакам, святым отшельникам вести достаточно автономную жизнь в бескрайних лесах и степях, где «хоть три года скачи – ни до какого государства не доскачешь» (Гоголь). Именно в этой глуши, в этих пустынях русские (и примкнувшие к ним) люди становились ближе к Богу.

Славянофилы XIX чрезмерно упрощали эту схему, представляя себе «государство» и «землю» (народ) как понятия непересекающиеся. Разумеется, на самом деле ситуация были сложнее, и государство набирало себе воинов из народа, облагало его податями и т.д., однако славянофилы все-таки верно подметили сам факт особого рода отчужденности власти от народа. В других регионах мира она чаще приводила к конфликтам и революциям, но в условиях наших необъятных просторов она позволяла многим желающим просто бежать на окраины и устраивать там казачью вольницу либо искать уединенное Беловодье.

Значение православия

Русская культура и история неотделимы от православного христианства, проникшего на Русь из Византии и Болгарии через регионы Кавказа и Крыма. Важнейшим моментом является то, что в отличие от греков или грузин, эфиопов или англосаксов, принявших христианство уже давно сложившимися народами, древнерусский этнос сплавился из пятнадцати союзов племен в единое целое лишь после крещения Руси и вследствие него, а именно в XI веке. Отсюда ясно, что другие православные народы имеют свои особенности и выстраивают свои отношения с Богом и миром иначе, чем русские. Однако вышеперечисленные факторы определяют специфику именно русского мировоззрения и служат мостом к взаимопониманию с иными народами нашего «большого пространства». Как отмечал Николай Трубецкой, даже исповедуя иные традиционные религии, евразийские народы по стилю и бытовым особенностям своей религиозности совпадают с русским стилем православной религиозности. Этот стиль не меняется столетиями, и в этом плане можно говорить о «вечных» чертах того, что наши предки называли Святой Русью.

Русская мечта-минимум: большое пространство

Из обозначенных особенностей проистекает русская (но также и тюркская, и монгольская) мечта о том, чтобы этот простор был еще шире, еще спокойнее, чтобы государство было достаточно сильным и грозным для расширения границ нашего «большого пространства» вовне, но достаточно милостивым для обеспечения социальной справедливости и защиты слабых и бедных внутри. До начала XX века еще можно было сомневаться, действительно ли это так, но по прошествии всех советских и постсоветских лет, видимо, в этом можно твердо убедиться.

Внутри каждой эпохи русской истории отчетливо выделяются два периода: восстановление после предыдущей катастрофы и первоначальное обустройство – и переход

к полномасштабному культурному строительству (вплоть до следующей катастрофы или перехода к новому циклу). Так, сначала первые русские князья около 150-200 лет завоевывали первоначальное ядро Киевской Руси и устанавливали в нем самую элементарную администрацию и законы, а уже потом стал возможен культурный взлет XI – XII веков, когда впервые стало возможным мирное строительство и когда появились первые формулировки культурного кода русскости (от «Слова о законе и благодати» до «Слова о полку Игореве»).

Затем, после катастрофы внутренних усобиц, западных и монгольских нашествий, снова понадобилось около 200 лет на собирание земель вокруг Москвы при очень низкой интенсивности культурной жизни, когда идеалы лишь редкими вспышками озаряли жизнь народа (эпоха Сергия Радонежского и Андрея Рублева), и лишь после решающих геополитических побед Ивана III на всех фронтах, по всему периметру русских границ, начался небывалый культурный и идеологический взлет России – Третьего Рима, продолжавшийся около ста лет.

Потом – новая катастрофа Смуты, около 150 лет на восстановление и отвоевание выхода к морям и ключевым территориям ценой крайнего перенапряжения сил, и опять – начиная с Екатерины II, 150 лет попыток осуществления «мечты-максимум» в русской культуре. Четвертый цикл повторился в советское время: с 1917 до 1945 года – борьба за элементарное выживание, затем до конца 80-х – период мирного культурного роста, накопления невероятных культурных богатств и смыслов, которые, однако, большей частью тогда пропали втуне и не были вовремя использованы. Сейчас мы находимся в начале пятого цикла, и следует совершенно трезво признать, что полноценный культурный взлет и осуществление положительной «мечты-максимум» в России не будет возможным (кроме как на уровне единичных гениев), пока наш народ в целом не добьется осуществления отрицательной «мечты-минимум» – избавления от нынешней дискомфортной ситуации, расчистки фундамента для будущего культурного строительства.

Чтобы понять весь трагизм наших дней, следует обратиться к максиме замечательного немецкого мыслителя Ханса Фрайера: «Свободный человек может быть свободен лишь в своем народе, а свободный народ может быть свободен лишь в своем пространстве». Права русского именно как русского могут быть реализованы только в родном политическом и юридическом пространстве. Это значит, что без обеспечения суверенитета собственной территории, без избавления от вмешательства и зависимости со стороны «чуждых пространству сил» (raumfremde Mächte, по терминологии Карла Шмитта) в принципе невозможно обустраивать Россию. Сначала освобождение территории Исторической России (Внутренней Евразии) от влияния США, Британии, стран Евросоюза, крупных исламистских центров на Аравийском полуострове и в Турции – а затем уже решение экономических вопросов и строительство инфраструктуры, которая сделает блага от континентального единства осязаемыми и доступными в каждом доме и каждому жителю нашей страны. Планомерное развитие образования, науки, транспорта имеет смысл лишь после решения первичных геополитических задач, а никак не до.

Русская мечта-максимум: государство милости

Говоря о русской мечте-минимум как константе, переходящей из эпохи в эпоху, мы отнюдь не случайно руководствовались логикой предыдущих четырех циклов русской истории, делая акцент на удивительной схожести приоритета решения геополитических задач в первой половине цикла. Но каждый раз враги оказывались в целом побеждены, собственное пространство в общих чертах сформировано – и тогда наступал черед второй половины цикла, связанного с общим культурным и экономическим подъемом, а также с поиском смысла, «русской идеи», мечты-максимум.

В первом цикле это было «золотое время» Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха, когда впервые была сформулирована «русская идея» в терминах благодати, милости, справедливого

суда, а Киев и Владимир строились по образу Константинополя и Иерусалима. Во втором цикле – эпоха Филофея и Ивана Пересветова, идеологов сочетания «веры православной и правды турской», воплощения в Москве Третьего Рима. И снова строились проекции Иерусалима то в опричном дворе в Москве, то в Новом Иерусалиме на Истре… Третий цикл был ознаменован строительством Петербурга как земного «парадиза» и имперской реновацией Москвы после очистительного пожара 1812 года и, конечно же, небывалым дотоле взлетом русской литературы, философии, музыки, науки XIX – начала XX веков.

Значение четвертого цикла, примерно с 1945 по 1987 годы, еще не осознано нами в полной мере. Дело в том, что именно в позднесоветскую эпоху была произведена огромная, часто незаметная на первый взгляд, работа университетов, институтов Академии наук, архивов, музеев по переработке отечественного и мирового культурного наследия. И если она продолжалась и продолжается и в новейшее время, то только по образцу и зачастую как прямое продолжение начатых в советское время издательских серий. Мало кто понимает и ценит сегодня, что мы читаем русские и зарубежные классические труды в том виде, в каком их подготовили для нас советские и постсоветские издатели, комментаторы, публикаторы, а не в первоначальных изданиях. Мало кто вдумывается в тот факт, что до 1917 года произведения древней, средневековой, восточной, новоевропейской литературы почти не существовали в русских переводах, а если и существовали – то в крайне некачественных. Лишь вторая половина советской эпохи дала нам всю эту мировую сокровищницу в адекватном русском переводе, в виде хороших комментированных изданий. К сожалению, воспользоваться этим богатством мы еще как следует не успели, это – задача на будущее, задача перестройки всей системы образования и науки в стране, углубления популяризации культурных вершин среди народных масс. В этом должен заключаться культурный аспект второй половины грядущего, пятого цикла развития России.

Однако наряду с ним существует еще и социально-экономический аспект. Если первая половина каждого цикла была связана с нищетой народа, когда все силы уходили на военные нужды, то во второй половине происходило выравнивание кричащего социального неравенства, улучшение народного благосостояния путем улучшения инфраструктуры и т.д. На повестке дня в годы осуществления Русской мечты-максимум в пятом цикле, таким образом, неизбежно будет создание глубоко интегрированного социального, экономического, транспортного пространства, реанимация старых разрушенных и строительство новых автомобильных, речных, морских, железнодорожных, воздушных путей. Может быть, особый акцент придется сделать на малой авиации, вертолетах, дирижаблях, с помощью которых будет удобно как осуществлять небольшие перелеты в соседнюю деревню, так и покрывать расстояния от Балтики и Карпат до Тихого океана, от Таймыра до Средней Азии. Вторая половина четвертого, советского цикла с ее массовым строительством нефте- и газопроводов, новых дорог, с появлением единой (кроме северных районов) энергосистемы СССР – ЕЭС, является хорошим, хотя и недостаточным образцом для подражания на этапе воплощения в жизнь мечты-максимум.

Потенциал и реальность вечной русской мечты

Однако мечта все еще остается более-менее призрачной мечтой, а не реальностью. В 1910 г. Андрей Белый писал: «В произведениях русской культуры рождается искомая нами реальная Россия, но как предвестие, как давно ожидаемое чаяние, *не как реальность*». Гоголь, Достоевский, Соловьев были устремлены к будущему, их величайшие труды полны пафосом будущей России, которая вот-вот соберется, да и явит себя всему миру – но пока еще не явила. «Стало быть, Россия есть некоторое не данное в истории, но предполагаемое, единство исторических, бытовых, этнографических черт, предугадываемое величайшими русскими писателями и философами», – делал вывод поэт.

Таким образом, ключевые слова были произнесены: Россия как проект, Россия как задание. Западники и патриоты, с точки зрения Белого, не смогли понять, что налицо антиномия «России нет – Россия есть». Они утверждают лишь одну из половин этой антиномии (термин, введенный в широкий оборот о. Павлом Флоренским, чьим наставником был отец Андрея Белого). А нужно было утвердить ее всю.

Вслушаемся в предупреждение Белого столетие спустя: «Два лозунга – две правды; России нет: эмпирического единства России нет – вот правда западничества. Россия есть: мистическая вера в будущее России реально дана в чувстве – вот правда патриотизма. Два лозунга – две неправды. России нет: …предстоящее многообразие русской действительности – приносится в жертву отвлеченной и эмпирически еще недоказанной идеологии; вот оборотная сторона западничества. Россия есть: мистический реализм живого чувства… переносится на действительное безобразие настоящего и прошлого русской действительности; вот оборотная сторона русского славянофильства. В первом случае наличность веры зачеркивается во имя будущего; во втором случае будущее переносится в настоящее». Эту Россию будущего Андрей Белый видел как культурный, иррациональный, а отнюдь не государственный, рациональный проект. Именно над ним в данный момент работают и Евразийское движение, и Изборский клуб, и фонд «Россия Вечная». Но для его реализации придется немало постараться всем.

Если на первом этапе нового цикла, в который мы уже вступили, абсолютно неизбежным представляется некоторое «новое закрепощение сословий» ради военной победы и выхода к морям, то после выполнения данной задачи, на втором этапе цикла, столь же неминуемо произойдет очередное ослабление жесткости имперского режима и усиление «социальных лифтов». Государство, если оно желает быть долговечным, должно сделать ставку не на слепой бюрократизм, а на народный энтузиазм, доверяя ключевые посты не «специалистам», а энергичным «людям длинной воли», пусть даже – и особенно если – их затеи

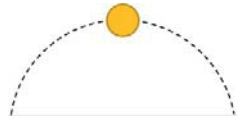
кажутся «сумасбродными». Вовлечение всех желающих в массовую социальную политику (наряду с предоставлением возможности всем нежелающим жить тихо), решение наболевших проблем путем «кампанейщины», дружными усилиями энтузиастов придаст такому государству необходимую энергию и движение, позволит быстро решать те задачи, на которые у «нормального» государственного аппарата бесплодно уходили бы десятилетия.

Таким образом, Россия уже прошла четыре полных цикла осуществления своей мечты, каждый из которых происходил на более высоком демографическом, геополитическом и экономическом уровне, и сейчас уже вступила в начало пятого цикла. Его первая половина будет характеризоваться очередным «закрепощением», мобилизацией народа на решение военно-стратегической задачи ликвидации враждебных антисистем и возвращения в естественные границы евразийского пространства исторической России, и сопровождаться определенными тяготами, которые с лихвой окупятся и дадут кумулятивный эффект, как только будет возвращен нормальный выход к морям и единство трансконтинентальных магистралей. Свободный народ в своем пространстве – таким будет девиз этого периода.

Вторая половина цикла будет отмечена усилением социальной и территориальной мобильности населения, его бурной внутренней активности, мощным культурным, инфраструктурным и экономическим строительством, поиском адекватных форм сотрудничества с другими соседними Großraum'ами (европейским, ближневосточным, индийским, китайским). Всё это будет, если сделать выбор уже сейчас, выйдя из тумана русской неопределенности. По слову Тютчева:

Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, Русская звезда?
Или оптическим обманом
Ты обличишься навсегда?..

Максим Викторович Медоваров



ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНИМАНИЯ ПРАВА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ В РУССКОЙ ТРАДИЦИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ РУССКОГО ОБЩЕСТВА

Исследуя этапы развития истории России в различных сферах, для выявления дифференцирующих признаков, многие исследователи достаточно часто обращаются к дихотомии Востока и Запада. Ввиду особенностей географического положения нашего государства и культурного взаимодействия с соседними странами, применение данного способа вполне оправдано. Не является исключением и область права. Более того, анализ и сопоставление западной и восточной правовых традиций делает более ясным понимание специфики развития правосознания Российского общества. Поэтому историческая ретроспектива данных традиций обязательна для понимания текущего момента и осознания вектора нашего развития.

Рассматривая правовую традицию запада, можно сразу увидеть, что её научная разработка проведена весьма основательно. Так, сделанный Г. Дж. Берманом анализ привел его к заключению, что характерными элементами западной традиции права являются, как минимум, семь взаимосвязанных компонентов: *рационализм, политичность, свобода, гражданское общество, правовое государство, закон и естественные права.* Формирование данной модели стало результатом развития научной и философской мысли Запада. Декартовское «Cogito ergo sum» сделало человека базовой точкой и критерием познания, удостоверением реальности как таковой. В западной

традиции происходит изменение ценностных оснований – формируется, по сути, атеистическая конституционно-правовая доктрина о правах и свободах человека как первичной данности. Право становится светским, антропологическая модель – картезианско-кантианской, религиозный фактор был исключен из правового регулирования.

Рассматривая восточную правовую традицию, можно заметить её существенное отличие – часто сакральное и секулярное в ней не исключают друг друга, а органично дополняют. Этим восточной правовой традицией обеспечивается то, что право не просто ценность, представляющая многовековой опыт и преемственность поколений, а весьма надежный и эффективный инструмент, обеспечивающий устойчивое и гармоничное развитие общества. Кроме этого стоит отметить невероятное единство внутреннего мира человека и, регулирующих его внешнее поведение, норм права восточно-правовой традиции. Право не воспринимается как система чуждая и карающая, а является продолжением ценностной модели человека, помогающей находиться в границах должного. Справедливо и обратное – если право идет вразрез с ценностями общества, если общество видит в нем лишь нечто механическое, то соблюдение закона – это формальность. В таком контексте любая формальность исполняется в меру необходимости.

Таким образом, справедлива позиция А. И. Косарева, согласно которой при рассмотрении понятия права важно принимать во внимание то, что истории известны два способа регулирования общественных отношений: первый – с помощью закона, права; второй – с помощью «нравственной личности», норм религии, нравственности, традиций. По его мнению, первый способ более представлен на Западе, а второй распространен на Востоке[1].

Оценивая ориентацию России в данных правовых системах можно обратить внимание на её особое положение. В современной науке по этому вопросу выделяется несколько важных

1 Государство и право. – 2003. – № 8.

особенностей: **во-первых,** *становление нашей государственности хоть и имеет индивидуальные черты, но проходило под влиянием Европы и принятием христианства, что делает нас частью европейской цивилизации;* **во-вторых,** *русская государственность в средние века формировалась частично под воздействием Золотой Орды, что накладывает черты восточной традиции, а частично под западноевропейским (польско-литовским) влиянием; вследствие этого,* **в-третьих,** *ни культурное, ни общественно-политическое, ни государственно-правовое развитие России не является точной копией ни Запада, ни Востока, а в большей мере оно отвечает собственному пути* – **идеологии евразийства.**

Одним из главных оснований для постановки вопроса об исключительности исторического пути России в научной мысли послужили принципиальные отличия славянской традиции урегулирования отношений поземельной собственности от западной.

Хотелось бы не согласиться с рядом авторов, например, с Л. В. Миловым, которые сводят данную особенность исключительно к климатическим причинам, либо как результат угнетающего воздействия государства. Общинное землевладение – это явление, отвечающее, прежде всего, ценностной системе Русского общества, противопоставляющего общинность западному индивидуализму.

В глазах западного человека общинность выглядит как ограниченность возможностей. Но такой взгляд возможен лишь, когда сакральное вытесняется на периферию и личное богатство становится жизненной самоцелью. **Для глубоко религиозных русских общинность воплощалась как всеединство, как соборность. Знание и закон сливались с верой.**

Важной характерной чертой для русского народа являлась *традиция.* Именно община формировала, хранила, изменяла и передавала её, связывая в единое целое прошлое и настоящее.

Исходя из иной ценностной модели, **понимание частной собственности на землю было отличным от западного**. В основе крестьянского понимания собственности лежал трудовой принцип. Труд был основной составляющей

в понимании права на землю. Право появлялось, если в землю вложен труд, и исчезало, если прекращалась её обработка. Само понятие частной собственности на землю в его западном понимании воспринималось крестьянином как покушение на его древнейшее право, проистекавшее из связи с землей. **Основной идеей в сознании крестьян во все времена была принадлежность земли Богу.**

Вопрос собственности на землю становится остро в спорах Западников и Славянофилов. В ходе этих дискуссий высказывались различные точки зрения относительно будущих реформ, связанных с землей. Например, К. С. Аксаков считал, что помещик не был собственником земли. Земля принадлежит русскому народу, а через него – государству как внешнему его представителю. Как собственность всего русского народа она должна находиться в его пользовании, не переходя в частную собственность. Славянофилы видели в государственной собственности всенародную (государственное право есть народное право на землю). **Земля как собственность, в конечном счете, принадлежит «общине-государству» [2].**

Со временем, перенимая западный опыт в различных областях, в Россию приходит и западное понимание правовой системы, и западная трактовка права собственности в частности. Дискуссии об этом начинаются задолго до реформ 1861 года. Уже при Екатерине II в 1766 г. Вольным экономическим обществом был объявлен конкурс на тему «О праве собственности землевладельца». В 1767 году Екатерина II вводит в законодательный оборот термин «собственность» (Наказ генерал-прокурору 1767 года). А в 1785 году жалованной грамотой дворянству освобождает их от обязательной службы. Собственно говоря, при ней институт права собственности и приобретает тот более западный окрас, в котором он и просуществует до настоящего времени.

---

2 Селиверстов С.В. Проблема крестьянской собственности в русской исторической мысли. Караганда 1995 с.83,108

Поиск новых идей для государственного управления и развития на прогрессивном западе привел к излишней идеализации ставшей уже чуждой ценностной системы.

Известный русский мыслитель К. П. Победоносцев так отзывался о новой идеологии эпохи Просвещения: «Много зла наделали человечеству философы школы Ж. Ж. Руссо, философия эта завладела умами, а между тем вся она построена на одном должно представлении о совершенстве человеческой природы и о полнейшей способности всех и каждого уразуметь и осуществить те начала общественного устройства, которые эта философия исповедовала» [3].

Обобщая проблематику трансформации частной собственности в России, мне видится неверным утверждение об её отсутствии, которого придерживались некоторые западники. Повторюсь, так можно считать лишь в контексте индивидуалистических западных ценностей, воспринимавших собственность исключительно как личное богатство. Если проанализировать самобытный исторический опыт Русского народа, не оглядываясь на иные ценностные модели, то мы увидим абсолютно иное отношение к данной категории, наполненное иным содержанием, иным духом, иным мироощущением.

Попытки принести на русскую почву западные модели не могли пройти бесследно. Реформа 1861 года и последовавшие за ней законодательные изменения лишь зафиксировали тенденцию раскола между мироощущением народа и новаторскими инициативами смотрящей на запад элиты. Еще оставалась надежда на справедливое (по мнению крестьян) распределение земли. Периодические земельные бунты, увеличение количества тайных революционных движений – всё говорило о нарастающем диссонансе. Тревожное ощущение перед оглашением манифеста было не пустым чувством. Сложно было назвать эту реформу успешной. Свыше 1100 волнений

3 Победоносцев К.П. Московский сборник // Победоносцев К.П. Сочинения / Вступ. ст. и примеч. А.И. Пешкова. – СПб. : 1996. – С. 291.

прошло по России в 1861 году. Скорее это была попытка компромисса, который был для всех и полностью не устроил никого. Данные реформы окончательно изменили весь уклад русской жизни. Следующим шагом будет разрушение общины. **Рушилась сакральная модель «государства-общины», незримо связывавшая крестьян, воинов и Царя, возделывавших и защищавших Богом данную землю.**

Громоздкий формат государственного мышления был равнодушен к тонкой материи народной традиции. Государственные чиновники зачастую отягощены проблемами конструирования неких искусственных механизмов и моделей, которые позволяли бы более эффективно использовать тот природный и человеческий капитал, который у них есть. Встраивание государства в международные экономические модели требовало унификации правовых конструкций для более динамичного движения национальных и иностранных финансов. Именно частная собственность на землю, являясь важной составляющей западного капитализма, требовала наибольшей трансформации. Решая сложные проблемы экономического роста и обороноспособности, государство фактически игнорировало сложившиеся веками крестьянские обычаи. Таким образом, крестьянам предлагалось отбросить свои традиции и принять спущенные сверху правовые конструкции. Здесь стоит привести рассуждения известного русского цивилиста Д. И. Мейера, который считал, что «обычай так могущественен в юридическом быту, что, пожалуй, выведет из употребления закон, направленный против его применения». Размышляя над современным аспектом данной проблемы важно обратить внимание на гармонизацию народной традиции и государственной деятельности. Нарастание оппозиции в данной плоскости ведет к деструктивным процессам – как для народа, так и для государства.

В настоящий момент законодательство России не содержит норм для полноценного воплощения исконно русской формы общинной жизни. Прогрессистская модель мировоззрения подается как единственно верная.

Индивидуалистический концепт делает частную собственность целью и смыслом жизни. В таком контексте духовное отходит на задний план. Все попытки государства апеллировать к патриотическим чувствам обречены на провал, ибо материальное не может служить для них хоть какой-либо основой, а инструменталистский подход к религиозному чувству вообще никогда не приводил ни к чему хорошему. Все благие попытки чиновников вырождаются в легковесный популизм, который тут же облекается в мемы и работает против них.

Для получения настоящего результата мы должны апеллировать к аутентичной народной традиции. Надо отметить, что **феномен русской общины вообще не получил должного изучения.** Советская наука по идеологическим причинам не могла объективно осознать его. А события 90-х годов прошли под флагом рынка и демократии, что также несло в себе чуждый взгляд. Возможно, именно сейчас у нас есть время, чтобы понять самих себя. И путь к этому пониманию лежит через осмысление веками сложившейся русской народной традиции.

Русская традиция должна быть актуализирована в информационном пространстве. Мы должны вспомнить, что многое из нашего мировоззрения становится понятным именно в контексте общины. Об этом необходимо говорить на всех образовательных уровнях. Необходимо создать правовые условия для существования общины. Условия, в которых собственность могла бы отойти на второй план. В качестве мер по стимулированию можно было бы предложить форму по аналогии со свободными экономическими зонами (данная методика применяется для развития инфраструктуры и привлекательности отдельных регионов). Подобно этому, налоговые льготы способствовали бы привлечению внимания к общинной жизни. Конечно, нельзя искусственно воссоздать традицию – она должна прорасти сквозь пласт материализма, но создать благодатную почву для этого жизненно необходимо. Мы должны сместить акценты в сторону народности.

Судьба страны и народа каждый раз находится в руках его нового поколения. Из осознания этапов развития нашей

истории мы должны вынести важный урок о самобытности и самодостаточности Русского народа и государства. Вырабатывая новые механизмы регулирования общественных отношений, **мы обязаны бережно хранить нашу идентичность и нашу традицию, исключая чуждые им элементы**.

Алексей Сергеевич Пересветов

КОГДА КРАСНЕЕТ ЗЕМЛЯ

Данный текст представляет собой отрывок из более обширной работы, в котором кратко излагается наше понимание сути «месторазвития» и вводится в обиход термин «красная география».

В самом узком смысле особое месторазвитие представляет собой каждый, отдельно взятый, человек, внутренний мир которого развивается, будучи заключенным в материальную плоть.

В рассматриваемом же нами образе, месторазвитие предстает как важнейшая составляющая – подножие горы, ее широчайшая область, как в пространственном, так и в духовном понимании. Месторазвитие сочетает в себе сразу два уровня – материю (место) и творческий, созидательный процесс (развитие). Любой государственный организм представляет собой отдельное месторазвитие, сочетающее материальные границы с их внутренним духовным наполнением. Однако данное понятие зачастую выходит за пределы политических границ, являя собой цивилизационный феномен. В этом случае государство само выступает лишь как мыслительный компонент, заполняющий собой определенную территорию, т.е. материю. Содержимое в виде различных государственных образований может меняться, что не влечет за собой смены самого месторазвития, ведь земная география куда более долговечна, нежели география человеческая. Строго говоря, «месторазвитие» выражает не один только пространственный фактор. Оно являет собой слитые в единое целое социально-историческую среду и территорию, которую та занимает. Рассматривая данный термин как нечто среднее между чисто географическим пониманием пространства и его идейной составляющей, можно прийти к выводу, что «месторазвитие» есть понимание континента как материального сосуда для интеллектуального наполнения.

Типичными примерами месторазвития на евразийском пространстве могут служить полуостров Индостан (индийская цивилизация), Юго-Восточная Азия (китайская цивилизация), Междуречье (семитская цивилизация), Средиземноморье (Греция, Рим, Византия), Северная Евразия (последовательно сменявшие друг друга скифы, сарматы, гунны, монголы, русские). Иногда оно чуть ли не полностью совпадает с политическими границами государства, как в случае Индии или Китая, но чаще выходит за их пределы, наиболее выразительным примером чему служат земли между реками Тигр и Евфрат и пространства Северной Евразии.

Любое месторазвитие наглядно определяемо в первую очередь географией. Именно географические факторы оказывают существенное влияние на народные характер (менталитет) и образ жизни. Более того, сам политический строй напрямую связан с земной поверхностью, об этом рассуждал еще провозвестник геополитики, немецкий этнолог и социолог Фридрих Ратцель. Согласно его суждениям, один и тот же народ, помещенный в разные географические среды, будет развиваться по-разному. Соответственно, сколько существует ландшафтов, столько и политических типов, культурных укладов.

Географическая самобытность России, согласно одному из классиков евразийской мысли ¬– Петру Савицкому, обеспечивается тремя континентальными равнинами: Восточно-Европейской, Западно-Сибирской и Туркестанской. Благодаря степной зоне, соединяющей все три друг с другом, возникает единое во многих отношениях равнинное пространство, окаймленное массивными горными цепями с востока, юга и частично запада. В данном контексте следует обратить внимание на труды еще одного видного представителя евразийства – Георгия Вернадского, наиболее тесно, помимо самого Савицкого, работавшего над пространственной проблематикой. В своей самой известной работе «Начертание русской истории» Вернадский рассматривает всю Отечественную историю под призмой многовековой борьбы континентальных географических пространств – леса и степи – в конечном

итоге объединенных Большой Россией в лице царского самодержавия и советского вождизма. К рельефным особенностям евразийского месторазвития добавляются еще и климатические. Так, Савицкий подчеркивает, что Россия «почти на всем своем протяжении обладает климатом, единым во многих основных своих чертах и в то же время существенно отличным от господствующих климатов «Европы» и «Азии». Наиболее характерной чертой «российских» климатов, и в то же время совершенно необычайной, в качестве общего правила в климатах «Европы» и «Азии» является весьма широкая амплитуда колебания температур в течение года, чрезвычайно значительное отклонение средней температуры самого жаркого месяца от температур самого холодного…»

Таким образом, определённые природно-климатические факторы побуждают месторазвитие Северной Евразии к замкнутому автаркичному существованию. Большая Россия, на протяжении истории будучи вовлеченной во все основные внешнемировые процессы, параллельно сему парадоксальным образом оставалась, по большей части, закрытой и недоступной для агрессивных устремлений своих противников. Здесь можно явно различить оборонительные, охранительные черты, присущие византийской цивилизации (ощущение себя последним оплотом истинной веры, окруженным темными враждебными силами), которые удивительным образом переплетаются с экспансионистскими устремлениями ордынских кочевников (желание расширить территориальные и духовные горизонты бытия, фактор широты, обширности, пространственной безграничности). И все это богатое наследие наложилось на исконно русскую выносливость и неприхотливость, природную соборность, обусловленные в том числе суровыми природно-климатическими условиями, сложной географией.

Подобная «гремучая смесь» до сих пор служит причиной загадочности русской души, непонятной для европейца и от того Европу пугающей, а также определяющей склонность русского человека к самокопанию и извечному поиску ответов на вопрос

«кто мы такие?». И зачастую характеристика российской цивилизации делается исходя из беглого поверхностного анализа лишь одной-двух исторических граней, после чего терпение большинства исследователей России заканчивается и, считая задачу более или менее выполненной, они со вздохом облегчения присваивают свойства и оттенки изученных граней всем остальным. Но облик России настолько многослоен, что считающие себя знатоками в области русской стихии бытия, предстали бы интеллектуальной пылью под ногами, если б только случилось так, что Россия явила себя во всей глубине пред этими невеждами.

Автаркия для России нечто совершенно иное, по-иному осмысленное. Это не зацикливание на себе и не отрицание внешнего мира, каким бы отвратительным он ни казался. Нет, русский народ никогда не станет забиваться в угол подобно пугливой мыши. Но и кичиться своей самобытностью он также не должен, всякую гордыню, всякое самовосхваление и самолюбование следует отбросить, потому как *Россия в глубинах своей искалеченной души еще верит в Бога, ощущает Его присутствие и старается быть опорой священному небосводу, до определенной поры окаймляющему этот грешный мир*. Держать на своих плечах Небо, подобно мифическому Атланту, а не пронзать его острием невежества, безнравственности и морального разложения – вот истинно русская миссия. *Автаркичное существование для России означает, прежде всего, движение своей тропой, следование собственной воле, с параллельным поиском пути, на который указывает Божественный перст. Русский мир не отворачивается от мира нерусского, от мира по ту сторону границ, но желает обрести Спасение для всех достойных. Определять же кто достоин, а кто нет, будем уже не мы, а Высшая Сила, неподвластная ни политике, ни географии, ни человеческому разуму*. Подобного рода автаркия максимально эсхатологична, в ее сути минимум политизированного. Из всего можно сделать вывод, что *Россия понимает безопасность не как страус, спрятавший голову в песок (замкнутость), а как вожак стаи, заботящийся обо всех ее членах ради общего будущего*. На то «безопасность» и «континентальная», что она мыслится

для всех, кто жаждет спастись с утопающего корабля. Резюмируя вышесказанное, можно прийти к выводу, что уже на стадии понимания географии как науки о земле подтверждается осевой тезис евразийства – Россия есть «континент в себе», колоссальный континентальный сосуд, метафизическая чаша Евразии, жаждущая быть наполненной Духом.

Таким духовным, интеллектуальным наполнением, по мнению Петра Савицкого, служит *«Идея-правительница» – образ ангела-хранителя государства*. «…Идея дает толчок и движение – и крылья ее явственно различимы, какой бы груз она ни возносила с собой…». Без «Идеи-правительницы», окрыляющей и вдохновляющей общество, Евразия мертва и представляет собой лишь массивную неодушевленную глыбу, грандиозный памятник живому некогда организму, медленно рассыпающемуся под воздействием времени. Таким был поздний Советский Союз, да и современная Россия все еще, по большей части, находится в плену бессмысленного существования. Могучая евразийская глыба сплошь покрыта либеральной плесенью товарно-денежных отношений, низводящих высокие идеалы в зону повседневного бытового потребления…

«Идея-правительница» есть та самая духовная субстанция, заполняющая собой материальный сосуд. Без нее континентальная амфора (т.е. пространственная грань, в пределах которой живет и властвует «Идея-правительница») превращается в бесполезный артефакт, служащий напоминанием о великом прошлом своих создателей и пригодный лишь для созерцания и изучения, но не для пользования. Дабы исключить столь печальную участь, необходимо наполнить идею огромной, всесторонней и положительной мощью; «…в размахе и упоре соравной и даже превосходящей историческую силу коммунизма…». Возможно, что именно Четвертая Политическая Теория, разрабатываемая в наши дни усилиями отдельных интеллектуалов и опирающаяся на труды их не менее талантливых идейных предшественников, способна воплотить в себе пожелания отцов-основателей. Но нужно понимать, что упор должен делаться не просто на необходимость

наличия идеи, но на соразмерность идейного аспекта пространственному. *Содержимое колоссального континентального сосуда, уж коли он создан таковым, должно занимать весь его объем*. Другими словами, вобрав в свое материальное, природное тело бесконечные пространства Турана, Россия должна следить за идейной полнотой, оживляющей пространственную ткань. Ибо *всякий раз, когда идейное наполнение не соответствовало пространственному масштабу, происходило обрушение государственных опор*. Евразийскому простору становилось тесно в идейно скудных границах, и он вырывался на поверхность, разрывая политически однородную ткань государственности.

Продолжая развивать символическую тематику, следует отметить, что месторазвитие, преодолевая географическое измерение, также выходит и за политические границы государства. Ведь **одухотворенная география** – это не только поверхностный рельеф, климат, флора и фауна. Это, ко всему прочему, еще и *павшие за свою Родину предки, частицы колоссальной цивилизации, отдавшие собственные жизненные силы во имя достижения всеобщего богоподобного бессмертия, всеобщего блага. Русская земля пропитана кровью своих сынов и дочерей и кровь эта есть священнейший ее компонент, который русский народ вкупе с родными ему этносами и народами Большой России обязан быть готовым защитить в любое время.* **Земная поверхность, пропитанная кровью** – это уже не обычная географическая наука, **это красная география**, приоткрывающая сакральные врата евразийского месторазвития. Это красная нить, пронизывающая всю российскую историю и проявляющаяся у горного подножия в виде бесценного минерала – крови павших во имя Родины пращуров, которую вобрали в себя древние земные пласты. И с каждой новой каплей все сильнее разносится их безмолвный шепот, эхом отзываясь в живом русском сердце.

Философский контур «Солнца Севера»

Язык как ключ к русской идее

1. Введение: русскость как Идея

В данной работе мы ставим перед собой задачу проследить связь между языком и идеей. Разумеется, речь пойдёт о русском языке и о русской идее. Но совсем не очевидно, что же такое *русскость*? Более того – как эта *русскость* проявляется? Эти вопросы зачастую являются болевыми точками споров на подобную тему. И без сколько-нибудь внятного ответа на них заниматься поиском истины (даже просто спорить) – бессмысленно. Но сам вопрос, необъятный как облако, уплывает от возможности охватить себя, ускользает от ответа.

Говоря о *русскости*, мы, разумеется, говорим об идеях в платоновском смысле. Говорить об идее уже само по себе трудно, поскольку идеи не умещаются в словах. Более того – они не созданы для слова, они постигаются через внутреннее зрение, через *созерцание.*

Тем более ускользают идеи от взора и слова обыденного. Уместно будет вспомнить насмешливое замечание о платоновских идеях, приписываемое Диогену: «стол вижу, а *стольность* – нет». Для человека, имеющего мистическое измерение, внутреннее зрение, очевидно, что у всего множества существующих столов присутствует нечто общее, составляющее сущность стола как таковую – *стольность*. В этом же смысле можно говорить и о *лошадности*, и о *«великой котовости»* – как о некой внутренней сущности бесконечно многого количества однородных вещей.

Разумеется, то же самое справедливо сказать и о *русскости*. Она должна составлять сущность всех вещей и явлений русской культуры, истории, политики; каждого отдельно взятого человека, причисляющего себя к ней. Она есть красная

нить, пронизывающая множество и соединяющая его в целое. Она – есть.

Но как выразить *русскость*, понимаемую в таком идеальном ключе? Идея, как сказано выше, шире границ любой материи. Однако идея проявляет себя в материи (и в материи тоже), значит может с определённой долей истинности быть опознана с помощью доступных человеку средств и форм. Поскольку само человеческое существование, с идеальной точки зрения, пограничено; поскольку человек заключает в себе идеальное и материальное, небесное и земное; поскольку человек как вид и есть граница, то ответ следует искать в пограничной области, в наиболее тонкой части человеческого бытия.

Его следует искать в Языке.

2. Язык и Слово.

Выше было сказано, что идея не умещается в словах и не создана для них. Каким же образом тогда говорить об идее? Сказано, что ответ следует искать в языке – но разве язык и слово не одно и то же? Чтобы избежать кажущихся противоречий, следует расставить все точки над «ё».

Во-первых, следует провести различие между словом и языком. Здесь будут полезны исследования Ф. де Соссюра, отца структурной лингвистики, который разделяет высказывание (фр. parole) – тожественное в нашем случае слову, и язык (langue). Выражаясь образно, язык (по Соссюру) следует понимать как животворящую тьму, ускользающую от формы и способную породить бесконечное количество существ. Обратившись к живой природе, мы легко подметим сходство рассматриваемого явления с грибницей: она лишена формы и иерархии, сокрыта от взора, способна породить множество существ – но существует, даже не порождая их. Добавим, что и сам по себе гриб представляет пограничное существо: он и не растение – и не животное, некое особое царство живой природы, находящееся *между*.

В теории Соссюра язык не тождественен всей сумме высказываний, на нём сделанных. Он одновременно включает

всебявсевысказывания,каксовершённые,такитольковозможные (при этом даже противоречащие друг другу) – и вместе с тем неизмеримо шире всех них. Грибница также не является просто суммой возросших на ней грибов, но представляет собой некое целое, некую *всевозможность* по отношению к ним. Это, в свою очередь, соответствует платоновскому пониманию целого, которое одновременно заключает в себе все его части, но также шире простой суммы этих частей.

Язык, таким образом, есть *всевозможность высказывания (слова)*.

Во-вторых, теория Соссюра может быть дополнена разделением слова обыденного – и Слова с большой буквы. Говоря о последнем, мы осознанно затрагиваем религиозное и метафизическое измерения – указывая, что они имеют воплощения и в практической научной деятельности. Сам Соссюр, рассуждая о природе языка, приходит к следующим выводам. Во-первых, все языки мира являются различными воплощениями одного Языка. Во-вторых, из структур самого языка невозможно проследить его возникновение. В-третьих, язык либо никогда не существовал – либо существовал всегда.

Отметим, что к тождественным выводам приходит и современный русский мыслитель В. Костецкий, профессор и доктор философских наук, один из учителей автора данной статьи. Также правильным будет сослаться на филолога А. Волкова, доктора филологических наук и профессора МГУ, автора прекрасной по своей содержательности монографии «Курс русской риторики»:

«Любые версии происхождения языка выходят за пределы научного знания о языке. Все языки мира устроены по единому принципу и представляют собой закономерно различающиеся и закономерно сходные варианты единого языка человека».

(А. А. Волков, «Курс русской риторики», стр. 20)

Следовательно, ставя вопрос о происхождении Языка, невольно приходится покидать удобные пределы науки. В поисках ответа мы, будучи носителями и участниками православной традиции, должны обратиться к Священному

Писанию. «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» – гласит Св. Евангелие от Иоанна 1:1. Приведём и греческий оригинал: «Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος, καὶ ὁ λόγος ἦν πρὸς τὸν θεόν, καὶ θεὸς ἦν ὁ λόγος». Оставляя в стороне прекраснейшую по своей глубине игру смыслов (как То, что было в начале, было у Того, Кем являлось?), обратим внимание на следующее обстоятельство: Слово (λόγος) было в начале, то есть предшествовало чему-либо, даже Языку (с большой буквы). Следовательно, Язык появляется *после* Слова – и даже *из* Слова. Находим подтверждение этому далее: «Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. (Св. Евангелие от Иоанна 1:3)».

Далее подчеркнём, что Слово (λόγος) есть явление божественного порядка (Слово было Бог), тогда как Язык – человеческого. Бог использует Язык, тем самым порождая его из Слова (то есть из Самого Себя), именно для общения с человеком. Язык же становится доступен человеку в то мгновение, когда Бог поручает Адаму таинство имянаречения:

«19. Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел их к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. (Книга Бытие 2:19)

20. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым; но для человека не нашлось помощника, подобного ему. (Книга Бытие 2:20)»

Надо полагать, что Язык здесь, хотя уже и может быть понят как нечто не вполне тождественное Слову, всё ещё не глубоко разделён с ним. Поскольку сам человек, как цель его возникновения и носитель, ещё сущностно не отринут от божественного состояния: не являясь Богом, он, однако, пребывает в Раю. Язык, таким образом, ещё пребывает в Слове.

Заметим, что с точки зрения избранной теории и сопутствующих ей понятий, почти всё то, что произнесено Адамом (позже – и Евой) с мига приобщения к таинству имянаречения, будет тождественно *высказыванию* (слову с маленькой буквы). Исключения составят сами *имена* – как то,

что выражает глубинную суть вещей и явлений, их самость. С точки зрения науки логики, имя можно толковать как «понятие с единичным объёмом» – каждое подлинное имя единственно, несёт неповторимую энергию. Это в полной мере соответствует православному представлению, выраженному в *Имяславии*.

Продолжим. Более существенное разделение Слова и Языка происходит в итоге грехопадения. Божественное в значительной степени уходит из мира. Слово (λόγος) в не меньшей степени оставляет Язык. Однако, здесь человек ещё имеет дело с *первоязыком*. Ещё призрачней божественное присутствие становится после разделения единого первоязыка *на множество* языков. Постепенно происходит «растворение» имён: угасание творящих сил в имени умаляет его до *прозвища*. После этого снижается и значение слова-высказывания: до тех пор, пока на смену остаткам первородного Слова (λόγος) не приходят число и Цифра, дорогу которым открывает *болтовня.*

И только нисхождение в мир триединого Иисуса Христа (подобного триединому Слову- λόγος) открывает путь воссоединения человека с Богом, проникновения в языки божественной благодати Слова.

Так, в кратком изложении, выражается православная точка зрения на затронутый вопрос.

Подытожим наши рассуждения. В начале всего находится Слово-λόγος, из него возникает Язык, на основе которого миру нарекаются имена и становятся возможны бесчисленные слова-высказывания. Впоследствии этот первоязык распадается на языки множественные, каждый из которых также способен порождать бесконечность высказываний. Имена умаляются до прозвищ. Этим не исчерпывается разложение. Крайней точкой станет исчезание последних частиц Слова-λόγος изо всех уровней сущего и замена его числом и Цифрой, а точкой невозврата – превращение высказывания в болтовню.

3. Язык как философская проблема.

Подробное изучение вопроса ниспадения человечества от Слова-λόγος к Цифре заслуживает отдельной работы. Сейчас же важно обратить внимание на следующее. Первое. Язык был дарован человеку Богом для постижения мира и (в допустимых пределах) его со-творении, проявлении, венчании именами. Человеку, таким образом, была вручена огромная власть, бледная тень которой сохраняется и поныне: творящая сила Слова-λόγος во многом уходит, ускользает от него, но ещё сохраняет тонкое присутствие в человеке. Значит, в самом человеке ещё сохраняется связь с идеальным миром – постольку, поскольку сохраняют связь множественные языки с первородным λόγος.

Отсюда вытекает второе соображение. Говорить об идее (в нашем случае – об идее *русскости*) можно тем ближе к истине, чем ближе к Слову-λόγος языковые средства, используемы нами: то есть чем точнее даваемые имена, чем ёмче используемые высказывания, чем меньше в нас болтовни. Чем глубже мы постигаем родной язык (будучи отчуждены от первоязыка). И, разумеется, чем дальше наша речь от Цифры – чем внимательнее мы к качеству и равнодушней к количеству.

Третье умозаключение продолжает второе. Требуемые точность, ёмкость и качественность языка могут быть достигнуты только в поэзии, молитве и философии. К тому же, всё вышеназванное имеет творческую и мистическую составляющие, также необходимые при постижении и обосновании идеи: от обыденной и приземлённой мысли истина ускользает. Однако, для поставленной цели – осознанного запечатления идеи в пределах языковой формы, лучше всего годится именно философия. В ней не только присутствуют все необходимые составляющие, но она обладает самыми разнообразными, развитыми и продуманными средствами для выражения противоречивой действительности.

Философия как область знания стремится к всеобъемлющему отображению бытия через сочетание противоречивых (нередко и противоположных, как у Платона и Демокрита) картин мира. В этом её родовое свойство. По своим средствам она во многом схожа с наукой: разница заключается в невозможности сочетания

противоречий в рамках науки. Вещь в науке однозначно равна себе самой, она либо есть – либо её нет, либо обладает каким-то качеством – либо не обладает им. Мистическое измерение также не входит в область рассмотрения науки, поскольку логически не доказуемо: правильная наука не отрицает и не утверждает его, но просто выносит за скобки. Следовательно, наука как область знания не может дать исчерпывающий ответ, уступая философии в гибкости и многомерности. Философия же содержит в себе и научные средства познания мира: отметим, что именно философия порождает науку.

Поэзия, при всех своих преимуществах, имеет перед философией ряд слабых мест. Во-первых, в основе её лежит *переживание* описываемого явления или вещи, в то время как философия стремится к некоторому *отстранению*, обобщению и составлению понятий: она работает именно с понятиями. Вместе с тем философия также, как и поэзия, невозможна без переживания (возьмём, к примеру, экзистенциализм) – но вынужденно «приглушает» его, стремясь найти в частном переживании общую закономерность. Во-вторых, логические (научные) средства поэзии на порядок ниже, чем философии – хотя и природа их во многом тождественна. Наконец, в задачу поэзии совсем не обязательно входит поиск истины – и в этом ключевое расхождение с философией. Однако философия, вооружившись поэзией, станет гораздо острее, приобретёт *пронзительность*.

Молитва же, напротив, являет собой наивысшее стремление к истине. Однако это стремление сопряжено с наивысшим, запредельным переживанием, что лишает нас возможности единовременного научного осмысления. Человек, творящий молитву, всем своим существом пребывает в истине, в Слове-λόγος – но в этот миг он не способен к хладнокровному рассудочному мышлению, к отстранённому взору со стороны. Пребывая в истине, он не способен осознать её. Такое осознание возможно лишь «задним числом», и происходить оно будет средствами философии.

Молитва возможна как личное духовное действие – и как действие «институцианализированное», религиозное. Таким образом, религия как область человеческого знания несёт в себе вышеупомянутые особенности, свойственные молитве, и сопутствующие им преграды на пути решения нашей задачи. Отметим, что религия содержит в себе заряд творчества – в молитве, мистическое измерение – через откровение и чудо; движение к истине. Однако, религия не занимается *поиском истины* – она утверждает, что *уже обладает* ею во всей полноте: и так считает *каждая* из существующих и существовавших религий. Каждая религия опирается на устойчивый свод догматов, изменение и толкование которых является исключительным правом Собора. И если решение противоречий в рамках одной религии ещё возможно при помощи диалектики (например, в православии), то выход за собственные пределы и решение противоречий между единовременно существующими религиями просто не представляется возможным. Истина, как и в науке, одна.

Надо ли говорить, что для описания такого противоречивого явления, как Язык, мы попросту не можем принять религиозную точку зрения: хотя бы потому, что закономерно лишаемся возможности слишком уж вольно толковать священные тексты, не рискуя впасть в ересь. Было бы нелепо утверждать, что мы пришли к истине – напротив, мы только ищем её.

Подведём итог. Язык, с нашей точки зрения, имеет божественную природу. Поэтому он необходимым образом несёт в себе заряд творчества и имеет мистическое измерение – может быть понят как чудо или откровение, явленное Творцом. Задача Языка – постижение мира, в том числе. мира идей, истины. Отчуждённые от первоязыка, мы, однако, можем приобщиться к Слову-λόγος, опираясь на доступный нам (русский) язык. Для этого требуется пробудить лучшие его стороны: точность, ёмкость и качественность в сочетании с творчеством и мистикой. Постижение идеи *русскости* и осознанное запечатление

её в пределах языковой формы также требует использования средств науки.

Только философия как область знания соответствует поставленным требованиям и способна справиться с нашей задачей – конечно, вооружившись поэтической пронзительностью.

4. Заключение первое: о дальнейших путях исследования

Настало время для заключительного обобщения. В ходе исследования, были установлены следующие положения. Во-первых, говоря о русскости, мы говорим об идеях в платоновском смысле. Во-вторых, говорить об идее мы способны лишь при помощи языка. В-третьих, сам язык имеет божественную природу – и русский язык в том числе. Он в какой-то мере содержит в себе творящую силу первозданного Слова- λόγος и первоязыка. Наконец, последовательное и всестороннее запечатление этой силы в словах возможно только при помощи философии.

Для выражения русской идеи необходимы русский язык и русская философия, вооружённая поэзией. Однако, само существование последней часто ставится под сомнение. Здесь можно коротко наметить пути решения этой проблемы.

Во-первых, требуется изучить условия возникновения философии как таковой и выявить её ключевые требования. Вот они: утверждение понятий меры и нравственности; наличие в народе мифологического сознания (мистический опыт и двоемирие) – в сочетании с развитым логическим мышлением у правителей; имперский состав народа (полиэтничность) и связанная с ним глубина и разветвлённость языка; направленность творческих сил вовне (умаление «внутреннего мира»); освоение новых пространств; возникновение личной воли (индивидуальной субъектности).

Во-вторых, необходимо воспроизвести эти условия на почве русской культуры – учитывая, конечно, её особенности. Например, личная воля (субъектность) должна уживаться

с волей общинной, а освоение новых пространств может быть понято как освоение пространств, уже занятых русскими («внутренняя колонизация»).

В-третьих, нужно обратиться к опыту святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, совершивших, по-сути, первое философское действие на русских пространствах: перевод Священного Писания с греческого на церковнославянский. Поскольку, с одной стороны, имело место обращение к родному языку философии, с другой – к боговдохновенному источнику, а с третьей создан с самых основ понятийный религиозно-философский свод, то подвиг Кирилла и Мефодия можно расценивать *как прививку философии к русской культуре*.

В-четвёртых, нужно обратиться к опыту русской религиозной философии – особенно *к идее всеединства В. Соловьёва* (и развитию этой идеи у других авторов). Понимая, однако, что эта идея не выражена в законченном виде и нуждается в дальнейшем развитии.

В-пятых, нужно обратиться к уже существующему русскому языку и пробудить в нём творческие возможности: очистить его от вредных иностранных заимствований, возобновить словообразование с опорой на логику самого языка, применить философский понятийный свод к ключевым явлениям языка.

Наконец, исследовать народные и вельможные («элитарные») пласты культуры и выделить из них основополагающие понятия.

Усилия, необходимые для выполнения обозначенной задачи, чудовищны и необходимы одновременно. Плодами станет проявление русской философии, за ней – воздвижение по-настоящему русской власти (ибо философия и есть ключ к подлинной власти), следом – осознание народа как самостоятельной творящей силы, венцом – снятие вражды между народом и властью.

Только в этом случае будет достигнута заветная тысячелетняя цель – восстановление единства и целостности Русского Пути.

5. Опыты работы с языком: поэтический способ

Теперь, когда пути к проявлению русской идеи обозначены, необходимость взаимодействия языка и философии заявлена, будет правильным привести пример, поясняющий способ такого взаимодействия. Для этого мы намеренно обратимся к низовому уровню языка – к просторечью и жаргону: поскольку «высокие» слова сами собой вызывают у читателя ощущение мистического присутствия, а вот «низкие», как правило, лишь пренебрежение.

Речь пойдёт о глаголах **«палить»** и **«гаситься»**. Впервые с этими словами автор столкнулся в просторечии, а не вычитал в книгах. Слово *«палить»* означало «подсматривать», «зырить», «выводить на чистую воду»: «я тебя спалил», «чего ты палишь меня» - отсюда происходит и существительное «палево». «Палево» – это не столько то, что подсмотрено, обнаружено против воли: скорее, некоторое состояние «обнаруженности». Обратим внимание на смысловое сходство слов *«палево»* и *«позор»*. Буквальным смыслом второго будет «выставление на обозрение (чаще невольное) того, что должно быть скрыто» – что очень близко к «палеву». С точки зрения смыслов, можно заключить: *«спалиться – позорно»*.

«Палить», очевидно, напрямую связано со зрением, корнями же восходит к пламени: *«пал/пыл/пол»*. «Опала», «запальчивый», «вспыльчивый», «полымя», «пылкий» - всё это однокоренные слова. Следовательно, *«палить»* несёт в себе некоторую пылкость: недаром существует словосочетание «пылкий взор» (иначе – «пламенный взор»).

Более того, можно предположить (и мы ещё вернёмся к этому более обстоятельно), что само слово «взор» содержит пламя в своей основе: корнем его является *«зор»*, в таком прочтении относящийся к ряду *«зар/зор/зыр/зир»* – «зарево», «зорька», «позариться», «взирать», «зыреть». Часто это сводится к корню *«зр»* – «зрение», например. Также стоит отменить тождественность корней *«зар/зор»*, *«гар/гор»*, *«жар/жор»* – «гарь», «зарево» и «жар» явно относятся к одному смысловому ряду. К ним стоит добавить ещё корень *«яр»*, особняком стоящий

в русском языке: «ярко», «ярость», «яр» – все эти слова имеют прямое отношение к «огню». Отметим, что написанное латиницей «jar» также может иметь родственный смысл, поскольку сочетание букв «ja» тождественно русской «я».

К тому же, заслуживает внимания сходство корней «*зр*» и «*жр*» – «зреть» и «жрать» (отсюда – «жрец», «прожорливость», «жар»). Кажется, что зрение обладает способностью пожирать – что подкреплено устойчивым оборотом «пожирает очами».

Обобщим. Глагол «палить» содержит в себе, во-первых, источник огня и света (что обуславливается корнем «пал»); во-вторых, очевидно связан со зрением (что подкрепляется наблюдениями за использованием). Из этого, в-третьих, делаем вывод, что само зрение имеет «огненную» (возможно - световую) природу («пламенный взор», «пожирать очами»). Отсюда можно вывести смелое заключение («про-зрение»), что природа взора состоит, как принято считать, не в поглощении света - но, наоборот, *в источении* его, в испускании огня. «Запалить» (обнаружить против воли, вывести на свет) кого-то можно как раз потому, что смотрящий обладает «пламенным взором»: причём «запалит» можно только резко, единовременно, мгновенно – то есть «мигом» (что родственно глаголу «мигать», связанному в языке, опять-таки, со взглядом, взором).

Теперь обратимся к глаголу «*гаситься*». Понять его будет вовсе не трудно, поскольку он являет собой противоположность глаголу «*палить*». «Гасить» что-то («тушить», «прекращать горение») имеет смысл лишь тогда, когда уже что-то «запалено». Добавим, что в просторечии глагол «гасить» имеет смыслы «подавлять», «запрещать», «избивать до тех пор, пока не перестанет оказывать сопротивление». Поэтому подчеркнём суффикс «ся», означающий возвратность – то есть действие от первого лица («*гаситься*» – скрываться самому, а не скрывать кого-то). С таким добавлением данные выше смыслы исчезают. Учитывая соотношение «*палить*» и «обнаружить», выводим дополнительное значение слова «гаситься» – значит «скрыться от взора», «уйти от освещающего огня», «исчезнуть».

Обобщим. Взор источает пламя и обнаруживает кого-то против его воли – «палит». Кто-то, будучи обнаруженным, стремится уйти от опаляющего взора, сокрыться в тьму - «загаситься». Такова логика низов общества, использующих данные просторечья: если вдруг наступило «палево» (а оно всегда наступает «вдруг»), то следует «загаситься». Исчезнуть. Зачем? – чтобы избежать «позора».

6. В защиту поэтического способа: поиски единого знания

Вот, в поверхностном приближении, способ взаимодействия языка и философии. Доступно показано, что даже низовые пласты языка могут нести глубинные смыслы. Избранный способ работы с языком можно назвать *поэтическим*: поскольку предлагается рассматривать явления на стыке философии и поэзии (одним словом, для краткости). И здесь художественный перенос, метафора, будет являться ключевым познавательным средством. Добавим, что великий немецкий философ XX столетия М. Хайдеггер называл язык «дом бытия», а философов и поэтов – его «хранителями», тем самым указывая на их родство и чрезвычайное значение.

Однако, мы будто вскользь промахнули очевидное несоответствие некоторых положений нашего рассуждения и здравого смысла. Утверждения «взор источает пламя», «зрение имеет огненную природу» звучат подозрительно – если, конечно, видеть за ними не только метафору, но и явление материального мира.

Именно так и нужно отнестись к этой догадке, с наивысшим вниманием. Мы придерживаемся установки, что Знание, в конечном счёте, едино – хотя и может быть разделено на различные области: Религия, Философия, Наука, Искусство. Это вполне соответствует *философии цельного знания* В. Соловьёва. Следовательно, если что-то находит подтверждение в одной области знания, то оно закономерно должно находить подтверждение во всех остальных. Значит, поэтическое

представление об огненной (световой) природе света (если оно справедливо) будет подкреплено изысканиями в научной, религиозной и философской областях также.

Пойдём по порядку. С точки зрения поэзии, такое утверждение справедливо, во-первых, потому что строится на звуковом сопоставлении корней слов *«зр»/«жр»* и многозначности корня *«зор»*, могущего относиться и к зрению, и к горению. Такой приём является излюбленным у М. Цветаевой: «*псарь* не жалует, пожалует *царь*» - где значение имеет звуковое подобие *«пс»* и *«ц»*. Этот же приём встречается у В. Карпеца: «есть в слове *строить* - *Троицы* огонь» – где сопоставление близких по звучанию слов наделяет их дополнительными смыслами. Во-вторых, это *красиво* – значит, вполне достаточно для поэзии.

Что же на этот счёт говорит наука-этимология? Обратимся к признанному в этом вопросе источнику – «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера. Вот его выводы о словах «взор» и «зреть»:

*Происходит из русск.-церк.-слав. възоръ от *въз зьрѣти, далее от праслав. *zorъ, от кот. в числе прочего произошли: др.-русск. зьрѣти, зьрю, ст.-слав. зьрѣти, зьрѭ (др.-греч. βλέπειν, θεωρεῖν, ὁρᾶν), ст.-слав. зрѣти зрю, зриш, сербск. за̀зрети, за̀зрѐм «увидеть», словенск. zréti, zrèm «взглянуть», чешск. zřít, zřím, словенск. zreť, zrem «видеть», польск. źrzeć, źrzę, в.-луж. zrjeć «смотреть». Далее сюда же заря́, зо́рок. Ср. лит. žėréti, žẽriu «сиять, светить», žėrúoti «пылать, сверкать».*

Видим, что в славянских языках слово «взор» родственно словам «заря», «зорок», «сиять», светить», «пылать», «сверкать». Считаем это достаточным подтверждением наших предположений.

Теперь обратимся в религии. В авраамических религиях, в том числе и христианстве, мы не найдём упоминаний чудес, связанных с огненной (световой) природой зрения: нет свидетельств, чтобы чей-то взгляд что-либо воспламенил (поджёг – в прямом смысле). Однако, сама сущность полнокровной религии не отрицает этого, поскольку допускает чудеса: известны случаи исцеления слепых, случаи «неестественного» поведения огня – здесь и «неопалимая купина» и «Благодатный

Огонь» (который вернее будет понимать, как *свет*). К тому же, многократно упоминаются чудеса, связанные со зрением: например, святые видели события, находящиеся за тысячи вёрст от них (разговор Сергия Радонежского и Стефана Пермского) – что противоречит общепринятому представлению о зрении. Религия открыта к божественному вмешательству через *откровение* и *чудо*, следовательно, вполне возможны обстоятельства, где произойдёт в прямом смысле *воспламенение взглядом* – и это *не будет метафорой*. Другое дело, что чудо ни в коем случае не бессмысленный «трюк», оно, вторгаясь в размеренный ход вещей, всегда содержит существенное значение, несёт с собою некоторую *весть*. Значит, если искомых нами чудес ещё не произошло, то попросту не возникла потребность в них – что не отрицает их *возможности*.

Как выглядит наш вопрос с точки зрения философии? Напомним, что философия стремится к всеобъемлющему отображению бытия через сочетание противоречивых картин мира. Философ, предлагающий картину мира, подтверждающую наше предположение, есть – как, впрочем, есть и философы, отрицающие его. Обратимся к Эмпедоклу (490 – 430 до н. э.). По роду своих занятий он являлся также жрецом и врачом, что позволяет говорить ему о природе зрения с замахом на достоверность и с учётом мистического измерения жизни. Он также примечателен тем, что писал свои философские труды в форме поэм – что прекрасно соответствует нашему *поэтическому* подходу. Согласно преданию, являлся пифагорейцем – но был изгнан из школы за огласку учения Пифагора. Отметим, что *именно Пифагор* (570 – 490 до н. э) явился родоначальником полноценной древнегреческой философии, совместив учения Востока с местными греческими опытами. Пифагор – личность, вознёсшаяся до мифологического порядка: ему приписывается множество чудес. Эмпедокл, по преданию, является не только мудрецом, но и чудотворцем: считается, что он смог воскресить женщину, целый месяц находящуюся без дыхания. Смерть его также великолепна: он бросился в жерло вулкана Этны, чтобы приобщиться к богам – и боги приняли его,

выбросив, однако, из вулкана бронзовые сандалии. Полагаем, что пифагорейская школа скрывала воистину могущественное знание, раз уж её ученики были способны на такое.

Опираясь на свои сверхъестественные знания, Эмпедокл так определял природу зрения: богиня Афродита создала из четырёх элементов (земли, воды, воздуха и огня) человеческий глаз и зажгла в нём огонь, свечение которого и делало зрение возможным. То есть здесь мы встречаем прямое подтверждение нашего предположения: глаз содержит в себе источник света (огонь), лучи которого исходят вовне, позволяя зрению быть. Он также обращал внимание на взаимодействие различных источников света: например, лучей из глаза и солнечных лучей (объясняя этим ухудшение зрения в тёмное время суток). Он первый предположил, что свету требуется какое-то (пусть и очень небольшое) время для распространения – то есть задумался *о скорости света*, что было безумным новаторством для современников.

Отдадим справедливость Евклиду (около 325 – до 265 до н. э.), который в своём труде «Оптика» (300 до н. э.) усомнился, что зрение является следствием исхождения света из глаза. Он задался вопросом: как человек, взглянув ночью на небо, может увидеть звёзды? Такое, по Евклиду, возможно лишь в том случае, если свет из глаз распространяется с бесконечно большой скоростью. Однако, этот вопрос решается и в соответствии с учением Эмпедокла: не только глаз источает свет, но и сами звёзды – и свет последних имеет достаточно времени, чтобы достигнуть планеты.

Теперь рассмотрим поставленный вопрос с точки зрения физики, точной науки. И хотя сама наука произрастает от философа Аристотеля, тем не менее, нас удовлетворят только научные доказательства, хотя бы и находящиеся в области вероятного. Современная наука прошла большой путь – но уже со времён Евклида не считает глаз источником света. Зрение же полагает возможным лишь потому, что глаз способен его воспринимать (но не источать). Понимание природы самого света также менялось, сейчас его принято понимать, как нечто, что при

определённых условиях обладает свойствами частицы или волны («корпускулярно-волновая теория»). Единицей измерения света установлен фотон, являющийся квантом электромагнитного излучения. И здесь есть некоторый зазор, который мы предлагаем рассмотреть. Дело в том, что к электромагнитному излучению также относят и тепловое излучение – которое, во-первых, присуще всем телам (и глазу – тоже), во-вторых, достоверно воспринимается приборами. Значит, даже формально, но *глаз всё-таки излучает свет* – просто этот свет находится за пределами зримого спектра. Однако, по своим свойствам глаз должен быть качественно выше, чем любое тело, излучающее тепло – он должен являться своеобразным «проектором», источающим внутренние мыслительные образы. И эти образы должны быть считываемы, существовать в материальном мире, на самом деле. Мы не отрицаем способности глаза поглощать свет – просто предмет исследования иной.

Опыты по запечатлению «исходящего из глаз света» насчитывают более сотни лет. Первопроходцами здесь явились создатели создатели «мыслеграфии» – предполагаемой способности «выжигать» силой мысли изображения на различных поверхностях, например, на фотоплёнке. Термин «thoughtography» (мыслеграфия) ввел в начале XX века Т. Фукараи (1869 – 1952), доцент кафедры психологии Токийского университета. В 1913 году Фукураи опубликовал труд «Clairvoyance and Thoughtography»: книгу подвергли критике за отсутствие научного подхода, автор был вынужден уйти из университета.

Среди множества деятелей подобного толка наше внимание привлёк Б. Кажинский (1890 – 1962) – советский учёный, инженер-электрик, пионер исследований в СССР в области телепатии и биологической радиосвязи, кандидат физико-математических наук. В своём труде «Биологическая радиосвязь» он прямо заявляет о возможности глаза целенаправленно излучать энергию, порождённую мозгом. Он посвятил многие годы исследованиям телепатии и мысленного взаимодействия на расстоянии,

знамениты его совместные опыты с дрессировщиком В. Дуровым («опыт с собакой»). Также написал книгу «Передача мыслей».

Следующим автором, подтверждающим наши поиски, стал Г. Крохалёв (1941 – 1988) – советский психиатр, исследователь зрительных галлюцинаций. Проводил исследования с 1974 по 1991 годы. Является сторонником электромагнитной (голографической) теории зрения, согласно которой мозг через глаза «излучает» образы вовне. Пытался доказать эту теорию опытным путём, с помощью самодельного устройства проведя 286 опытов фотографирования зрительных галлюцинаций (у 116 пациентов получены изображения). Эти исследования приобрели как противников, так и сторонников в научной среде. Заслуживает внимания его труд «О влиянии психической энергии человека на материальные явления». Подозрения же вызывает, во-первых, провал всех последующих попыток повторить опыты Г. Крохалёва – во-вторых, изъятие ещё при жизни всех материалов исследования «по звонку из Москвы».

Добавим, что мы могли бы привести ещё ряд деятелей (например, академика и доктора медицинских наук В. Казначеева (1924 – 2014), исследователя телепатии, создателя неоднозначного «зеркала Козырева») – но общий ход рассуждений и доказательств и так понятен. Существует общепринятая («оптическая») теория зрения и крайняя («голографическая»). У последней есть свои критики, но есть и сторонники, убедительно и последовательно её отстаивающие. Она же является подтверждением в области науки наших поэтических предположений. Признавая, что избранная теория всё ещё не стала общепризнанной, мы допускаем такую возможность в будущем. Так уже бывало не раз: умозаключение о скорости света Эмпедокла сперва также казалось сумасшествием. Коперник, через земную механику пытавшийся объяснить движение небесных сфер, для устранения очевидных ошибок вводил понятие «Бога, исправляющего орбиты» – пока квантовая механика не разрешила это противоречие. Разрешить противоречия между «оптической» и «голографической» теориями позволяет

предположение о двойственной природе человеческого зрения: оно и излучает, и отражает свет.

7. Заключение второе: бытие как метафора

Подытожим изложенные мысли. Мы применили *философско-поэтический* способ познания действительности, сопоставив «взор» и «пламя» (свет). Основываясь *на идее цельного знания*, предположили, что найдём подтверждение нашим догадкам во всех областях его – науке, религии, философии, искусстве. Предположение оправдалось – в науке, однако, с некоторым допущением, путём обращения к теориям крайнего толка. Из этого вытекают три умозаключения.

Первое. *Поэтический* способ познания действительности состоятелен, он может и должен быть применён к ключевым понятиям русского языка: истина, правда, справедливость, Отечество, Родина, Бог – и многим другим. Это позволит не только наметить очертания русской идеи, но и проявить её. Плоды такого подхода, разумеется, должны быть проверены путём сравнения с другими областями знания, нахождения точек соприкосновения с ними. Но способ хорош и сам по себе, поскольку позволяет быстро схватить мерцающую истину, ускользающую от дотошного крючкотворства.

Второе. Всякое исследование следует проводить с точки зрения *цельного знания*, поскольку ключевой для православного человека должна являться платоновская идея единого – не допускающая пустоты, разделённости. В триединого Бога веруем.

Третье. Даже путём самого тщательного рассмотрения явления невозможно обнаружить его единичную природу. Это проблема остро встаёт при обращении к науке, которая в нынешнем своём проявлении стремится свести любое знание к точке. Здесь уместно обратиться к создателю науки как таковой – философу Аристотелю. Он, во-первых, вводит понятие *точки* – как шара с нулевым объёмом, линии нулевой длины и фигуры нулевой площади. По Аристотелю, логика и математика – науки

божественные, поскольку основываются на понятии, которое не встречается в физическом мире – то есть *точке*. Отсюда он выводит заключение, что с помощь логики и математики (божественных наук) нельзя познавать физический (земной) мир. Но как же его познавать? Вот тогда и возникает «во-вторых». Ключевым понятием физики Аристотеля является *естественное место* (τόπος οἰκος) – сам Аристотель ведёт речь только о «месте» (τόπος), но его ученик Теофраст добавляет к этому «естественное» (οἰκος), что позволяет говорить о понимании Аристотелем любого места как естественного. Этот же τόπος является ключевым понятием другой науки, обоснованной Аристотелем – риторики. Излюбленным же приёмом её является метафора. Она представляет собой перенос свойств одного явления на другое – и, соответственно, познание их друг через друга. Только такое познание, по Аристотелю, и может быть подходящим для физического мира: он изменчив, не единичен (хотя и един), риторичен. Даже современное научное представление о свете – двойственно («корпускулярно-волновая теория»), он единовременно понимается и как частица, и как волна.

Таким образом, *поэтическое* понимание мира имеет своё оправдание и в науке. Бытие текуче, неуловимо, подобно метафоре – и кто же лучше поэта сможет понять его?

Жар Андреевич Волохвин

Глава третья.

Таинство делания

ДЕКРЕТ

I

ругайте россию чаще
ругайте россию больше
её заповедные чащи
её священные рощи

её несусветные шири
её расписные шали
ругайте россию щирых
ругайте россию шалых

хоромы её и схроны
курганы её и храмы
короны её и троны
неопалимые раны

II

ругайте россию даром
ругайте россию делом
что б впредь не стелила барам
да не торговала телом

что б не плевала в душу
да не вымогала дозу
ругайте россию дружно
ругайте россию розно

что б не проглядела чада
да не проблудила чуда
авось обернётся садом
авось надоест под спудом

III

ругайте россию высью
ругайте россию вещью
вздернут на древе мысли
боян рокотаху вещий

годов всколыхнув тыщу
седой старины толщи
ругайте россию тише
ругайте россию проще

летели в царьград струги
упали в итиль стрелы
звала в полёт царь-сбруя
вело в века царь-стремя

IV

ругайте россию кротко
ругайте россию твёрдо
несторианские чётки
монголо-татарский орден

пируйте степные ханы
на вечных руинах рима
ругайте россию хамы
ругайте россию симы

расстрельная птица-тройка
по красному топит баньку
провозгласила ольга
благословил ванька

V

ругайте россию девы
ругайте россию вдовы
побиты лежат севы
опять не взошло слово

ушли за моря други
махать за царя саблей
ругайте россию плуги
ругайте россию сакли

над осквернённой верой
отсалютует ворон
сбегутся на запах серы
осатанелые своры

VI

ругайте россию вязы
ругайте россию вишни
лютуй емельян разин
святой император лишних

юдоль осеняя бритвой
веди на фавор табор
ругайте россию битых
ругайте россию слабых

чадят в новеграде трубы
пали в путивле стяги
горят в заполярье срубы
конца не видать у саги

VII

ругайте россию правой
ругайте россию левой
её неприкрытую правду
её повсеместные хлевы

у этой кромешной голи
сама богоматерь в няньках
ругайте россию гои
ругайте россию янки

авось не свершится тризна
авось ниспадёт саван
и вспомнят чумные избы
«в начале была слава»

VIII

ругайте россию щедро
ругайте россию жадно
за бунт в раскаленных недрах
за щит над вратами ада

за добровольную муку
юродивых Христа ради
ругайте россию с_ки
ругайте россию бл_ди

её заповедные чащи
её священные рощи
её вавилонские пашни
её нетленные мощи

2016 г.

Богдан Андреевич Самай

Белые против красных
Битва идеологий или политическая имитация

Обсуждать 1917-й год и его последствия – это уже привычная интеллектуальная забава, не исчезающая как с телеэкранов, так и из виртуального пространства. Мы живем в информационной реальности, где красные ежедневно рубят белых, и наоборот. Эта ситуация утвердилась, в том числе, в силу того, что на политической поляне стало слишком много историков. По сути мы наблюдаем *подмену политики историей*. Историком быть сегодня гораздо проще, чем политическим идеологом или, тем более, политическим лидером: проще за счет разбора хорошо известных событий прошлого раскрутить блог, попасть в СМИ, издать книгу, собрать почитателей. Не все историки, циклящиеся на XX веке, имеют соответствующие дипломы, важно другое – то, что люди чувствуют себя комфортно, прежде всего, в среде проверенных исторических фактов (однако, обычно иначе интерпретируемых обратной стороной).

Ну а чтобы быть современным теоретиком, способным ответить на вопрос, что же будет с Родиной и с нами, как и что надо менять, нужна интеллектуальная дерзость – это путь тернистый, и не известно, к чему он ведет. Мы уж не говорим о практике... Гораздо легче обсудить в уютном кругу избитые события – свой слушатель найдется и для «красных», и для «белых». Всегда будут те, кто захочет, чтобы еще раз с ними проговорили деяния Ленина, Керенского, Корнилова, есть и нравоучительные цитаты по этому случаю, вроде «История ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков» (Василий Осипович Ключевский).

Несложное наблюдение за блогосферой показывает, что большей популярностью пользуются блогеры, которые

рассказывают зрителям об истории, но не строят современную идеологию. По сути, копание в прошлом превращается в уютное интеллектуальное гетто, где можно присутствовать без негативных для себя последствий, культивируя свой собственный мирок и круг сторонников. Попытки перейти от истории к идеологии, предпринимаемые такими персонами, обычно заключаются в цитировании "классиков" и потугам привязать цитаты, произнесенные сто лет назад, к нынешней реальности.

Давайте признаемся, что фигуры Николая II, а также Ленина и Сталина давно стали многозначными символами. Разные люди вкладывают в них не похожие друг на друга, порой противоположные смыслы. Последнего царя одинаково почитают и Малофеев, и Егор Просвирнин, и Поклонская. Ленин является знаком и для Зюганова, и для Удальцова. Сталин шествует то с Удальцовым, то с Гоблином-Пучковым, то с Вассерманом. Монархистов, ленинцев и сталинистов, как носителей цельной, законченной политической доктрины, уже больше нет. Простой пример: можно зайти в любой крупный книжный магазин и увидеть десятки книг, рассказывающих об исторических персонах XX века, но вы не найдете ни одной книги, где описывался бы механизм пересмотра итогов приватизации 90-х, национализации недр. Излишне говорить, что теоретик уровня Ленина, окажись он в аналогичных условиях, начал бы именно с вопросов о собственности, а не с разбора деталей восстания декабристов или французской революции 1789 года.

Одни наряжаются в идеологические костюмы монархистов, другие – красных дьяволят, и ведут исторические, а не политические споры. И да – за спорщиками может скрываться пестрота мировоззрений. Скажем, легко можно найти условного «белого», который за новую революцию, радикальный слом системы и т.д., и, наоборот, условного «красного», фанатичного охранителя и государственника.

Задав два вопроса – "нужна ли в России новая революция?" и "нужно ли изымать собственность олигархов?", – можно обнаружить, что многие "белые" ответят на него утвердительно. В свою очередь известен феномен "красного путинизма", когда

речистые агитаторы набрасываются на неких новых власовцев, параллельно отмахиваясь от любых попыток "раскачивать лодку". Советские реконструкторы никакие не новые большевики, равно как и ностальгирующие хрустобулочники далеки от высоких стандартов кодекса чести русского офицера. И те, и другие – не более чем участники косплея, ролевой игры, герои постмодерна.

Однако речь идет не только о безобидных исторических играх виртуалов. В определённых условиях мифы прошлого способны воплотиться в новую гражданскую, и это будет не борьба за будущее, а конфликт антикваров – тупик, выражение слабости, а, возможно, и прелюдия национальной трагедии. Отвечая на вопрос, является ли красно-белая войнушка политической имитацией, можно ответить так: в настоящий момент – да, однако не известно, каким будет ответ через 10-15 лет. *"Красно-белая гражданская" не сможет стать полноценным политическим процессом, поскольку лишена содержательного наполнения, однако может стать удобным громоотводом, цементирующим власть нынешних элит.*

В истории XX века мне ближе красные, однако, я готов с уважением слушать и другую сторону, когда она готова разговаривать, а не писать доносы в прокуратуру или требовать запретить большевизм в припадке "декоммунизации". Не вцепляться же в глотку лишь на основании исторических привязанностей современным поклонникам Колчака или Николая II, которым могу посоветовать проследить за национал-большевистской эволюцией профессора Устрялова.

Несколько лет назад, весной 2014 года, пассионарии отстаивали будущее – мы наблюдали, как красные и белые патриоты сомкнули ряды вокруг Крыма и Донбасса. Преодоление территориального распада 91-го года, восстановление исторической России – всё это на непродолжительное время стало реальностью. Также вполне четко проявилась и обратная позиция – стали видны сторонники ельцинских границ, национал-уменьшители. Однако, по мере того, как огонь

Русской Весны был насильно притушен властями, нам вновь стали подсовывать прошлое вместо будущего.

Я предлагаю задуматься о следующих ключевых моментах нашей темы:

1.Если рассмотреть историю Российской Федерации, то нетрудно заметить, что народ был вытеснен с исторической арены, а основным политическим субъектом была государственная номенклатура, разделяемая, в свою очередь, различными элитными кланами. В череде событий, где народ, стоит признаться себе, не решал ничего, всё же было несколько эпизодов, когда наблюдалось участие народа – это события октября 1993 года и уже упомянутая Русская весна 2014 года. Оба эти эпизода консолидировали и "белых", и "красных", продемонстрировали возможность преодоления противоречий в "час икс". Кровь героев, пролитая за народовластие и Новороссию, важнее чернил бумагомарателей, и уж точно важнее мегабайтов видеоблогов.

2.Народ не белый и не красный, не правый и не левый. На мой взгляд Россия – скорее красная страна, где главной ценностью люди называют социальную справедливость, однако подавляющее большинство русских людей, причем разных возрастов, хотя и имеет тот или иной взгляд на события XX века, не испытывает антагонизма к людям с иными взглядами на историю. Надо четко осознавать, что упертые красные и упертые белые – это сектанты, пытающиеся навязывать свои верования большинству. В принципе, активное меньшинство обычно увлекает за собой большинство, так устроено общество, однако было бы опасно, если бы это меньшинство основывалось на принципах исторического антагонизма.

3.С опаской и настороженностью следует относиться к попыткам различных публичных персон разогреть новую гражданскую, расколоть патриотов на два лагеря, исходя из их отношения к прошлому страны. Равно неприятны как отрицание славных страниц русской истории до 1917 года, так и проклятья в адрес советских, якобы виновных во всех нынешних бедах. На мой взгляд, основное противостояние настоящего

момента проходит по линии *"патриоты-либералы"* (есть, само собой, и власть, которая находится между этими полюсами). Соответственно, тот, кто пытается расколоть патриотов на белых и красных, подыгрывает либералам, не давая консолидироваться антилиберальным силам. Не сложно прийти к выводам, что такое положение дел выгодно и нынешней власти, на самом деле опасающейся не либеральной, а антилиберальной оппозиции, которая на данный момент, увы, так и не сформировалась как более-менее организованная сила.

4.Итальянский футурист Филиппо Томмазо Маринетти в своих манифестах часто использует в негативном значении слово "пассеизм", которое, как оказывается, присутствует и в русском языке. Словарь Ушакова дает ему следующее определение – "пристрастие к прошлому, любование им при индифферентном или враждебном отношении к настоящему". Мне кажется, людям, которые обращаются к истории нашей страны, стоит задумываться, где находится грань между здоровой приверженностью корням и анализом исторического опыта предков, с одной стороны – и этим самым пассеизмом, бегством от настоящего и будущего в уютную виртуальную реальность прошлого, с другой.

Андрей Алексеевич Песоцкий

Точки соприкосновения различных политических сил после февраля 1917 года. Вопросы и перспективы современного объединения

К моменту революционных событий 1917 года Российская империя находилась в состоянии затяжного кризиса. Нерешенные структурные вопросы еще со времен Первой русской революции 1905 года будоражили различные социальные слои нашей страны.

К ключевым положениям, которые можно назвать «пять вопросов революции», следует отнести: аграрный, военный, рабочий, национальный, а также вопрос о власти.

С момента подписания Октябрьского манифеста Николая II 1905 года, на территории Российской империи фактически была установлена легальная многопартийность. Мы знаем, что российский партийный спектр в этот период был представлен разнообразными, подчас диаметрально противоположными по своим взглядам партиями, от революционных до право-монархических. Однако же, несмотря на столь явное идеологическое различие, **все политические программы указанных партий конструировались вокруг «пяти вопросов революции», что можно назвать главной точкой «соприкосновения» политических сил в России накануне Революции.**

Современная социально-политическая ситуация в нашей стране вновь формирует «пять вопросов революции» на новом витке развития. Рискну предположить, что они, с натяжкой и поправкой на современные реалии, могут быть снова названы все теми же «аграрным, рабочим, военным,

национальным и властным вопросом» (я бы конечно условно переформулировал аграрный в аграрно-жилищный).

И ведь действительно, а не стоят ли перед нами все те же вопросы:

- Каковы будут условия жизни подавляющего большинства населения (в революцию – крестьян/рабочих, сегодня – «граждан»)? Вопросы владения и справедливости владения т.н. «элитой» землей, недрами и другими факторами производства стоят очень остро. Жилищный вопрос, включающий проблему доступности жилья, в том числе для молодых семей, является животрепещущим для большинства населения нашей страны. К тому же, уровень социально-экономической дифференциации в России в целом находится на уровне стран третьего мира.

- Каковы будут условия и оплата труда рабочих? Я думаю, что вопрос справедливой оплаты труда, трудовых и социальных гарантий сегодня просто невероятно злободневен и очевиден. Тем более в контексте летних пенсионных преобразований он еще больше актуализировал вопрос утраты/защиты базовых социальных прав и гарантий.

- Вопрос войны и мира так же является неотъемлемой частью не только нашей истории, но и нашей современности. Кстати, если посчитать все конфликты в совокупности, то Россия при Путине уже лет пять-шесть стабильно воюет. Причем, вопросы вызывает успешность проводимой внешней политики страны, во многих отношениях напрямую тупиковой. Да и можно ли разделять внешнюю и внутреннюю политику?

- Национальный вопрос в России может сегодня показаться не столь актуальным. Однако мы можем вспомнить еще недавние события 2010-2012 годов, вызванные миграционным наплывом и целой серией конфликтов на этнической почве, которые не позволяют нам забывать об этой проблеме. К тому же, по комплексу социально-экономических показателей в стране критический региональный дисбаланс. Цитируя В. В. Путина за 2016 год: «Общие доходы пяти самых богатых и самых бедных регионов различаются в сорок три раза. А если взять самый

богатый и самый бедный – даже и говорить не буду, там вообще в сотни раз». Думаю, можно согласиться с тем, что уровень межэтнической напряженности напрямую коррелирует с социально-экономическими проблемами. Множество вопросов вызывают и дотации ряду Северокавказских республик. В общем, национальный вопрос в России переливается всеми красками.

- И, наконец, **вопрос о власти**. Очевидно, что наша страна испытывает целый ряд проблем политической системы. Это и проблема дальнейшего функционирования полутора-партийной системы, это и вопрос отсутствия «национальной идеи» и идеологии, это и крайняя фрагментированность политической среды, практическое отсутствие реальной публичной политики, и предстоящий транзит президентских полномочий преемнику Путина, который для нашей власти должен, при этом, пройти с минимальными социально-политическими издержками, и многое другое. *По сути дела, мы находимся в ситуации политического кризиса, по крайней мере, он стучится в двери и готов в любой момент войти, и нет гарантий что власти удастся урегулировать ситуацию.*

Но, как известно, мир диалектичен, и у любой медали две стороны. *Возможно, наступает день, когда «контрэлита» В. Парето получит определенное пространство для маневра и сможет найти между собой «точки соприкосновения»?* Но сможет ли?

Конечно, тяжело ответить на этот вопрос однозначно. Вы можете спросить, а **есть ли социальные предпосылки для объединения столь разных политических сил, с диаметрально противоположными идеями, взглядами?** Я думаю, ответ здесь однозначен – **предпосылки есть**, чему свидетельство вышеуказанные пять вопросов перманентного кризиса российской действительности.

Но для этого должна быть не только политическая воля, но и политическая мудрость. У нашего великого классика Л. Н. Толстого есть хорошие мысли, которые можно перевести и в политическую плоскость: «Для того, чтобы было легко жить с каждым человеком, думай о том, что тебя соединяет, а не о том, что тебя разъединяет с ним», «Ничто так не разъединяет людей,

как гордость, и личная, и семейная, и сословная, и народная», и можно добавить: «партийная, идейная». Так может и нам стоит задуматься? Перестать щеголять тем, что это несовместимо с этим, а третье со вторым? **Может быть, хватит тратить энергию в бесконечных прениях по второстепенным вопросам, доказывая друг другу идейные, методологические и концептуальные различия, и начать выработку общей магистральной линии?** Ведь цели и задачи понятны – решение вечных российских пяти вопросов. **Пора отбрасывать столетние партийные противоречия и бросать жребий.**

Никита Александрович Гудков

ПРЕОДОЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Тема гражданской войны, от которой наше время отделено уже целым веком, по-прежнему волнует русский народ, несмотря на то, что в нашем обществе нет ни настоящих красных, ни настоящих белых. Лишь единицы способны понять глубину этого противостояния, большинство ограничивается лишь ресентиментами и пересказами агитационных штампов, которые ему мало понятны.

В самом начале хочу разобрать природу такого явления, как гражданская война. Для начала дам определение: гражданская война является свидетельством того, что противостояние внутри страны достигло высшей степени интенсивности. Враг извне представляется менее значимым и менее опасным, чем внутренний противник. Государство сохраняет свое единство до того момента, пока оно способно снимать любые конфликты внутри себя перед лицом внешней опасности. Если же оно более не справляется с этой миссией, то право определения друга/врага отходит внутренним группировкам. Внутренняя политика становится внешней… Враждующие стороны уже не осознают себя единым народом, единой цивилизацией. Руководящей силой здесь является ненависть, дошедшая до состояния остервенения. Больше всего друг друга ненавидят те враги, которые некогда имели много общего между собой. Гражданские войны никогда не заканчиваются: однажды расколотое политическое единство никогда не удается собрать воедино. Проигравшая сторона никогда не смиряется со своим положением, она лишь на время затихает и ждет момента реванша. Народ, который испытал искушение братоубийством, более не может жить как прежде, враги, однажды познавшие вкус крови, к примирению не способны.

Наша страна не стала исключением из этого правила. Противоборствующие стороны обозначились задолго до начала XX в. – Вольга и Микула, дворянство и крестьянство. Однако

именно после февральского переворота они окончательно утратили чувство единства и вступили в борьбу между собой. Это не значит, что крестьянское и дворянское сословия не конфликтовали прежде, однако именно теперь, после исчезновения Монархии, они решились на полное взаимное уничтожение.

В настоящее время нет ни настоящих красных, ни настоящих белых. Первые постепенно исчезли после смерти Сталина, вторые, оказавшись в эмиграции, потеряли связь с родной почвой. Однако война между этими уже не существующими сторонами по-прежнему идет. Современный россиянин примеряет на себя роль то одних, то других, совершенно не разбираясь в сути вопроса. Чем сильнее непонимание, тем больше ненависти. Ряженые красные и ряженые белые уничтожают друг друга громкими речами на телевизионных ток-шоу, радиоэфирах, страницах книг и газет, просторах виртуального мира. Настоящие белые и красные прекрасно понимали, за что они воюют, какие идеалы защищают. Большевики грезили мировой революцией и всеми силами пытались сокрушить буржуазию как класс; их противники цеплялись за мир, созданный февральским переворотом, с учредительным собранием и партийными спорами. Нынешние ряженые не отдают себе отчет в том, что они защищают. У них есть лишь некий абстрактный образ России, почерпнутый из той или иной агитки, а также перемешанный с ресентиментом страх перед теми, кто этот идеал не разделяет.

Однако легче от этого не становится. Взаимная неприязнь этих кликуш без труда может быть аккумулирована в ненависть к собственной Родине. Ряженые белые/красные готовы любить только ту Россию, которая будет соответствовать их агиткам. А пока это не так, она для них чужая, враждебная страна. Следовательно, новая гражданская война сегодня реальна как никогда прежде. Споры вокруг событий столетней давности отнюдь не являются надуманными. Да, в современной России люди, надевающие на себя маски белых или красных, не способны внятно объяснить свою позицию, однако в их душах живет боль,

боль разделенного надвое единого целого. В сознании обеих сторон остается память о прошлом, когда этого раскола не было. Но отсутствие возможности объединения усиливает ненависть к условному «другому», возникает соблазн уничтожить его, чтобы создать новое целое, но уже из себя.

Часто говорится о необходимости примирения белых и красных. Убежден, что это невозможно. Первая причина указана мною выше: конфликт такого типа можно лишь на время притушить, но при этом каждая сторона будет держаться своей ненависти. Гражданская война способна существовать как архетип на уровне бессознательного. Периодически она будет всплывать под воздействием различных внутренних или внешних побудителей. Обе враждующие стороны, носительницы сознательной памяти о прошлом и связанной с ней бессознательной ненависти к "чужому", не способны найти в себе силы простить противника и вновь увидеть в нем брата.

Вторая причина коренится в том, что ни красные, ни белые не способны были понять Россию. Первые смотрели на нее через очки марксизма-ленинизма, вторые – через пенсне и монокли либерального непредрешенчества.

И красные, и белые совершенно не понимали природу русской государственности. Последняя в отечественной политической традиции осмыслялась как земное отражение небесного порядка. В монархии русские видели сакральный институт, освящающий собой весь государственный организм. Когда Иван Грозный в 1565 г. заявил, что оставляет престол из-за интриг со стороны боярства, народ был в ужасе, он совершенно не представлял себе, как может существовать отечество без Царя. Тем не менее, и красные, и белые без всякого зазрения совести предали Государя. Обе стороны самовольно решили навязать России республику. Вопреки многочисленным мифам, белые никогда не стремились к восстановлению Монархии, глубоко ошибаются те, кто приписывает им консервативные взгляды. В борьбе с большевиками они сражались за идеалы феврализма, которые с сильной самодержавной властью никак не вязались.

Красные вообще стремились построить общество, для которого государство станет излишним, жизнь заставила их впоследствии перестроиться, однако изначальная демократическая природа в итоге дала о себе знать.

Вырисовывается совершенно безысходная ситуация. Перед нами народ, который не может помириться сам с собой. Как быть России? Ответ прост, и в то же время сложен. Гражданскую войну надо *преодолеть, диалектически снять*. Чтобы враждующие стороны зарыли топор войны и вновь ощутили некогда утерянное единство, необходимо кардинальное историческое изменение. Иными словами, требуется Событие, открывающее новую историческую эпоху.

Перейдем от общих фраз к конкретике. Кто способен снять конфликт красных и белых? Какое Событие радикально преобразит Россию? Возвращение Царя самодержавного...

Речь идет о возвращении к архетипу тяглового государства, все подданные которого повязаны долгом службы. В Российской империи этот принцип был нарушен, что послужило причиной ее крушения. Реставрация Русского Царства является единственным выходом из тупика красно-белого противоречия. Почему? Государь объединяет в своем лице все находящиеся под его скипетром сословия и все народы. Царь являет собой диалектическое снятие всех существующих в государстве противоречий. Когда непосредственно данное тело народа распадается, оно испытывает острую необходимость в личности, способной вобрать в себя все образовавшиеся различия и возвратить им утерянное единство. Таковой персоной является Государь. Царь трансцендентен по отношению к собственным подданным. Свою власть он получает от Бога, ни в коем случае не от народа, это позволяет ему возвыситься над "многомятежным человеческим хотением" и установить мир в Империи. Поэтому гражданская война в России закончится только тогда, когда она снова станет Царством, вернется к своим органичным историческим началам.

Но откуда придет Царь? Кто станет им? Ответа на эти вопросы нет, по крайней мере на настоящий момент. Русский

народ со своей стороны может лишь создать условия, в которых Государь сможет проявить себя. Речь идет в первую очередь о возвращении к идеалам общности, соборности. Обращение к исконному московско-византийскому Православию также является необходимым условием для избавления от морока либерализма. Если русский народ сможет возродить в себе свой изначальный образ, то Государь явится сам, именно это событие и станет свидетельством того, что Россия возвратилась к собственной сущности, собственной почве. Подробнее об этом будет сказано в нашей будущей книге, посвященной царской власти.

Здесь полезно вспомнить опыт Первого Рима. Некогда он погряз в пучине гражданской войны (причем вполне реальной, а не подсознательной). Оптиматы грызлись с популярами, казалось, что конца не будет этой вакханалии. Все изменило воцарение Октавиана Августа. Император остановил братоубийственное кровопролитие и установил вечный мир в Риме. Современная Россия ожидает своего Октавиана Августа. Возвращение Царя ознаменует собой подлинное окончание Гражданской войны и восстановление традиционной христианской государственности.

Кирилл Михайлович Новиков

СССР как Красный Катехон в свете Четвертой политической теории (4ПТ)

В докладе я рассмотрю коммунизм как мессианскую и эсхатологическую идею, а также постараюсь показать, что отказ от классических политических теорий и создание единой платформы для представителей левых и правых взглядов – единственная возможность для построения **многополярного** мира.

Коммунизм как мессианская идея. Мессианизм в поле русской идеи появился вместе с христианством, и осознавался как необходимость просвещения нехристианских народов о слове Божьем. Национальный контекст христианский мессианизм приобрёл под пером инока Филофея, который высказал идею Москва – Третий Рим, после падения второго Рима - Константинополя.

В данной концепции Москва подразумевается в качестве Катехона. «Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь» (Второе послание Ап. Павла к Фессалоникийцам 2:7). Катехон – это и есть «удерживающий», который мешает антихристу воцариться в нашем мире, за его приходом последует великая битва и Страшный суд.

Но как можно связать Катехона, удерживающего от прихода антихриста, и безбожную советскую власть, которую многие верующие и называют антихристом? Возможно ли назвать СССР Красным Катехоном?

Первое. Коммунистическая идеология выражала (и подстраивалась) под чаяния народа. Коммунизм лег на почву

черноземную, ведь 85% населения РИ – крестьяне [1], которые жили общинным образом жизни. Это заметил Маркс: «На Западе дело идет о превращении одной формы частной собственности в другую форму частной собственности. У русских же крестьян пришлось бы, наоборот, превратить их общую собственность в частную собственность» (письмо Вере Засулич от 8 марта 1881 г.). Артель, как основная хозяйственная единица русской традиционной экономики, противостоит капитализму, так как её цель не прибыль собственника, но благоустроенность членов общины. Джон Рид описывал как в Германии в кафе лидеры профсоюзов, одетые как буржуа, обсуждают с юристами как больше отжать у собственника предприятия; в России же на рабочих собраниях звучат радикальные требования общинного передела земли и средств производства. Именно поэтому идея равных прав на образование, медицину и пр, а главное идея передачи основных фондов и средств производства в руки трудящихся увлекли простой народ за большевиками, ведь большевики обещали исполнить вековые чаяния народа об общинном укладе жизни в масштабах государства.

Второе. Коммунизм воспринимался народом как идея религиозная. От коммунизма ждали полного преображения действительности. Тот же Джон Рид описывает, как в Петрограде в 1918 году после речи на левом митинге толпа замирает, колышется, находясь в некоем трансовом состоянии, будто бы прямо сейчас готова ворваться в коммунизм. Бастующие рабочие в Петрограде в 1918 по официальным отчётам ждали коммунизма и поэтому не выходили на работу. Лидеры большевиков употребляли формулу «с нами те, кто верит в коммунизм». По сути коммунизм сам стал религией, несмотря на свою агрессивную антирелигиозную повестку. То есть внешняя форма коммунизма – рационализм и безбожие, а суть – религиозное ожидание нового преображённого мира.

---

1 Статистический ежегодник России. 1914 г. Издание ЦСК МВД. Пг., 1915. Отдел I.

Третье. Коммунизм в революционной России был не просто религиозной идеей, но впитал в себя одну из спорных христианских концепций – хилиазм. Под хилиазмом понимается краткий период Царства Божьего на земле, когда перед Страшным судом 1000 лет будет править Христос. Простой народ таких сложных понятий не знал, зато тысячами бежал в Беловодье, и «тамо не может быть антихрист и не будет» [2]. Наложение коммунизма на хилиастические ожидания даёт следующую схему: Маркс – Бог-Отец, пролетариат (помазанник, избавитель) – Христос, лидеры коммунистической партии – апостолы. Христос-пролетариат вступает в борьбу с антихристом, под которым в коммунистическом видении понимается капитализм, и побеждает его, что и знаменует эру процветания, то есть Царство Божие на земле. М. Горький на острове Капри разрабатывал данную идею, но официального хода она не получила. М. Элиаде подметил, что «бесклассовое общество Маркса и постепенное исчезновение исторических антагонизмов точно повторяют миф о Золотом Веке, который является одним из самых распространенных в мире мифов, и согласно многим традиционным верованиям, знаменует начало и конец Истории» [3].

Таким образом коммунизм воспринимался народом в первые революционные годы в России сознательно и бессознательно как Красный Катехон, как удерживающий от порабощения властью капитала. Но периоды военного коммунизма и НЭПа, разочаровали многих идейных коммунистов, так как военный коммунизм суть время проб, а НЭП – возврат к эпохе дореволюционной, когда спекулянт и/или собственник крупного капитала снова оказались у руля.

Только постановка надэкономической цели – оборона страны – смогла раскрыть творческий и трудовой потенциал народа, обеспечившего небывалый рывок в научно-промышленном

2 Список А.П.Щапова (Щапов А.П. Земство и раскол // «Время», 1862, № 10, с.277—278

3 Мирча Элиаде Священное и мирское// М.: Изд-во МГУ, 1994, 128

развитии, который стал залогом победы в ВОВ. Говорят, мол, «строили из-под палки», но тот, кто занимался управлением, понимает, что раб не будет работать с энтузиазмом, не будет совершать научные открытия. Народ видел, что строятся сады, школы, университеты, заводы и он, народ, пользуется этими благами. Только после начала индустриализации народ снова поверил в «светлое будущее коммунизма».

Отметим, что в мировом масштабе СССР выполнил задачу Катехона дважды: 1. Победой над объединенной капиталистической Европой во главе с Гитлером, уже много веков желавшей полакомиться нашим ресурсами. 2. Союз способствовал тому, что в капиталистических странах повышался уровень жизни трудящихся, ведь после войны профсоюзы и компартии в различных странах начали борьбу против буржуазии, и последняя была вынуждена улучшать социальные условия жизни трудящихся. Значит СССР на практике удерживал устремления капитала по максимизации прибыли. После нашего проигрыша в холодной войне мы видим, как во всем мире постепенно сворачиваются социальные программы, так как нет второго центра силы.

Кстати, сам Христос совершил единственный акт насилия, описанный в Библии – перевернул столы торговцев в Храме, и именно после этого Его решили схватить. То же самое в мировом масштабе сделал СССР – покусился на миропорядок саддукеев, только они с ним поступили хитрее на этот раз, он сам себя распял. **На примере Христа видно, что, выступая против торговцев, можно лишиться жизни, но в этом Его путь, наш путь.**

Переходим ко второму тезису – СССР в свете 4ПТ. Внимательно рассмотрев сталинский период мы можем обратить внимание, что марксистские догматы не имели полного воплощения в социально-экономической модели страны. 1. Существовало малое предпринимательство (частному предприятию позволялось иметь до 50 человек штат, делать наценку на свою продукцию на 12% выше госцены ; в 1936 году 6% промышленного производства за счёт частных кооперативов

). 2. линия на построение социализма в отдельно взятой стране шла в разрез с классическим марксизмом. 3. Интернационализм плавильного котла был заменён на линию, где каждый этнос и народ получил право на сохранение собственных традиций, а *русский народ был назван «старшим братом в семье советских народов» (а это исторически и его слава, и крест)*. Сталин не был догматиком марксизма, он был практиком и понимал, что нужно строить страну с учётом её национальной и исторической специфики. В этом его отличие от Хрущева, который начнёт реализовывать бездумно марксистские практики (запрет приусадебных хозяйств, отмена частного предпринимательства, виток борьбы с религиями).

Нам же важно отметить, что красная идея не обязательно должна воплощаться в классическом марксистском виде. Удачными примерами слияния социализма и национальных, в том числе религиозных, особенностей при построении государственной системы могут являться арабский социализм партии Баас, исламский социализм Джамахирии, латиноамериканский христианский социализм (Чавес-Мадуро, Моралес, Корреа).

Сегодня нам следует отказаться от 3х сложившихся политических систем: либерализм, коммунизм (марксизм), национализм (фашизм), при этом взяв лучшее от них для нужд собственного развития. Методологию для создания суверенного государства, в которой могут быть учтены национальная и историческая специфика страны, предлагает 4ПТ, разработанная философом А. Г. Дугиным. 4ПТ предлагает разложить каждую систему на элементы/идеологемы, тогда окажется, что в каждой есть что-то ценное. Например, в либерализме – концепт свободы для – для творчества, для семьи, для труда (а не свободы от – от пола, от этнических и народных традиций); в коммунизме – концепт социальной справедливости и чувства меры в создании и распределении благ (нет плавильному котлу для народов, каждый народ имеет право сохранять свою идентичность); в национализме –

концепт опоры на традиционные ценности (нет национальной исключительности в форме расизма).

Данная методология – приглашение к творчеству, ведь каждый народ имеет собственные особенности, однако предположу, что в основной массе любой здоровый народ выберет вариант развития с экономикой социальной справедливости и политикой, основанной на следовании собственным традициям.

Замечу, что в России и в Европе мало представлены силы или партии с подобной платформой. В России А. А. Проханов объединяет на полях газеты «Завтра» левых и правых, а также издание «Свободная пресса» С. А. Шаргунова, еще можно отметить работу в этом направлении Изборского клуба. В Европе – Ален де Бенуа, также мы видим попытки создать коалиционное правительство левых и правых в Италии. Предположу, что *мировому капиталу крайне невыгодно появление таких платформ, ему выгодно вечно сталкивать нас лбами, левых и правых, и при этом продолжать контролировать политические и экономические процессы.*

Поэтому **наша задача – объединять адекватные политические силы на единой платформе, в этом нам поможет методология 4ПТ.** Данный процесс станет фундаментом для построения многополярного мира, в котором каждый народ сможет выбрать свой путь, оставив в прошлом деление на правых и левых. Крайне важно, чтобы объединение наших сил происходило через общее дело, им может стать разработка теории антигегемонии (теория гегемонии А. Грамши как отправная точка) и её претворение в жизнь.

При этом надо помнить, что русский народ – это этносы, объединенные одной целью, и если этой целью станет идея построения на деле справедливого государства, то мы получим огромный выплеск творческой энергии, от которой смогут подпитаться народы Европы и всего мира. Так Россия снова явится миру в образе Катехона. Надеюсь, в последний раз перед Страшным судом.

ВЫВОДЫ

• Русская история соткана из противоречий, можно любить или ненавидеть тот или иной период истории, но нельзя отрицать один период и признавать другой. Нам следует воспринимать историю целостно, признавать ошибки, превращая опыт в знание.

• Московское царство представляет собой душу, а Советский Союз тело одного и того же живого организма.

• В отрицании русский (в цивилизационном плане) человек доходит до предела, где этот предел перетекает в свою противоположность и объемлет её. Так русский марксист верует в коммунизм, отрицая религиозность.

• Конечная цель ранних большевиков полностью совпадала с целью первых русских царей – создание справедливого общества как предтечи второму обретению рая.

• Сегодняшнее вероломное вторжение Фанара на каноническую территорию РПЦ может напомнить нам о причинах раскола XVII века.

• Бытие личности утверждается непосредственно через бытие в Боге и диалог с Предвечным Логосом, через обожение. Путь к своей самости для РПЦ, к раскрытию своего цельного лица лежит через воссоединение со старообрядческими церквями путём восстановления евхаристического общения.

• Константами русской истории являются православная вера и русское воинство. Во всех исторических событиях, где наше воинство соблюдало и сохраняло православную веру и традиции, мы всегда побеждали врага.

• Врагом сегодня является глобализация, распространение Запада в планетарном масштабе. В противостоянии этому врагу язычество – как набор традиций, связанных с этносом, месторазвитием и культурой (локальность против глобальности) – является естественным союзником православного традиционалиста.

• Нет двоеверия, вера у нас одна. Язычество суть почва, в которую упало зерно Православия, и проросло. Можно вкушать

плоды с того дерева. Дерево не живёт в одиночку, но и почти без растений мертва.

• Народное Православие единственное не прерывалось, развиваясь с начала христианизации Руси и сохраняясь в народной толще, в отличие от церковности государственной, одевшей новые одежды с Расколом и угаснувшей с Революцией. Народное Православие – и разудалая масленица и строгий пост.

• Русский народ должен осуществить задание – реально и исторически достичь того состояния Русской мечты, которое логически и метафизически предшествовало истории России и всегда оставалось как бы «над» ней.

• Северная Евразия представляет собой единое месторазвитие для представителей различных этносов. Русские, финно-угры, тюрки, тунгусо-маньчжурские, палеосибирские этносы, сами того не зная, веками демонстрировали не только контакты друг с другом на уровне языка и технических заимствований, но и сходства на бессознательном уровне в построении музыкальных гамм, в нефилософском, «бытовом» восприятии импортированных извне мировых религий (православия у русских, ислама у татар, буддизм у бурят).

• Россия уже прошла четыре полных цикла осуществления своей мечты, и уже вступила в начало пятого цикла. Его первая половина будет характеризоваться мобилизацией народа на решение военно-стратегической задачи ликвидации враждебных антисистем и возвращения в естественные границы евразийского пространства исторической России. Свободный народ в своем пространстве – таким будет девиз этого периода. Вторая половина цикла будет отмечена усилением социальной и территориальной мобильности населения, его бурной внутренней активности, мощным культурным, инфраструктурным и экономическим строительством, поиском адекватных форм сотрудничества с другими соседними «большими пространствами» (европейским, ближневосточным, индийским, китайским).

• Земля, впитавшая кровь павших за неё предков, не может быть предметом торга ни на международной арене, ни внутри

страны – наша земля священна и не может продаваться в собственность. География земли, пропитанной кровью – красная география. Земля и её недра должны находиться в общенародном пользовании и являться собственностью «общины-государства».

• Россия есть «континент в себе», колоссальный континентальный сосуд, метафизическая чаша Евразии, жаждущая быть наполненной Духом. Только Идея-правительница по своим масштабам соответствующая размерам сосуда способна открыть наши творческие и трудовые способности. Эта идея должна быть надэкономической.

• Народ не красный и не белый, но русский. Народ за пересмотр итогов приватизации в России, когда крупнейшие объекты госсобственности стали частными. Отношение к итогам приватизации – проверка по линии патриот или либерал.

• Патриотическим силам не следует тратит силы на споры о деталях собственных теорий, но сосредоточится на основных вопросах повестки, которая была актуальна в начале XX века и стала значимой с момента распада Союза, а именно это вопросы аграрный, военный, рабочий, национальный, а также о власти.

• Русскому человеку нужна как горизонтальная самоорганизация и широкие свободы, так и вертикальная связь с единым центром, обеспечивающем оборону и гражданскую инфраструктуру за счёт регулярных сборов, то есть - анархия внизу и Царь наверху.

• Речь идет о возвращении к архетипу тяглового государства, все подданные которого повязаны долгом службы.

• Русская традиция должна быть проявлена во всех сферах жизни, в первую очередь образовательной и информационной. Мы должны вспомнить, что многое из нашего мировоззрения становится понятным именно в связи с общиной.

• Первостепенной задачей является постижение русской идеи посредством опоры на русский язык, очищенный от ядовитых чужеземных примесей и обновлённый творческим волевым усилием – поэтически. Ключевые понятия языка должны быть вновь осмыслены.

• В нашем языке есть слова «доля» и «счастье». И то и другое отсылают нас к чему то общему, часть которого имеет и должен получить каждый. Спасение или кара будет для всех общая.

• Христос совершил единственный акт насилия, описанный в Библии – перевернул столы торговцев в Храме, и именно после этого Его решили схватить. То же самое в мировом масштабе сделал СССР – покусился на миропорядок саддукеев, только они с ним поступили хитрее на этот раз, он сам себя распял. На примере Христа видно, что, выступая против торговцев, можно лишиться жизни, но в этом Его путь, наш путь.

• Сегодня нам следует отказаться от трёх сложившихся политических систем: либерализм, коммунизм (марксизм), национализм (фашизм), при этом взяв лучшее от них для нужд собственного развития. Методологию для создания независимого государства, в которой могут быть учтены национальная и историческая специфика страны, предлагает Четвертая Политическая Теория.

✡✡✡

мне не надо планеты всей
мне бы только мою Россию
этот чертополох в овсе,
небосвод несусветный синий

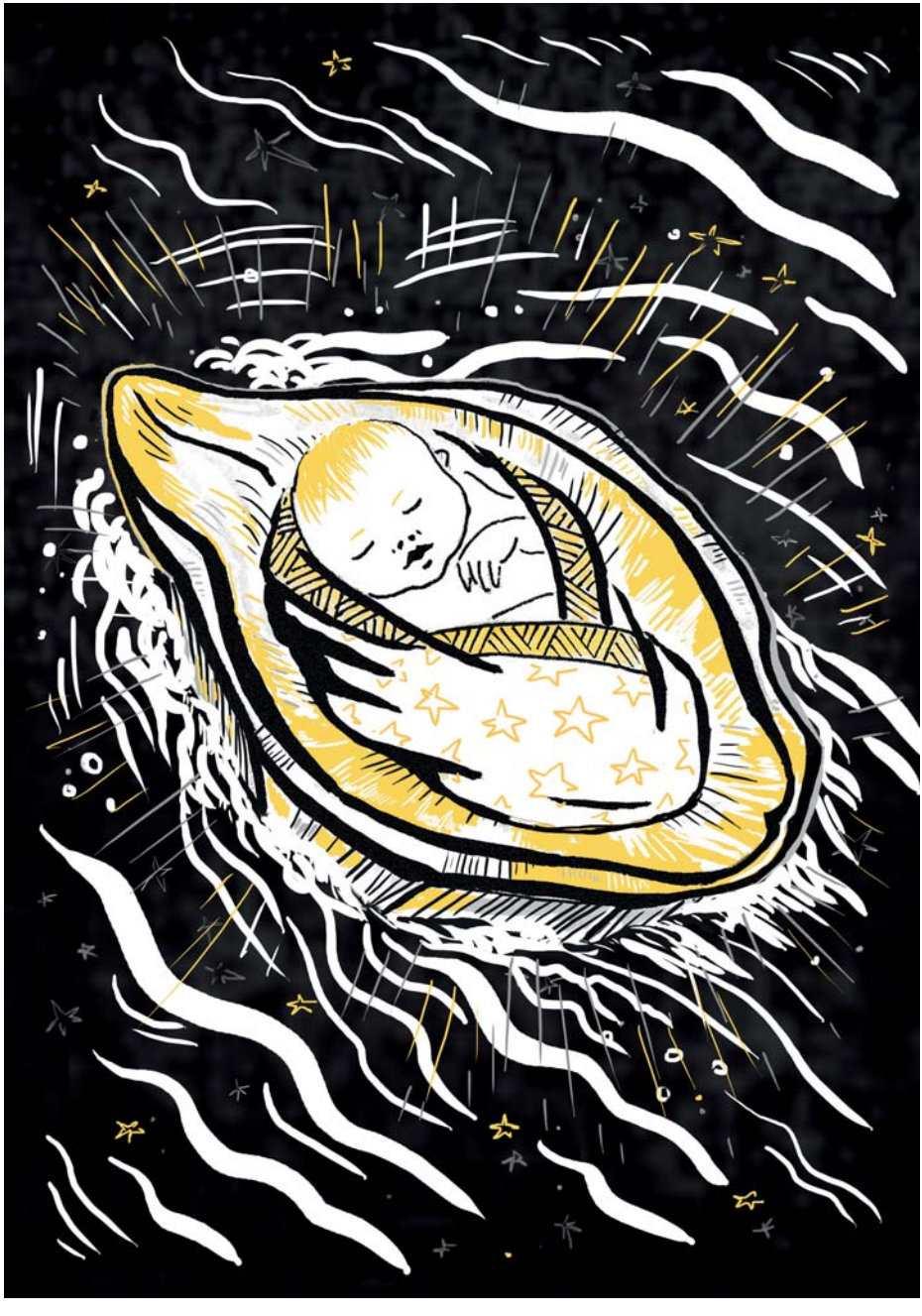
тульский пряник, казачью плеть
царской водки стакан граненный
эту правду и эту бредь
эти плещущие знамена

непролазную грязь полей
полигоны в кровавых маках...
эти песни о ней... о ней -
под оркестр копыт и траков

этот древний кусок доски
и печальные очи Бога
мой могучий, дремучий скит -
бриллиантовая берлога

этой дикой тайги отвар
эту немощь и мощь закона
это наша земля - братва!
от аляски - до лиссабона

степь пылающая в века
льдин арктических треск и скрежет
эти девственные снега
и безудержный пляс медвежий

мне не надо планеты всей
мне бы только мою Россию…
этот чертополох в росе
и в груди моей птицу Сирин.

Богдан Андреевич Самай (2015г.)